

Je Suis

ЖАН ПОЛЬ САРТР

ДЬЯВОЛ И ГОСПОДЬ БОГ

NEO-Классика

Жан-Поль Сартр
Дьявол и Господь Бог

«Издательство АСТ»

1942, 1945, 1976, 1948, 1951, 1960

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Сартр Ж.

Дьявол и Господь Бог / Ж. Сартр — «Издательство АСТ», 1942, 1945, 1976, 1948, 1951, 1960 — (NEO-Классика)

ISBN 978-5-17-106669-7

Две женщины и мужчина ведут бесконечный разговор в комфортабельном гостиничном номере, расположенном в Аду... Юный царевич-матереубийца Орест познает, в крови и боли, какую высокую цену приходится платить за истинную свободу... Рыцарь-разбойник Гец фон Берлихинген затевает рискованную игру с высшими силами, силясь понять, почему все творимое им добро в итоге оборачивается злом... Полубезумный аристократ Франц фон Герлах, затворившийся после войны в уединенном поместье, пытается отличить собственную вину за нацистское прошлое от экзистенциальной вины за преступления самого века... Семь пьес Сартра, входящих в этот сборник, часто называют «программными произведениями экзистенциализма», однако это, пожалуй, преуменьшение – ведь трудно себе представить степень влияния, которое они оказали и по-прежнему продолжают оказывать на мировосприятие молодых интеллектуалов всего мира. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-106669-7

© Сартр Ж., 1942, 1945, 1976, 1948,
1951, 1960
© Издательство АСТ, 1942, 1945, 1976,
1948, 1951, 1960

Содержание

Мухи	6
Акт первый	7
Явление первое	7
Явление второе	12
Явление третье	14
Явление четвертое	14
Явление пятое	16
Явление шестое	19
Акт второй	20
Картина первая	20
Явление первое	20
Явление второе	22
Явление третье	24
Явление четвертое	26
Картина вторая	31
Явление первое	31
Явление второе	31
Явление третье	33
Явление четвертое	33
Явление пятое	34
Явление шестое	37
Явление седьмое	38
Явление восьмое	38
Акт третий	41
Явление первое	41
Явление второе	44
Явление третье	48
Явление четвертое	49
Явление пятое	50
Явление шестое	50
За закрытыми дверями	52
Сцена первая	53
Сцена вторая	56
Сцена третья	57
Сцена четвертая	59
Сцена пятая	60
Почтительная потаскушка	80
Картина первая	81
Явление первое	81
Явление второе	82
Явление третье	90
Явление четвертое	92
Картина вторая	96
Явление первое	96
Явление второе	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Жан Поль Сартр

Дьявол и Господь Бог (сборник)

Jean-Paul Sartre

LES MOUCHES. HUIS CLOS

LA P. RESPECTUEUSE. MORTS SANS SÉPULTURE

LES MAINS SALES. LE DIABLE ET LE BON DIEU

LES SÉQUESTRÉS D'ALTONA

Перевод с французского

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard.

© Editions Gallimard, Paris, 1942, 1945, 1976, 1948, 1951, 1960

© Перевод. Л. Каменская, наследники, 2017

© Перевод. Л. Зонина, наследники, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Мухи

Драма в трех актах

*Шарлю Дюклону,
в знак благодарности и дружбы*

Действующие лица

ЮПИТЕР.

ОРЕСТ.

ЭГИСФ.

ПЕДАГОГ.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ.

ВТОРОЙ СОЛДАТ.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ.

ЭЛЕКТРА.

КЛИТЕМНЕСТРА.

СТАРУХА.

МУЖЧИНА.

ЖЕНЩИНА.

МАЛЬЧИК.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

ПЕРВАЯ ЭРИНИЯ.

ВТОРАЯ ЭРИНИЯ.

ТРЕТЬЯ ЭРИНИЯ.

Мужчины и женщины из народа, эринии, служители, дворцовая стража, старухи, идиот.

Акт первый

Площадь в Аргосе. Статуя Юпитера, бога мух и смерти. Глаза белые, лицо вымазано кровью.

Явление первое

Шествие старух, совершающих жертвенные возлияния. В глубине сидит на земле идиот. Входят Орест и Педагог, потом Юпитер.

Орест . Эй, добрые женщины!

Они разом поворачиваются, вскрикивают.

Педагог . Не скажете ли?..

Они сплевывают, отступая на шаг.

Да послушайте же: мы путешественники, заблудились. Мне нужно только справиться у вас.

Старухи разбегаются, роняя амфоры.

Старые клячи! Точно я посягаю на их прелести. Вот уж веселенькое путешествие, государь мой! Нечего сказать, хорошо вы придумали – отправиться сюда, когда в Греции и Италии больше пятисот столиц, где есть доброе вино, приветливые гостиницы и людные улицы. Эти горные жители, наверно, туристов в глаза не видывали. Проклятый городишко совсем истомился на солнце. Тысячу раз я спрашивал дорогу: в ответ – вопли ужаса, паника, тяжелый черный топот по слепящим улицам. Брр! Эти пустые улицы, дрожащий воздух и солнце... Есть ли что-нибудь на свете мрачнее солнца?

Орест . Я здесь родился...

Педагог . Да... Но на вашем месте я не стал бы этим хвастать.

Орест . Я здесь родился, и мне приходится спрашивать дорогу, как случайному прохожему. Постучись в эту дверь.

Педагог . На что вы надеетесь? Думаете, вам ответят? Взгляните на эти дома и скажите, на что они похожи. Где окна? Они глядят во дворы – замкнутые и наверняка темные, – а на улицу эти дома выставляют свои зады...

Нетерпеливый жест Ореста.

Хорошо. Стучу, но это безнадежно. (*Стучит.*)

Тишина. Снова стучит. Дверь приоткрывается.

Голос: «Что вам нужно?»

Только справиться. Не знаете ли вы, где проживает...

Дверь внезапно захлопывается.

Чтоб вам пусто было! Довольны ли вы, господин Орест, достаточно ли с вас этого опыта? Я могу, если вам угодно, барабанить во все двери.

Орест. Нет, оставь.

Педагог. Глядите-ка, кто-то есть. (*Подходит к идиоту.*) Ваша светлость!

Идиот. М-м-м...

Педагог. Не соблаговолите ли вы указать нам дом Эгисфа?

Идиот. М-м-м...

Педагог. Эгисфа, царя Аргоса.

Идиот. М-м-м, м-м-м!

В глубине сцены проходит Юпитер.

Педагог. Вот невезенье! Один не удрал – и тот идиот!

Вновь проходит Юпитер.

Это еще что! Он и сюда явился вслед за нами.

Орест. Кто?

Педагог. Бородач.

Орест. Ты бредишь.

Педагог. Я видел, он только что прошел мимо.

Орест. Тебе показалось.

Педагог. Ни в коем случае. Я в жизни не видел такой бороды. Если не считать одной – бронзовой, которая украшает Юпитера бородастого в Палермо. Глядите, вот он опять. Чего ему от нас надо?

Орест. Он путешествует, как мы.

Педагог. Как же! Мы повстречались с ним на пути в Дельфы. А когда мы сели на корабль в Ите – его борода там уже красовалась. В Навплионе мы шагу не могли сделать – он путался у нас в ногах. А теперь он – здесь. По-вашему, это, конечно, случайные совпадения? (*Отгоняет мух рукой.*) Да, мухи Аргоса, кажется, куда гостеприимней людей. Вы только посмотрите на них, посмотрите! (*Показывает на глаза идиота.*) На глазу, как на торте, – целая дюжина, и он еще блаженно улыбается – доволен, что ему сосут глаза. А из этих гляделок и впрямь сочится какая-то белая жижа, точно скисшее молоко. (*Отгоняет мух.*) Хватит, хватит! Ну вот, теперь к вам прицепились. (*Прогоняет их.*) Это должно вас ободрить: вы все горевали, что чувствуете себя на родине чужеземцем, но эти насекомые так бурно выражают свою радость, они явно узнали вас. (*Прогоняет мух.*) Ну, тихо, тихо! Не надо восторгов! И откуда их столько? Они оглушительней трещоток и крупнее стрекоз.

Юпитер (*подойдя*). Это всего-навсего мясные мухи, чуть разжиревшие. Пятнадцать лет назад их привлекла в город вонь падали. С тех пор они жиреют. Лет через пятнадцать они, пожалуй, станут ростом с лягушонка.

Педагог (*после паузы*). С кем имеем честь?

Юпитер. Мое имя Деметриос. Я из Афин.

Орест. Мне кажется, я видел вас на корабле недели две назад.

Юпитер. И я вас видел.

Страшные вопли во дворце.

Педагог. Ого! Все это не сулит ничего хорошего. Я полагаю, государь мой, что нам лучше всего удалиться.

Орест. Замолчи.

Юпитер . Вам нечего бояться. Сегодня день мертвых. Эти вопли означают, что праздничная церемония началась.

Орест . Вы, по-видимому, много знаете об Аргосе.

Юпитер . Я частенько навещаюсь сюда. Я был здесь, видите ли, в день возвращения царя Агамемнона, когда победоносный греческий флот бросил якорь на рейде Навплиона. С высоты укреплений можно было разглядеть белые паруса. (*Отгоняет мух.*) Мух тогда еще не было. Аргос был тихим провинциальным городишком, лениво скучавшим на солнцепеке. Назавтра я поднялся вместе со всеми на крепостные стены, и мы долго следили за царским кортежем, двигавшимся по равнине. А через день, к вечеру, вышла на укрепления царица Клитемнестра в сопровождении Эгисфа, нынешнего царя. Жители Аргоса увидели их лица, багровые от заходящего солнца, увидели, как они, прильнув к бойницам, долго глядели на море, и подумали: «Быть несчастьем». Но промолчали. Эгисф, вы, вероятно, знаете, был любовником Клитемнестры. Прохвост, у которого уже тогда наблюдалась склонность к меланхолии. Вы, кажется, устали?

Орест . Я был долго в пути, да еще эта проклятая жара. Но я слушаю вас с интересом.

Юпитер . Агамемнон был хороший человек, но он, видите ли, совершил крупную ошибку. Он запретил публичную казнь. А жаль. Доброе повешенье – развлекает, особенно в провинции, и несколько притупляет интерес к смерти. Здешные жители в тот день промолчали, потому что им было скучно и хотелось посмотреть на насильственную смерть. Они ничего не сказали, когда увидели своего царя у ворот города. И когда увидели, как Клитемнестра протянула ему прекрасные надушенные руки, тоже ничего не сказали. Тогда еще можно было обойтись одним словом, одним-единственным, но они промолчали, и перед мысленным взором каждого лежал величественный труп с рассеченным лицом.

Орест . А вы? Вы ничего не сказали?

Юпитер . Вы возмущены, молодой человек? Я рад; это доказывает, что вы исполнены добрых чувств. Нет, я промолчал. Я ведь нездешний, в чужие дела не лезу. Что касается жителей Аргоса, то назавтра, слушая, как вопит от боли их царь во дворце, они опять ничего не сказали, они прикрыли сладострастно закатившиеся глаза, и весь город разомлел, как баба в любовном жару.

Орест . И убийца царствует. Ему выпали пятнадцать лет счастья. Я думал, что боги справедливы.

Юпитер . Тише, тише! Не спешите винить богов. Разве нужно всегда наказывать? Не лучше ли было обратить смятение на благо нравственного порядка?

Орест . Так они и поступили?

Юпитер . Они наслали мух.

Педагог . При чем тут мухи?

Юпитер . О, это символ. Сейчас я вам покажу, что они сделали. Видите эту старую мокрицу – там, вон она семенит на своих черных лапках, прижимаясь к стене; перед вами великолепный образчик фауны, кишашей в здешных щелях, черной и плоской. Я кидаюсь на насекомое, хватаю его и доставляю вам. (*Бросается на старуху, вытаскивает ее на край сцены.*) Вот моя добыча. Ну и мерзость! Эй! Чего моргаешь! Вы ведь здесь привыкли к раскаленным добела мечам солнца. Прыгает, как рыба на крючке. Скажи-ка, старая, ты, должно быть, потеряла дюжину сыновей; ты черна с головы до ног. Ну, говори, может быть, я тогда отпущу тебя. По ком ты носишь траур?

Старуха . Это костюм Аргоса.

Юпитер . Костюм Аргоса? А, понимаю. Ты носишь траур по своему царю, по своему убиенному царю.

Старуха . Замолчи! Замолчи, бога ради!

Юпитер . Ты достаточно стара, ты вполне могла слышать те чудовищные крики, они неслись целое утро по улицам города. Как ты поступила тогда?

Старуха . Как я могла поступить? Мой муж работал на поле, я задвинула все засовы.

Юпитер . Да, и приоткрыла окно, чтобы лучше слышать, притаилась за занавеской, дыханье у тебя перехватывало, в животе сладко щекотало.

Старуха . Замолчи.

Юпитер . Ох и жаркая ж у вас была в ту ночь любовь! Вот праздник-то был, а?

Старуха . О! Господи... жуткий праздник.

Юпитер . Багряный праздник, вы так и не смогли похоронить память о нем.

Старуха . Господи! Вы из мертвецов?

Юпитер . Мертвец! Ступай, ступай, безумная. Не твое это дело, кто я. Подумай лучше о себе, о том, как вымолить прощение неба покаяньем.

Старуха . О, я каюсь, господи, если бы вы знали, как я каюсь! И моя дочь тоже кается, и зять ежегодно приносит корову в жертву; и внука, которому седьмой год, мы приучили к покаянию. Он послушен, как овечка, весь беленький и уже исполнен чувства первородного греха.

Юпитер . Это хорошо. Убирайся, старая паскуда, смотри не сдохни без покаяния. В нем вся твоя надежда на спасение.

Старуха убегает.

Или я ошибаюсь, судари мои, или это пример подлинной набожности, на старинный манер, и в страхе крепость ее.

Орест . Что вы за человек?

Юпитер . Дело не во мне. Мы говорили о богах. Ну, следовало ли поразить громом Эгисфа?

Орест . Следовало... А, не знаю я, что следовало и чего не следовало, мне плевать... Я не здешний. А Эгисф кается?

Юпитер . Эгисф? Сомневаюсь. Но разве это важно? За него весь город кается. Покаянье-то берут на вес.

Жуткие вопли во дворце.

Слушайте! Чтоб они никогда не забывали криков агонии своего царя, каждую годовщину волопас, у которого самый громкий голос, вопит так в главном дворцовом зале.

Орест морщится от отвращения.

Ба, это пустяк. Поглядим, что вы скажете, когда выпустят мертвецов: Агамемнон был убит пятнадцать лет тому назад, день в день. Ах, как за это время переменялся легкомысленный народ Аргоса, как стал он близок моему сердцу!

Орест . Вашему сердцу?

Юпитер . Не обращайтесь внимания, молодой человек. Это я сам с собой. Мне следовало сказать: близок сердцу богов.

Орест . В самом деле? Стены, вымазанные кровью, мириады мух, вонь, как на бойне, духотища, пустынные улицы, запуганные тени, которые бьют себя кулаками в грудь, запершись в домах, и эти вопли, эти невыносимые вопли: так это нравится Юпитеру?

Юпитер . Ах, не судите богов, молодой человек, у них свои тайные муки.

Пауза.

Орест . У Агамемнона была, кажется, дочь? По имени Электра?

Юпитер . Да. Она живет здесь. Во дворце Эгисфа. Он перед вами.

Орест . Значит, это дворец Эгисфа? А что думает обо всем случившемся Электра?

Юпитер . Ничего, она ребенок. У него был еще сын – некий Орест. Говорят, он умер.

Орест . Умер! Проклятье...

Педагог . Ну конечно, государь мой, вам отлично известно, что он умер. Жители Навплиона говорили нам, что Эгисф приказал его убить вскоре после смерти Агамемнона.

Юпитер . Некоторые утверждали, что он остался жив. Будто бы убийцы, охваченные жалостью, покинули его в лесу. И будто его подобрала и воспитала богатые афинские буржуа. Что до меня, я желал бы ему быть мертвым.

Орест . Почему, простите?

Юпитер . Представьте себе, что в один прекрасный день он явился бы к воротам этого города...

Орест . Ну и что?

Юпитер . Послушайте, встретить я его здесь, я бы ему сказал... я бы ему сказал следующее: «Молодой человек...» Я назвал бы его «молодой человек», так как он вашего возраста примерно, если жив. Кстати, сударь, не скажете ли вы мне, как вас зовут?

Орест . Мое имя Филеб, я из Коринфа. Я путешествую с целью расширения кругозора, со мной – раб, который был моим наставником.

Юпитер . Прекрасно. Итак, я сказал бы: «Молодой человек, уходите! Что вам здесь нужно? Вы хотите предъявить свои права? Полно. Вы горячи, крепки – из вас вышел бы храбрый командир в армии, полной боевого задора. Вы найдете для себя дело получше, чем царствовать над полумертвым городом, над городом-падалью, истерзанным мухами. Здешние жители большие грешники, но они вступили на путь искупления. Оставьте их в покое, молодой человек, оставьте их в покое, отнеситесь с уважением к мукам, которые они на себя приняли, уходите подобру-поздорову. Вы непричастны к преступлению и не можете разделить их покаяния. Ваша дерзкая невинность отделяет вас от них, как глубокий ров. Уходите, если вы их любите хоть немного. Уходите, иначе вы их погубите: если вы их остановите, если хоть на мгновение оторвете от угрызений совести, грехи облепят их, как застывшее сало. Совесть у них нечиста, им страшно, а запах страха, нечистой совести услаждает обонянье богов. Да, эти жалкие души богам по вкусу. Хотели бы вы лишиться их благосклонности богов? А что вы дадите взамен? Спокойное пищеварение, мирную, безрадостную провинциальную жизнь и скуку? Ах, скука – быт счастья. Счастливого пути, молодой человек, счастливого пути. Мир в обществе и мир в душе – так неустойчивы: не трогайте, а то разразится катастрофа. *(Глядит ему в глаза.)* Чудовищная катастрофа, которая обрушится на вас».

Орест . В самом деле? Так бы и сказали? Что ж, если бы этим молодым человеком был я, я ответил бы...

Меряют друг друга взглядом. Педагог покашливает.

А, пустое, не знаю, что я ответил бы. Может, вы и правы, к тому же все это меня не касается.

Юпитер . В добрый час. Хотел бы я, чтоб Орест оказался столь же рассудителен. Ну, мир вам, надо идти, у меня дела.

Орест . Мир вам.

Юпитер . Кстати, если вам мешают мухи, вот средство от них избавиться. Посмотрите на этот рой, который жужжит вокруг вас: я щелкаю пальцами, делаю жест рукой и говорю: «Абракада, гала, гала, це, це». Глядите: они падают и расползаются по земле, как гусеницы.

Орест . Клянусь Юпитером!

Юпитер . Пустяки. Скромный светский талант. Я дрессирую мух в часы досуга. До свидания. Мы еще увидимся. *(Выходит.)*

Явление второе

Орест, Педагог.

Педагог . Берегитесь. Этот человек знает, кто вы.

Орест . Человек ли это?

Педагог . Ах, государь мой, как вы меня огорчаете! Неужели вы забыли все мои уроки, светлый скептицизм, которому я вас учил? «Человек ли это?» Да на свете нет никого, кроме людей, чтоб им пусто было. И с ними хлопот не оберешься. Этот бородач – человек, какой-нибудь шпион Эгисфа.

Орест . Оставь в покое свою философию. Она мне принесла слишком много зла.

Педагог . Зла! Значит, свобода духа наносит ущерб людям. Ах, как вы переменялись! Раньше я читал в вас, как в книге... Скажете ли вы мне наконец, что задумали? Зачем притащили меня сюда? Что вы здесь намерены предпринять?

Орест . Разве я говорил тебе, что собираюсь здесь что-либо предпринять? То-то. Молчи. *(Подходит к дворцу.)* Вот мой дворец. Здесь родился мой отец. Здесь потаскуха со своим хахалем убила его. И я тоже родился здесь. Мне шел третий год, когда Эгисфовы молодчики унесли меня. Вот из этой двери мы вышли. Один из них держал меня на руках, глаза мои были широко раскрыты, наверно, я плакал... Ничего не помню. Вижу огромное безмолвное здание, напыжившееся в провинциальной торжественности. Я вижу его впервые.

Педагог . Ничего не помните, неблагодарный господин, когда я отдал десять лет жизни, чтоб наполнить вашу память? А все наши путешествия? А все города, которые мы посетили? А курс археологии, который я читал для вас одного? Ничего не помните? А раньше в вашей памяти жило столько дворцов, святилищ и храмов, что вы могли бы, подобно географу Павзанию, составить путеводитель по Греции.

Орест . Дворцы! Это правда. Дворцы, колонны, статуи! Отчего ж я так невесом, при стольких камнях в голове? А триста восемьдесят семь ступеней эфесского храма, ты забыл? Я поднялся по ним, они все до одной у меня в памяти. Семнадцатая, кажется, была с трещиной. Ах, у пса, у старого пса, который дремлет подле очага и привстает, когда входит его господин, и тихонько повизгивает в знак приветствия, у пса больше памяти, чем у меня: он узнает СВОЕГО господина. А у меня что есть моего?

Педагог . А культура, господин? Ваша культура принадлежит вам, я подбирал ее для вас с любовью, как букет, сочетая плоды моей мудрости и сокровища моего опыта. Разве я не давал вам с детства читать все книги, чтобы приучить вас к многообразию человеческих суждений, разве не объехал с вами сто государств, подчеркивая при каждом удобном случае, сколь изменчивы людские нравы? Теперь вы молоды, богаты и красивы, сведущи, как старец, избавлены от ига тягот и верований, у вас нет ни семьи, ни родины, ни религии, ни профессии, вы свободны взять на себя любые обязательства и знаете, что никогда не следует себя ими связывать, – короче, вы человек высшей формации и вдобавок можете преподавать философию или архитектуру в большом университетском городе. И вы еще жалуетесь!

Орест . Да нет. Не могу жаловаться: ты дал мне свободу нитей, оторванных ветром от паутины и парящих высоко над землей, – я вешу не больше паутинки и плыву по воздуху. Я

знаю, что мне повезло, и ценю это. (*Пауза.*) Есть люди, связанные обязательствами от рождения: у них нет выбора – путь их однажды предначертан, в конце пути каждого из них ждет поступок, ЕГО поступок; они шагают, босые ноги с силой попирают землю, в кровь сбивая ступни. Знать, КУДА идешь: по-твоему, радоваться этому вульгарно? А есть другие: они молчаливы, душа их подвластна смутным, земным образам; вся жизнь таких людей определилась тем, что однажды, в детстве, когда им было лет пять или семь... Да ладно, они ведь не высшей формации. А я уже в семь лет сознавал себя изгнанником. Запахи и звуки, шум дождя по крыше, дрожание света, – все скользило по мне, скатывалось по моему телу – я не пытался ничего ухватить, я знал уже, что все это принадлежит другим, никогда не станет МОИМ воспоминанием. Плотная пища воспоминаний предназначена тем, кто обладает домами, скотом, слугами и пашнями. А я... Я, слава богу, свободен. Ах, до чего же я свободен! Моя душа – великолепная пустота. (*Подходит к дворцу.*) Я жил бы здесь. Я не прочел бы ни одной из твоих книг. Возможно, я и вообще не знал бы грамоты: царевичи редко умеют читать. Но я бы десять тысяч раз вошел и вышел через эту дверь. В детстве я катался бы на ее створках, я бы в них упирался, а они скрипели бы, сопротивляясь нажиму, мои руки познали бы их неуступчивость. Позднее я открывал бы эту дверь по ночам, тайком, торопясь на свидание. А еще позднее, в день моего совершеннолетия, рабы растворили бы ее настежь и я верхом въехал бы во дворец, переступив через этот порог. Моя старая деревянная дверь. Я умел бы отпирать тебя с закрытыми глазами. А эта щербинка там, внизу, ведь это я мог по неловкости оцарапать тебя в первый день, когда мне позволили взять копье. (*Отходит.*) Ранний дорический стиль, не так ли? А что ты скажешь об этих золотых инкрустациях? Я видел похожие в Додоне: прекрасная работа. Что ж: доставлю тебе удовольствие – это не МОЙ дворец, не МОЯ дверь. И нам здесь нечего делать.

Педагог. Наконец-то разумные слова. Что б вы выиграли, живя здесь? Ваша душа была бы теперь затравлена гнусным раскаянием.

Орест (*горячо*). Во всяком случае, она принадлежала бы мне, эта душа. И этот жар, от которого рыжеют мои волосы, тоже принадлежал бы мне. Мне – жужжанье этих мух. В этот час, укрывшись в одной из сумрачных комнат дворца, я, обнаженный, глядел бы сквозь щель между ставен на раскаленный докрасна свет и ждал бы, когда солнце станет клониться к закату и поднимется от земли, подобно свежему дыханию, прохладная вечерняя тень Аргоса, похожая на тысячи других и вечно новая, тень вечера, который принадлежит мне. Пошли отсюда, педагог. Разве ты не видишь, что мы разлагаемся на чужом солнцепеке?

Педагог. Ах, сударь, как вы меня успокоили! Последние месяцы, если быть точным, с минуты, когда я раскрыл вам ваше происхождение, – я наблюдал, как вы меняетесь день ото дня, и просто лишился сна. Я боялся...

Орест. Чего?

Педагог. Вы рассердитесь.

Орест. Нет. Говори.

Педагог. Я боялся... Как вы ни натренированы с молодых ногтей в скептической иронии, вам иногда взбредают дурацкие идеи – короче, я спрашивал себя, не задумали ли вы прогнать Эгисфа и занять его место.

Орест (*медленно*). Прогнать Эгисфа! (*Пауза.*) Можешь быть спокоен, старик, слишком поздно. Не то чтоб я не испытывал желания схватить за бороду этого растреклятого прохвоста и сдернуть его с отцовского трона. Но что дальше? Что мне делать с этими людьми? Ни один ребенок не родился при мне, ни одна девушка не сыграла свадьбы, я не разделяю их угрызений совести и не знаю никого по имени. Бородач прав: у царя должны быть те же воспоминания, что и у подданных. Оставим их в покое, старик. Уйдем отсюда потихоньку. Понимаешь, если бы я мог совершить какой-нибудь поступок – поступок, который дал бы мне права гражданства среди них... Если бы я мог овладеть, пусть даже совершив преступление, их воспоминаниями,

их страхом и надеждами, чтоб заполнить пустоту моего сердца. Ради этого я убил бы родную мать...

Педагог. Сударь!

Орест. Да. Это грезы. Пошли. Узнай, можно ли достать лошадей, мы отправимся в Спарту, у меня там друзья.

Входит Электра.

Явление третье

Те же, Электра.

Электра (*не замечая их, подходит к статуе Юпитера, в руках у нее ящик*). Паскуда! Можешь паять на меня сколько хочешь свои бельма, не испугаешь, не боюсь твоей хари, размалеванной малиновым соком. Ну что, приходили поутру твои святые женщины? Елозили своими черными подолами? Топали грубыми башмаками? Вот уж ты был доволен, пугало, а? Ты их любишь, старух. Чем больше они смахивают на мертвецов, тем милей тебе. Они оросили землю у твоих ног своим лучшим вином – ведь сегодня праздник, от их юбок разлило плесенью: у тебя до сих пор щекочет в носу от этого сладостного аромата. (*Трется о статую.*) А ну-ка, понюхай теперь, какой дух идет от меня, я пахну свежим телом. Я молода, я – живу! Тебя должно от этого воротить. Я тоже пришла с жертвоприношением, пока весь город погружен в молитву. Держи: вот очистки и пепел очага, и протухшие обрезки мяса, кишачие червями, и кусок заплесневелого хлеба – от него отказались даже наши свиньи – твоим мухам все это придется по вкусу. Счастливого праздника, эй, счастливого праздника, да будет он последним. Я слаба, мне не повалить тебя на землю. Я могу только плюнуть тебе в морду. Это все, на что я способна. Но он еще придет, тот, кого я жду, со своим большим мечом. Он поглядит на тебя и расхохочется – вот так, уперев руки в бока и откинув голову. А потом выхватит свой клинок и рассечет тебя сверху донизу – хрясь! И тогда две половинки Юпитера покатаются – одна влево, другая вправо, – и все увидят, что он деревянный. Просто белый деревянный чурбан – этот бог мертвецов. А ужас и кровь на лице, и прозелень вокруг глаз – всего лишь краска, не правда ли? Ты-то знаешь, что внутри весь белый-белый, как тело новорожденного, ты прекрасно знаешь, что удар клинка рассечет тебя пополам, и даже капли крови не выступит. Деревяшка! Деревяшка! Просто печное полено! (*Замечает Ореста.*) Ах!

Орест. Не бойся.

Электра. Я не боюсь. Ничуть не боюсь. Кто ты?

Орест. Чужеземец.

Электра. Добро пожаловать. Все, что чуждо этому городу, мне дорого. Как твое имя?

Орест. Меня зовут Филеб. Я из Коринфа.

Электра. Да? Из Коринфа? А меня зовут Электра.

Орест. Электра. (*Педагогу.*) Оставь нас.

Педагог уходит.

Явление четвертое

Орест, Электра.

Электра. Почему ты так смотришь на меня?

Орест. Ты красива. Ты не похожа на здешних жителей.

Электра . Красива? Ты уверен, что я красива? Так же красива, как девушки в Коринфе?
Орест . Да.

Электра . Здесь мне не говорят этого. Не хотят, чтоб я знала. Впрочем, мне и ни к чему, я всего лишь служанка.

Орест . Служанка? Ты?

Электра . Последняя из служанок. Я стираю простыни царя и царицы. Очень грязные простыни, перепачканные всякой дрянью. И нижнее белье, сорочки, прикрывавшие их паршивые тела, рубашку, которую Клитемнестра надевает, когда царь делит ее ложе: мне приходится стирать все это. Я закрываю глаза и тру изо всех сил. И посуду мою я. Не веришь? Посмотри на мои руки. Сильно они огрубели и растрескались? Как странно ты глядишь. Может, у царевен такие руки?

Орест . Бедные руки. Нет, у царевен не такие руки. Но продолжай. Что еще тебя заставляют делать?

Электра . Ну, по утрам я должна выносить помои. Я вытаскиваю из дворца этот ящик и... ты видел, что я делаю с помоями. Этот деревянный идол – Юпитер, бог смерти и мух. Позавчера верховный жрец, который явился отбивать свои поклоны, поскользнулся на капустных кочерыжках, очистках репы и устричных раковинах – он чуть не спятил. Скажи, ты не выдашь меня?

Орест . Нет.

Электра . Можешь выдать, если хочешь, мне плевать. Что они могут мне сделать? Побить? Они уже били меня. Запереть в большую башню, под самую крышу? Неплохая мысль, я избавилась бы от их лицемерия. По вечерам, вообрази, когда я заканчиваю всю работу, они меня вознаграждают: я должна подойти к высокой толстой женщине с крашеными волосами. Губы у нее жирные, а руки белые-пребелые, белые руки царицы, пахнущие медом. Она кладет руки мне на плечи, прижимает губы к моему лбу и говорит: «Спокойной ночи, Электра». Каждый вечер. Каждый вечер я ощущаю кожей жизнь этого жаркого и прожорливого тела. Но я держусь, мне ни разу не стало дурно. Понимаешь, это моя мать. А если я окажусь в башне, она не станет меня целовать.

Орест . А убежать ты никогда не думала?

Электра . На это у меня не хватило бы храбрости: мне было бы страшно – одной, на дороге.

Орест . У тебя нет подруги, которая могла бы сопровождать тебя?

Электра . Нет. Я одна. Я – чума, холера: здешние жители скажут тебе это. У меня нет подруг.

Орест . Даже кормилицы нет? Какой-нибудь старой женщины, которая знает тебя с рождения и немного привязана к тебе?

Электра . Никого у меня нет. Спроси у моей матери: я способна отвратить самое нежное сердце.

Орест . И ты проведешь здесь всю жизнь?

Электра *(на крике)*. Нет! Не всю жизнь! Только не это! Послушай, я чего-то жду.

Орест . Чего-то или кого-то?

Электра . Не скажу. Говори лучше ты. Ты тоже красивый. Ты надолго сюда?

Орест . Я должен был уехать сегодня же. Но теперь...

Электра . Теперь?

Орест . Сам не знаю.

Электра . А Коринф – красивый город?

Орест . Очень.

Электра . Ты любишь его? Ты им гордишься?

Орест . Да.

Электра . Это так странно для меня – гордиться родным городом. Объясни мне.

Орест . Ну... не знаю. Не могу объяснить.

Электра . Не можешь объяснить? *(После паузы.)* Правда, что в Коринфе есть тенистые площади? Площади, где по вечерам гуляют?

Орест . Правда.

Электра . И никто не сидит дома? Все гуляют?

Орест . Все.

Электра . Парни с девушками?

Орест . Парни с девушками.

Электра . И они всегда находят о чем говорить друг с другом? И им хорошо вместе? И их смех слышен допоздна?

Орест . Да.

Электра . Я кажусь тебе дурочкой? Мне просто трудно представить себе прогулки, песни, улыбки. Здешние жители снедаемы страхом, а я...

Орест . А ты?

Электра . Ненавистью. Чем же они занимаются весь день, девушки в Коринфе?

Орест . Наряжаются, поют, играют на лютне, ходят в гости к подругам, а по вечерам танцуют.

Электра . У них нет никаких забот?

Орест . Есть, но совсем ничтожные.

Электра . Да? Послушай: угрызения совести есть у жителей Коринфа?

Орест . Порой. Не часто.

Электра . Значит, они делают что хотят и потом не думают больше об этом?

Орест . Именно так.

Электра . Удивительно. *(Пауза.)* Скажи мне вот еще что, мне необходимо это знать из-за одного человека... из-за одного человека, которого я жду; представь такое: один из коринфских парней, из тех, что по вечерам смеются с девушками, вернувшись из путешествия, находит своего отца убитым, мать – в постели убийцы, сестру – в рабстве. Что ж он, смоемся, пятась задом и отвешивая поклоны? Отправится искать утешения у друзей? Или он выхватит меч и будет драться с убийцей, пока не рассечет ему голову? Ты не отвечаешь?

Орест . Я не знаю.

Электра . Как? Не знаешь?

Голос Клитемнестры: «Электра!»

Тшш...

Орест . Что такое?

Электра . Моя мать, царица Клитемнестра.

Явление пятое

Орест, Электра, Клитемнестра.

Электра . Ну, Филеб? Ты что, боишься ее?

Орест . Это лицо... Я столько раз пытался представить его себе, что, казалось, ВИДЕЛ: усталое, дряблое под кричащими красками косметики. Но этот мертвый взгляд, его я не ожидал.

Клитемнестра . Электра, царь велит тебе подготовиться к церемонии. Надень черное платье и драгоценности. Ну? Чего ты в землю уставишься? Ты прижимаешь локти к худым

бокам, твое тело тебе мешает... Ты часто держишься так при мне, но меня не проведешь обезьяньими ужимками: я только что из окна видела другую Электру – движенья свободны, глаза горят... Будешь ты смотреть мне в лицо? Ответишь ты мне наконец?

Электра. Вам нужна замарашка, чтобы подчеркнуть великолепие вашего праздника?

Клитемнестра. Прекрати комедию. Ты – царица, Электра, и народ ждет тебя, как каждый год.

Электра. Я – царица? Правда? И вы вспоминаете об этом раз в год, когда в воспитательных целях необходимо показать народу картину нашего семейного счастья? Прекрасная царица, которая моет посуду и сторожит свиней! И Эгисф, как в прошлом году, нежно положит мне руку на плечи и будет улыбаться, прижимаясь к моей щеке и шепча мне на ухо угрозы?

Клитемнестра. Только от тебя зависит, чтоб было по-другому.

Электра. Да, если я поддамся заразе ваших угрызений совести и стану вымаливать прощение богов за преступление, которого не совершала. Да, если я стану целовать руки Эгисфа, называя его отцом. Фу, гадость! У него под ногтями засохшая кровь.

Клитемнестра. Поступай как знаешь. Я уже давно отказалась приказывать тебе от собственного имени. Я передала тебе повеление царя.

Электра. Что мне приказы Эгисфа? Это ваш муж, мать моя, ваш драгоценный муж, ваш, а не мой.

Клитемнестра. Мне нечего тебе сказать, Электра. Ты делаешь все, что только можешь, себе и нам на погибель. Но как мне, в одно утро загубившей собственную жизнь, как мне давать тебе советы? Ты ненавидишь меня, дитя мое, но меня больше волнует другое – ты похожа на меня: и у меня были те же заостренные черты, та же беспокойная кровь и скрытный взгляд. Ничего хорошего из этого не вышло.

Электра. Не хочу походить на тебя! Скажи, Филеб, – ты видишь нас обеих, рядом, – ведь это неправда, я ведь не похожа на нее?

Орест. Что сказать тебе? Ее лицо как поле, разоренное молнией и градом. Но и в твоём есть нечто, обещающее бурю: в один прекрасный день страсть сожжет тебя до костей.

Электра. Обещающее бурю? Пусть так. На такое сходство я согласна. Да сбудутся твои слова.

Клитемнестра. А ты? Ты, разглядывающий людей, кто ты? Дай-ка теперь я посмотрю на тебя. Зачем ты здесь?

Электра (*поспешно*). Это коринфянин по имени Филеб, он путешествует.

Клитемнестра. Филеб? А!

Электра. Вы, кажется, боялись другого имени.

Клитемнестра. Боялась? Одного я достигла, погубив себя, – теперь мне ничто не страшно. Приблизься, чужеземец, и добро пожаловать. Как ты молод. Сколько же тебе лет?

Орест. Восемнадцать.

Клитемнестра. Твои родители еще живы?

Орест. Отец умер.

Клитемнестра. А мать? Она, должно быть, моего возраста? Молчишь? Тебе, наверно, кажется, что она моложе: она еще не разучилась смеяться и петь вместе с тобой. Ты ее любишь? Отвечай же! Почему ты покинул ее?

Орест. Хочу завербоваться в наемные войска, в Спарте.

Клитемнестра. Путешественники, как правило, объезжают наш город за двадцать верст. Тебя не предупредили? Жители равнины подвергли нас карантину: для них наше наказание – чума, они боятся заразы.

Орест. Это мне известно.

Клитемнестра. Тебе сказали, что мы вот уж пятнадцать лет гнемся под бременем неискупимого преступления?

Орест . Сказали.

Клитемнестра . Что виновней всех Клитемнестра? Что самое имя ее проклято?

Орест . Сказали.

Клитемнестра . И ты все же пришел? Чужеземец, я – царица Клитемнестра...

Электра . Не размякай, Филеб. Царица развлекается нашей национальной игрой: игрой в публичную исповедь. Здесь каждый кричит всем в лицо о своих грехах. Нередко, в праздничные дни, какой-нибудь торговец, опустив железную штору своей лавки, ползет по улице на коленях, посыпает голову пылью и вопит, что он убийца, прелюбодей и изменник. Но жители Аргоса пресыщены: все наизусть знают преступления всех. Преступления же царицы и вовсе никого не забавляют – это преступления официальные, лежащие, можно сказать, в основе государственного устройства. Вообрази ее радость, когда она увидела тебя – молодого, новенького, не знающего ничего – даже ее имени: какой исключительный случай! Ей кажется, что она исповедуется впервые.

Клитемнестра . Замолчи. Любой может плюнуть мне в лицо, называя меня преступницей и проституткой. Но никто не имеет права касаться моих угрызений совести.

Электра . Видишь, Филеб, таковы правила игры. Люди станут молить, чтобы ты осудил их. Но будь осторожен – суди их только за ошибки, в которых они тебе признались: остальное никого не касается, они не поблагодарят тебя, если ты обнаружишь что-нибудь сам.

Клитемнестра . Пятнадцать лет назад я была самой красивой женщиной Греции. Взгляни на мое лицо и суди о том, сколько я выстрадала. Я ничего не приукрашиваю! Я сожалею не о смерти старого козла! Когда я увидела его в ванне истекающим кровью, я запела от счастья, я в пляс пустилась. И сейчас еще, спустя пятнадцать лет, как вспомню, так всю радостью и ожжет. Но у меня был сын – ему бы сейчас минуло столько же, сколько тебе. Когда Эгисф отдал его наемникам, я...

Электра . У вас была, кажется, еще дочь, мать моя. Вы превратили ее в судомойку. Но эта вина не очень-то вас мучает.

Клитемнестра . Ты молода, Электра. Тому, кто молод и не успел содейть зла, ничего не стоит осудить других. Но погоди: однажды и ты повлечешь за собой следом непоправимое преступление. Ты шагнешь и подумаешь, что оставила его позади, но бремя его будет все так же тягостно. Ты оглянешься: оно следует за тобой – недосягаемое, мрачное, чистое, как черный кристалл. Ты перестанешь его понимать, скажешь: «Да это не я, не я совершила его». А оно все будет с тобой, стократ отринутое и неотторжимое, оно будет тянуть тебя назад. И ты поймешь наконец, что жребий брошен, раз и навсегда, что не остается ничего иного, как влачить преступление до самой смерти. Таков закон покаяния – справедливый и несправедливый. Посмотрим, во что тогда превратится твоя юная гордыня.

Электра . Моя юная гордыня? Вы скорбите о своей молодости больше, чем о преступлении, вы ненавидите мою молодость больше, чем мою невинность.

Клитемнестра . Я ненавижу в тебе себя самое. Не твою молодость – о нет, – мою собственную.

Электра . А я ненавижу вас, именно вас.

Клитемнестра . Позор. Мы ругаемся, как две ровесницы, как соперницы. А ведь я мать тебе. Не знаю – ни кто ты, молодой человек, ни зачем к нам пожаловал, но твое присутствие вредно. Электра меня ненавидит, я знаю. Но пятнадцать лет мы хранили молчание, нас выдавали только взгляды. Ты пришел, заговорил с нами – и вот мы оскалили клыки и огрызаемся, как суки. Законы города велят оказать тебе гостеприимство, но, не скрою, я хотела бы, чтобы ты ушел. Ну а ты, дитя мое, мой слишком верный образ, я не люблю тебя, это правда. Однако я скорее дам отсечь себе правую руку, чем причиню тебе вред. Ты отлично это знаешь и злоупотребляешь моей слабостью. Но против Эгисфа не советую поднимать твою ядовитую

головку: он перешибает хребет гадюке одним ударом палки. Послушайся меня: не выходи из подчинения, или тебе достанется.

Электра . Можете ответить царю, что я на праздник не пойду. Знаешь, что они делают, Филеб? Неподалеку от города есть пещера, нашим юношам никогда не удавалось добраться до ее дна, говорят, она сообщается с адом. Верховный жрец велел завалить вход в нее большим камнем. Так вот, поверишь ли, в каждую годовщину народ собирается перед этой пещерой, солдаты отваливают в сторону камень, и наши мертвецы, как говорят, поднимаются из ада и расходятся по городу. Им ставят на стол приборы, пододвигают стулья, готовят постели и садятся теснее, чтобы освободить им место на вечере. Они повсюду, все только для них. Можешь представить себе вопли живых: «Мой дорогой покойничек, мой дорогой покойничек, я не хотел тебя обидеть, прости меня». На следующее утро, только петух пропоет, они вернутся под землю, вход в грот завалят камнем, и все будет кончено до следующего года. Не желаю принимать участия в дурацких ребячествах. Это их мертвецы, не мои.

Клитемнестра . Не подчинишься добровольно, царь приказал привести тебя силой.

Электра . Силой?.. Ха, ха! Силой? Это мило. Моя добрая матушка, будьте любезны, заверьте царя в моей совершенной покорности. Я появлюсь на празднестве, и коль скоро народ хочет меня видеть, он не будет обманут в своих ожиданиях. А ты, Филеб, прошу тебя, отложи отъезд, погляди на наш праздник. Может, тебе представится случай позабавиться. До скорого свидания, я пошла одеваться. (*Уходит.*)

Клитемнестра (*Оресту*). Уезжай. Я уверена, что ты принесешь нам несчастье. Ты не можешь быть на нас в обиде, мы тебе ничего не сделали. Уезжай. Умоляю тебя именем твоей матери, уезжай... (*Уходит.*)

Орест . Именем моей матери...

Входит Юпитер.

Явление шестое

Орест, Юпитер.

Юпитер . Ваш слуга сказал мне, что вы уезжаете. Он тщетно ищет по всему городу лошадей. Я мог бы вам достать двух кобыл с полной сбруей за умеренную цену.

Орест . Я раздумал ехать.

Юпитер . Вы раздумали ехать. (*Пауза. Живо.*) В таком случае я с вами не расстанусь, вы мой гость. В нижнем городе есть довольно приличная гостиница, где мы оба остановимся. Вы не пожалеете, избрав меня компаньоном. Прежде всего – абраксас, гала, гала, це, це – я вас избавлю от мух. Затем, человек моего возраста может иногда дать добрый совет: я ведь вам в отцы гожусь. Вы расскажете мне о себе. Пошли, молодой человек, доверьтесь мне: такие встречи иногда оказываются куда полезнее, чем думаешь сначала. Возьмите, к примеру, Телемака – вы знаете – сына царя Одиссея. В один прекрасный день он встретил пожилого господина по имени Ментор, который связал свою судьбу с его судьбой и следовал за ним повсюду. Так вот, известно ли вам, кто был этот Ментор? (*Увлекает его за собой, продолжая говорить.*)

Занавес.

Акт второй

Картина первая

Площадка в горах. Направо – пещера. Вход завален большим черным камнем. Налево – ступени, ведущие в храм.

Явление первое

Толпа, потом Юпитер, Орест и Педагог.

Женщина (*опускается на колени перед мальчиком*). Ну что с твоим галстуком? Третий раз перевязываю узел. (*Чистит его рукой.*) Ну вот. Теперь ты чистый. Будь пайнкой и плачь со всеми, когда тебе скажут.

Мальчик. Они должны прийти оттуда?

Женщина. Да.

Мальчик. Я боюсь.

Женщина. Нужно бояться, миленький. Очень, очень бояться. Тогда станешь порядочным человеком.

Мужчина. Повезло им сегодня с погодой.

Другой. И то счастье! Надо полагать, они еще чувствительны к солнечному теплу. В прошлом году шел дождь, и они были... чудовищны.

Первый. Чудовищны.

Второй. Увы!

Третий. Когда они уберутся обратно в свою дыру и оставят нас в покое, живых с живыми, я вскарабкаюсь наверх, погляжу на этот камень и скажу себе: «Слава богу, на год с этим покончено».

Четвертый. Да? А мне от этого не легче. Я с завтрашнего дня начну думать: «Каковы-то они явятся в будущем году?» Год от году они все свирепеют.

Второй. Замолчи, несчастный. Вдруг один из них уже пролез через какую-нибудь расщелину и бродит среди нас... Есть мертвецы, которые являются на свидание заранее.

Обмениваются беспокойными взглядами.

Молодая женщина. Хоть бы скорее начинали. Что они там думают, во дворце? Им-то спешить некуда. А по мне, нет ничего хуже ожидания: стоишь здесь, переступаешь с ноги на ногу под раскаленным небом и не можешь взгляда оторвать от этого черного камня. Брр... А они там, за камнем; и тоже ждут, как мы, и радуются, думая о зле, которое причинят нам...

Старуха. Ладно, шлюха! Эта известно, чего трусит. Она десять лет наставляла рога мужу, который умер этой весной...

Молодая женщина. Ну и что, да, я и не отрицаю, я ему изменяла вдосталь, но я его любила и старалась, чтоб ему было хорошо. Он ни о чем не подозревал и умер, глядя на меня добрыми глазами благодарной собаки. А теперь ему все известно, испортили ему удовольствие – он и меня ненавидит, и сам страдает. Сейчас обнимет меня, его бесплотное тело прижмется ко мне крепче, чем прижимался когда-нибудь живой человек. Ох! Я поведу его домой, он повиснет на моей шее, как горжетка. Я приготовила ему вкусные блюда, пирожки, закуску – все, как он любил. Но его ничем не смягчить. А в эту ночь... в эту ночь он ляжет в мою постель.

Мужчина . Она права, пошли они все... Где там Эгисф? О чем он думает? Я не в силах больше ждать.

Другой . И ты еще жалуешься! Думаешь, Эгисф трусит меньше нас? Может, ты хочешь поменяться с ним местами и провести с Агамемноном сутки с глазу на глаз?

Молодая женщина . Жуткое, жуткое ожидание. Мне кажется, что вы все куда-то уходите от меня. Камень еще на месте, а каждый уже во власти своих мертвецов, каждый одинок, как капля дождя.

Входят Юпитер, Орест и Педагог.

Юпитер . Иди сюда, отсюда нам будет лучше видно.

Орест . Так вот они – граждане Аргоса, верноподданные царя Агамемнона?

Педагог . До чего уродливы! Взгляните, государь мой, на эти землистые лица, ввалившиеся глаза. Эти люди подымают от страха. Таковы плоды суеверий. Смотрите на них, смотрите. И если вы еще нуждаетесь в доказательствах того, что моя философия великолепна, обратите затем внимание на мой цветущий вид.

Юпитер . Великая заслуга – цветущий вид. Оттого что на щеках твоих цветут маки, мой милый, ты в глазах Юпитера не перестаешь быть тем же гноищем, что и все остальные. От тебя так и несет, а ты не чуешь. У них же носы полны собственной вонью, они себя лучше знают, чем ты.

Толпа ворчит.

Мужчина (*обращается к толпе со ступеней храма*). Что они, с ума решили нас свести, что ли? Люди, давайте объединимся и хором взовем к Эгисфу: мы не можем больше терпеть, чтоб он откладывал церемонию.

Толпа . Эгисф! Эгисф! Сжался!

Женщина . Сжался! Сжался! А надо мной кто сжалится? Вот он явится с разверстой грудью, этот человек, этот ненавистный, он заключит меня в свои невидимые, липкие объятия, и всю ночь, всю ночь он будет моим любовником. А-а! (*Падает в обморок.*)

Орест . Какое безумие! Надо сказать этим людям...

Юпитер . Полно, молодой человек, столько шуму из-за одной бабы, потерявшей сознание! Вы еще не то увидите.

Мужчина (*бросается на колени*). Я воняю, воняю! Я мерзкая падаль! Смотрите, мухи облепили меня, как вороны. Клюйте, буравьте, сверлите, мухи-мстительницы, рвите мою плоть, добирайтесь до моего поганого сердца. Я грешен, тысячекрат грешен, я – сосуд смердящий, я сточная яма...

Юпитер . Молодец!

Мужчина (*поднимая его*). Ладно, ладно. Скажешь все это потом, когда они явятся.

Мужчина тяжело дышит, вид у него очумелый, глаза вытаращены.

Толпа . Эгисф! Эгисф! Сжался, прикажи, чтоб начинали, у нас больше нет сил.

На ступеньках храма появляется Эгисф. За ним Клитемнестра и Верховный жрец, стражи.

Явление второе

Те же, Эгисф, Клитемнестра, Верховный жрец, стражи.

Эгисф. Собаки! Вы смеете еще жаловаться! Или вы забыли, сколь гнусны? Клянусь Юпитером, я освежу вам память. (*Поворачивается к Клитемнестре.*) Придется начинать без нее. Но это не пройдет ей даром. Я ее накажу по всей строгости.

Клитемнестра. Она обещала мне быть послушной. Я уверена, что она одевается. Крутится, вероятно, перед зеркалом.

Эгисф (*стражам*). Найти во дворце Электру, и чтоб она была здесь, добром или силой!

Стражи выходят.

(*Обращаясь к толпе*). По местам. Мужчины справа от меня. Дети и женщины – слева. Хорошо.

Молчание. Эгисф ждет.

Верховный жрец. Эти люди не в силах больше ждать.

Эгисф. Знаю. Если стражи...

Стражи возвращаются.

Страж. Государь, мы искали царевну. Но дворец пуст.

Эгисф. Хорошо. Мы займемся этим завтра. (*Верховному жрецу.*) Начинай.

Верховный жрец. Отвалите камень.

Толпа. А-а!

Стражи отваливают камень.

Верховный жрец приближается к входу в пещеру.

Верховный жрец. О вы – забытые, покинутые, отчаявшиеся, – вы, стелющиеся по земле, во мраке, как дым из трещин вулкана, вы, не владеющие ничем, кроме жгучей досады, вы – мертвецы, восстаньте, сегодня ваш праздник! Придите! Вырвитесь из-под земли, как клубы серы, гонимые ветром. Вырвитесь из чрева мира, о мертвецы, мертвые стократ, вы – кого каждое биение наших сердец умерщвляет наново. Взываю к вам именем гнева и горечи и духа мести, придите, утолите вашу ненависть, обрушьте на живых! Придите, расползйтесь густым туманом по нашим улицам, втиснитесь плотным строем между матерью и сыном, отделите влюбленного от его возлюбленной, заставьте нас пожалеть о том, что мы еще не умерли! Восстаньте, вампиры, упыри, привидения и гарпии, все ужасы наших ночей. Восстаньте, солдаты, испутившие дух, богохульствуя, восстаньте, неудачники, униженные, восстаньте, умершие от голода с проклятием на устах. Глядите – вот они – живые, жирная живая добыча! Восстаньте, обрушьте на них, как вихрь, грызите их до костей! Восстаньте! Восстаньте! Восстаньте!..

Звуки тамтама. Он пляшет перед входом в пещеру, сначала медленно, потом все убыстряя темп, пока не падает в изнеможении.

Эгисф. Они здесь!

Толпа. Ужас!

Орест. Это уж слишком, я...

Юпитер. Посмотри на меня, молодой человек, посмотри мне в лицо – в глаза! В глаза!

Ты понял. Теперь молчи.

Орест. Кто вы?

Юпитер. Ты узнаешь это позднее.

Эгисф медленно спускается по ступеням храма.

Эгисф. Они здесь.

Молчание.

Он здесь, Ариция, – твой обманутый супруг. Он здесь, он прижался к тебе, он тебя целует. Как он тебя стиснул, как он тебя любит, как ненавидит! Она здесь, Несий, она – здесь, твоя мать, умершая, потому что ты не заботился о ней. А ты, Сегест, гнусный ростовщик, вот они – все твои несчастные должники, и те, что умерли в нищете, и те, что повесились, разоренные тобой. Они здесь, сегодня они твои кредиторы. А вы, родители, нежные родители, опустите-ка немного взоры, ниже, к самой земле; они здесь, мертвые дети, они тянутся к вам своими ручонками; и все радости, в которых вы им отказали, все, чем вы их мучили, точно свинец, прижимает к земле их крохотные души, злопамятные и исстрадавшиеся.

Толпа. Сжальтесь!

Эгисф. А! Сжальтесь! Или вы не знаете, что мертвецы лишены жалости? Вы у них в неоплатном долгу, потому что под их счетом черта подведена навеки. Или ты думаешь, Несий, что добрыми делами можно загладить зло, которое ты причинил матери? Но какое доброе дело может ее тронуть? Душа ее как знойный полдень, ни дуновения ветерка, все недвижно, неизменно, безжизненно, – ее пожирает вечное солнце, огромное, сухое, остановившееся солнце. Мертвецы ушли навсегда – поймите всю неумолимость этого слова – они ушли навсегда и поэтому хранят, как неподкупные стражи, ваши преступления.

Толпа. Сжальтесь!

Эгисф. Сжальтесь? Ах вы, жалкие комедианты, сегодня у вас есть публика. Чувствуете ли вы на своих лицах, на своих руках взгляды миллионов замерших глаз, в которых угасла надежда? Они нас видят – мы обнажены перед судилищем мертвецов. Х-ха! Вот и попались: этот невидимый прозрачный взгляд жжет вас, он необратимей самой памяти о взгляде.

Толпа. Сжальтесь!

Мужчины. Простите нам, что мы живы, когда вы мертвы.

Женщины. Сжальтесь! Мы живем в кругу ваших лиц, ваших вещей, мы никогда не снижаем траура по вас, мы оплакиваем вас от зари до заката и от заката до зари. Все тщетно, память о вас изнашивается, утекает меж пальцев; с каждым днем она немного тускнеет, а вина наша растет. Вы покидаете нас, вы покидаете нас, источаясь, как кровь из тела. Но если это может утешить ваши раздраженные души, знайте, дорогие усопшие, что вы нам испортили жизнь.

Толпа. Сжальтесь!

Мужчины. Простите нам, что мы живы, когда вы мертвы.

Женщины. Сжальтесь! Мы ведь родились не по собственной воле, нам стыдно, что мы взрослеем. Чем могли мы вас оскорбить? Взгляните – жизнь чуть теплится в нас, мы худы, бледны, низкорослы. Мы – бесшумны, мы – едва скользим по земле. И мы боимся вас! О, как мы вас боимся!

Мужчины. Простите нам, что мы живы, когда вы мертвы.

Эгисф. Тише! Тише! Если вы будете так плакаться, что останется мне, вашему царю? Настал час моей пытки: земля дрожит, воздух помутился – грядет самый великий из мертвецов – тот, кого я убил своей рукой, – Агамемнон.

Орест (*выхватывая меч*). Прохвост! Не смей поминать имени моего отца в своем балагане!

Юпитер (*обхватив его и сдерживая*). Остановитесь, молодой человек, остановитесь!

Эгисф (*оборачиваясь*). Кто посмел?

На ступенях храма появляется Электра в белом платье.

(*Замечает ее.*) Электра!

Толпа. Электра!

Явление третье

Те же, Электра.

Эгисф. Электра, что это за наряд? Отвечай.

Электра. Я надела самое красивое платье. Разве сегодня не праздник?

Верховный жрец. Ты что, пришла дразнить мертвых? Это их праздник, тебе отлично известно. Ты должна быть в трауре.

Электра. В трауре? Почему в трауре? Я не боюсь моих мертвых, а до ваших мне дела нет!

Эгисф. Ты права: у нас разные мертвецы. Поглядите-ка на эту расфуфыренную шлюху – это внучка Атрея, Атрея, который подло зарезал собственных племянников. Последний отпрыск проклятого рода – вот ты кто! Я из жалости терпел тебя в своем дворце, но сегодня я каюсь в этом – в твоих жилах течет старая дурная кровь Атридов, ты заразишь всех нас, если я не приму меры. Подожди немного, сука, ты увидишь, умею ли я наказывать. У тебя слез не хватит, чтоб наплакаться.

Толпа. Кошунство!

Эгисф. Слышишь, несчастная, как шумит народ, оскорбленный тобой, слышишь, в чем упрекают тебя? Не будь здесь меня, не сдерживай я гнев народа, тебя бы растерзали на клочки.

Толпа. Кошунство!

Электра. Разве быть веселой – кошунство? А почему они не веселы? Кто им мешает?

Эгисф. Она смеется, а здесь ее мертвый отец с запекшейся кровью на лице...

Электра. Как вы смеете говорить об Агамемноне? Откуда вам известно, что по ночам он не принимает к моему уху? Откуда вам известно, какие слова любви и сожаления он шепчет мне своим хриплым, сорванным голосом? Я смеюсь, это правда. Смеюсь впервые в жизни. Я счастлива. Скажете, мое счастье не радует отцовского сердца? Ах, если он в самом деле здесь, если он видит дочь в белом платье – ту самую дочь, которую вы превратили в мерзкую рабыню, если он видит, что голова ее высоко поднята, гордость не сломлена, – я уверена, он не проклинает меня, его глаза сверкают на истерзанном лице, его окровавленные губы трогают улыбка.

Молодая женщина. А если она говорит правду?

Голоса. Да нет, она лжет, она сошла с ума. Электра, уходи, бога ради, твое святотатство падет на наши головы.

Электра. Чего вы боитесь? Я гляжу вокруг и не вижу ничего, кроме ваших собственных теней. Послушайте, что я узнала – вам это, может быть, неизвестно: в Греции есть счастливые города. Светлые, спокойные города, которые греются на солнце, как ящерицы. Вот сейчас

– под этим самым небом – на площадях Коринфа играют дети. И матери не просят прощения за то, что произвели их на свет. Они глядят на детей улыбаясь, они ими гордятся. О матери Аргоса, понимаете ли вы это? Способны ли вы еще понять гордость женщины, которая глядит на своего ребенка и думает: «Я носила его в лоне моем»?

Эгисф. Замолчишь ты наконец? Или я велю заткнуть тебе глотку.

Голоса в толпе. Да, да! Пусть замолчит. Хватит, хватит!

Другие голоса. Нет, дайте ей сказать! Дайте ей сказать. Это Агамемнон вдохновляет ее.

Электра. Как сегодня ясно! Повсюду на равнине люди задирают головы и говорят: «Как сегодня ясно!» – и радуются. А вы, собственные палачи, или вы уже забыли, до чего радостно на душе у крестьянина, когда он шагает по земле и говорит: «Как сегодня ясно!»? Вы еле дышите, головы у вас опущены, руки висят. Ваши мертвецы прилипли к вам, вы и не шевелитесь, боясь потревожить их малейшим движением. Вот ужас-то был бы, а? Если бы ваша рука вдруг прошла сквозь влажный парок – душу вашего отца или предка? Но взгляните на меня: я развожу руки, я поднимаю их, потягиваюсь, как человек, когда он пробуждается, я занимаю столько места на солнце, сколько мне нужно. Разве небо пало на мою голову? Я танцую, глядите, танцую – и чувствую только ветер в волосах. Где же мертвецы? Или, может, они танцуют в такт со мной?

Верховный жрец. Жители Аргоса, я говорю вам, эта женщина кощунствует. Горе ей и тем, кто ее слушает.

Электра. Дорогие мои мертвецы. Ифигения – моя старшая сестра, Агамемнон – отец мой и единственный повелитель, слушайте мою молитву. Если я кощунствую, если оскорбляю ваши исстрадавшиеся божественные души, подайте знак, скорее подайте мне знак, чтоб я поняла. Но если вы одобряете меня, молчите, молчите, молчите, мои дорогие, прошу вас, пусть лист не шелохнется, травинка не дрогнет, пусть ничто не помешает моему священному танцу: я танцую во славу радости, во славу мира в сердцах людей, во славу счастья и жизни. О мои мертвые, я прошу вашей тишины, чтобы люди, которые меня окружают, знали – ваши сердца со мной. *(Танцует.)*

Голоса в толпе. Она танцует! Поглядите! Она легка, как язычок пламени, она танцует на солнце, как знамя, хлоп-хлоп на ветру – а мертвецы молчат!

Молодая женщина. Посмотрите, в каком она экстазе! Нет, святотатцы выглядят не так! Эй, Эгисф, Эгисф! Ты молчишь; почему ты не отвечаешь?

Эгисф. Разве с вонючками спорят? Их уничтожают! Я совершил некогда ошибку, не тронул ее; но эта ошибка поправима; не бойтесь, я раздавлю ее – и с нею иссякнет ее род.

Толпа. Угрозы – не ответ, Эгисф! Тебе нечего нам больше сказать?

Молодая женщина. Она танцует, она улыбается, она счастлива, и мертвецы точно оберегают ее. Ах! Электра, как я тебе завидую! Но гляди, я тоже поднимаю руки, я тоже подставляю грудь солнцу!

Голоса в толпе. Мертвецы молчат. Эгисф, ты обманул нас!

Орест. Электра, дорогая моя!

Юпитер. Проклятье, пора прекратить болтовню этой девчонки! *(Протягивает руку.)*
Позидон, карибу, карибу, люлабу.

Глыба, запиравшая вход в пещеру, с грохотом катится к ступеням храма. Электра останавливается.

Толпа. Ужас!

Долгое молчание.

Верховный жрец. О трусливый и легковверный народ, боги мстят! Смотрите, какие густые рои мух опускаются на нас! Вы внимали святотатственному голосу, и вот мы прокляты!

Толпа. Мы ничего не сделали, это не наша вина, она пришла, она смутила нас своими отравленными речами! В реку колдунью, в реку! Сжечь ее!

Старуха (*показывая на молодую женщину*). И эту туда же, она пила ее речи, как мед, сорвите с потаскухи одежду, секите ее голую до крови!

Молодую женщину хватают, мужчины поднимаются по ступеням храма и бросаются на Электру.

Эгисф (*пришел в себя*). Молчать, собаки! На место, соблюдать порядок, я сам позабочусь о наказании.

Молчание.

Ну? Видели, к чему приводит непокорность? Сомневаетесь ли вы все еще в вашем вожде? Идите по домам, мертвецы пойдут с вами, они будут вашими гостями весь день и всю ночь. Дайте им место за вашим столом, у вашего очага, на вашем ложе, постарайтесь примерным поведением загладить все случившееся. Что до меня – я вас прощаю, хотя ваши подозрения мне причинили боль. А ты, Электра...

Электра. Что? Не вышло – в следующий раз сделаю лучше.

Эгисф. Уж я постараюсь не дать тебе такой возможности. Ты знала, что законы города запрещают мне карать в день праздника, и злоупотребила этим. Но я лишая тебя гражданства, я изгоняю тебя. Ты уйдешь босиком, без вещей, в своем гнусном наряде. И если завтра на заре ты еще будешь в стенах города, я прикажу, чтоб первый, кого ты встретишь, убил тебя, как паршивую овцу. (*Выходит.*)

Стражи следуют за ним. Толпа проходит мимо Электры, грозя ей кулаками.

Юпитер (*Оресту*). Ну что, государь мой? Поучительно? Высокоморальная история, если я не ошибаюсь: зло было наказано, добродетель восторжествовала. (*Указывая на Электру*). Эта женщина...

Орест. Эта женщина – моя сестра, приятель! Убирайся, я хочу с ней поговорить.

Юпитер (*мгновение смотрит на него, потом пожимает плечами*). Дело твое. (*Уходит.*)

Педагог следует за ним.

Явление четвертое

Электра на ступенях храма, Орест.

Орест. Электра!

Электра (*поднимает голову и смотрит на него*). А, это ты, Филеб?

Орест. Тебе нельзя оставаться в городе, Электра. Тебе грозит опасность.

Электра. Опасность? Да, в самом деле. Видел, как я срезалась? Тут немного виноват и ты, но я на тебя не сержусь.

Орест. А что я сделал?

Электра . Обманул меня. (*Спускается к нему.*) Дай-ка я посмотрю тебе в лицо. Так и есть, я клонула на твой взгляд.

Орест . Время не ждет, Электра. Слушай, убежим вместе. Мне тут должны достать лошадей, я посажу тебя за спину.

Электра . Нет.

Орест . Ты не хочешь убежать со мной?

Электра . Я не хочу убежать.

Орест . Я отвезу тебя в Коринф.

Электра (*смеясь*). А, Коринф! Вот видишь, это не нарочно – но ты опять обманываешь меня. Что мне делать в Коринфе? Я должна образумиться. Еще вчера я была так непритязательна в своих желаниях: я подавала на стол, опустив глаза, я смотрела сквозь ресницы на царскую чету: на старую красавицу с мертвым лицом и на него, жирного, бледного, с безвольным ртом и черной бородой, которая, точно полчище пауков, бежит от уха до уха, и я мечтала о струйке пара, похожей на дыхание в морозное утро, о тонкой струйке пара, поднимающейся от их вспоротых животов. Вот и все, чего я хотела, клянусь тебе, Филеб. А ты чего хочешь? Не знаю, но верить тебе нельзя: в твоем взгляде слишком большие притязания. Знаешь, как я думала до знакомства с тобой? Я думала, что мудрость жизни в том, чтоб отплатить злом за зло, которое тебе причинили. Больше я ничего не хотела.

Орест . Электра, если ты последуешь за мной, ты узнаешь, что мудрость не сводится к этому.

Электра . Не хочу больше тебя слушать. Ты причинил мне много горя. Ты явился со своими голодными глазами на нежном девичьем лице, и я позабыла о ненависти, пальцы мои разжались, я выронила мое единственное сокровище. Мне захотелось верить в то, что здешних жителей можно вылечить словами. Ты видел результат: они лелеют свое горе, они нуждаются в привычной язве и заботливо поддерживают ее, расчесывая грязными ногтями. Их можно вылечить только насильно, зло одолеешь лишь злом. Прощай, Филеб, уходи, оставь меня моим дурным снам.

Орест . Тебя убьют.

Электра . Здесь есть святилище – храм Аполлона. Там укрываются иногда преступники, никто не имеет права коснуться волоска на их голове. Я спрячусь туда.

Орест . Почему ты отвергаешь мою помощь?

Электра . Мне должен помочь не ты. Меня освободит другой. (*Пауза.*) Мой брат не умер, я знаю. Я его жду.

Орест . А если он не придет?

Электра . Придет, не может не прийти. Он нашего рода, пойми: преступление и зло у него в крови, как у меня. Это воин с глазами, налитыми кровью, как у нашего отца, всегда готовый на взрыв ярости, он мучается, он запутался в собственной судьбе, как лошадь, раненная в живот, запутывается в кишках, и теперь он двинуться не может, не раздирая себе внутренности. Он придет, этот город притягивает его, я уверена, потому что именно здесь ему дано причинить себе самое страшное зло! Он придет набычившийся, страдающий, роя землю от нетерпения. Я боюсь его, каждую ночь вижу во сне и просыпаюсь с криком. Но я жду и люблю его. Я должна остаться здесь, чтоб направить его ярость – я-то ведь не теряю головы, чтоб указать ему пальцем на виновных и сказать: «Рази, Орест, рази: вот они!»

Орест . А если он не таков, как ты воображаешь?

Электра . Каким же может быть, по-твоему, сын Агамемнона и Клитемнестры?

Орест . А если он, выросший в счастливом городе, устал от всей этой крови?

Электра . Тогда я плюну ему в лицо и скажу: «Убирайся, пес, ступай к бабам, ты сам баба. Но ты плохо рассчитал: ты внук Атрея, и тебе не уйти от судьбы Атридов. Ты предпочел

позор преступлению, дело твое. Но судьба найдет тебя и в постели: ты сначала испытаешь позор, а потом свершишь преступление, хочешь или не хочешь!»

Орест . Электра, я – Орест!

Электра (*кричит*). Ты лжешь!

Орест . Клянусь тебе божественной душой моего отца Агамемнона: я – Орест.

Молчание.

Ну? Чего ты ждешь, чтоб плюнуть мне в лицо?

Электра . Как я могу? (*Смотрит на него.*) Этот прекрасный лоб – лоб моего брата. Эти сверкающие глаза – глаза моего брата. Орест... Ах! Лучше бы ты оставался Филебом, а моего брата не было б в живых. (*Робко.*) Ты прежде жил в Коринфе?

Орест . Нет, меня воспитали афинские буржуа.

Электра . Как молодо ты выглядишь. Ты когда-нибудь сражался? Этот меч у твоего пояса – он тебе служил когда-нибудь?

Орест . Никогда.

Электра . Мне было не так одиноко, пока ты не называл себя: я ждала того, другого. Я думала всегда о его силе, а не о своей слабости. А теперь ты здесь, Орест – это ты. Гляжу я на тебя и вижу, что мы – сироты. (*Пауза.*) Но я люблю тебя, знаешь, крепче, чем любила бы его.

Орест . Пойдем, если ты меня любишь; бежим вместе.

Электра . Бежать? С тобой? Нет. Судьба Атридов решается здесь, а я из рода Атридов. Я тебя ни о чем не прошу. Я больше ни о чем не могу просить Филеба. Но я остаюсь здесь.

В глубине сцены появляется Юпитер, прячется, подслушивая.

Орест . Электра, я – Орест... твой брат. Я тоже Атрид, твое место – рядом со мной.

Электра . Нет. Ты мне не брат, я тебя не знаю. Орест умер, тем лучше для него. Отныне я буду почитать его божественную душу, как чту души отца и сестры. А ты, ты – претендующий на родство – кто ты, чтоб называться Атридом? Прошла ли жизнь твоя под сенью убийства? Ты был, вероятно, спокойным мальчиком, тихим, рассудительным – ты был гордостью приемного отца, – чисто умытым мальчиком, доверчиво глядевшим на мир блестящими глазами. Ты доверял людям, потому что они тебе широко улыбались, столам, кроватям, ступенькам лестниц – потому что это верные слуги человека; ты доверял жизни, потому что был богат, потому что у тебя было много игрушек; тебе случалось думать, что мир не так уж плохо устроен, что погрузиться в него так же приятно, как в теплую ванну, сплошное удовольствие. А я в шесть лет была служанкой, я ничему не доверяла. (*Пауза.*) Уходи, прекрасная душа. Мне прекрасная душа ни к чему: мне нужен был сообщник.

Орест . Неужели ты думаешь, что я тебя оставлю одну? Как сможешь ты тут жить, утратив последнюю надежду?

Электра . Это мое дело. Прощай, Филеб.

Орест . Ты меня гонишь? (*Делает несколько шагов, останавливается.*) Разве я виноват, что не похож на разъяренного солдафона, которого ты ждала? Его ты взяла бы за руку, ты сказала бы ему: «Рази!» Меня ты ни о чем не просишь. Господи, да кто же я такой, если собственная сестра отталкивает меня, даже не испытав?

Электра . Ах, Филеб! Я никогда не смогла бы возложить подобное бремя на твое сердце, не ведающее ненависти.

Орест (*подавленно*). Ты хорошо сказала: «не ведающее ненависти». Ни любви. Тебя я мог бы полюбить. Мог бы... Но как? Чтоб любить, чтоб ненавидеть, надо отдаться чувству. Как прекрасен полнокровный человек, человек, который крепко стоит на ногах среди своих

владений и отдается в один прекрасный день любви или ненависти, – он отдает вместе с собой свои земли, дом, воспоминания. А кто я? Что могу дать я? Я едва существую: из всех призраков, блуждающих сегодня по городу, я – самый призрачный. Я испытал призрачные увлечения, преходящие и бесплотные, как пары. Но я не знаю, что такое тяжелая страсть живого человека. *(Пауза.)* Позор! Я вернулся в родной город, и сестра отказывается признать меня. Куда же мне теперь? Какого города мне стать наваждением?

Электра . Разве нет города, где тебя ждет девушка с прекрасным лицом?

Орест . Никто меня не ждет. Я скитаюсь из города в город, чуждый всем и самому себе, я ухожу, и город смыкается за мной, как тихие воды. Вот я покину Аргос, какой след от меня останется? Разве что горечь разочарования в твоём сердце?

Электра . Ты рассказывал о счастливых городах...

Орест . Что мне до счастья. Я хочу, чтоб у меня были мои воспоминания, моя почва, мое место среди жителей Аргоса.

Молчание.

Электра, я не уйду отсюда.

Электра . Филеб, уходи, умоляю тебя. Мне тебя жаль, уходи, если я дорога тебе. Ты здесь не найдешь ничего, кроме горя, а мне твоя невинность будет только помехой.

Орест . Не уйду.

Электра . Так я и позволю тебе остаться здесь, чтоб ты мне докучал своей чистотой, чтоб я робела твоего суда? Зачем ты упрямисься? Ты здесь никому не нужен.

Орест . Это моя последняя надежда. Ты не можешь отнять ее у меня, Электра. Пойми: я хочу быть человеком откуда-нибудь, человеком среди людей. Подумай: раб, когда он проходит, усталый, не в духе, сгибаясь под тяжестью ноши, понутив голову и глядя себе под ноги – только под ноги, чтоб не упасть, – даже этот раб – в своем городе, как лист в листве, как дерево в лесу. Аргос окружает его, весомый, теплый, полный самим собой. Я хочу быть этим рабом, Электра, я хочу натянуть город на себя, завернуться в него, как в одеяло. Не уйду.

Электра . Проживи хоть сто лет меж нас, все равно останешься чужим, одиноким, как путник на большой дороге, даже хуже. Люди будут смотреть на тебя искоса, не поднимая глаз, они будут понижать голос при твоём приближении.

Орест . Разве служить вам так трудно? Мои руки годятся, чтоб защищать город, у меня есть золото, чтоб помочь нуждающимся.

Электра . Нам не нужны ни военачальники, ни благотворители.

Орест . Тогда... *(Делает несколько шагов, опустив голову.)*

Появляется Юпитер, глядит на него, потирая руки.

(Поднимает голову.) Если б я хоть понимал все ясно. Ах, Зевс, Зевс, царь небесный, я редко обращался к тебе, и ты ко мне не был особенно благосклонен, но будь свидетелем – я всегда стремился только к добру. Теперь я устал, не различаю, где зло, где добро, я нуждаюсь в том, чтоб мне указали путь. Зевс, неужели царский сын, у которого отняли родину, в самом деле должен свято покориться изгнанию – и, втянув голову в плечи, убратся подобру-поздорову, уползти, как собака, на брюхе? Такова твоя воля? Не могу поверить. И, однако... однако, ты запрещаешь проливать кровь... Ах, при чем тут кровь, я сам не знаю, что говорю... Зевс, молю тебя: если ты предписываешь мне покориться и подло унизиться, дай знамение, потому что я окончательно запутался.

Юпитер *(про себя)*. За чем же дело стало: к твоим услугам! Абракада, абракада, це-це!

Вокруг камня возникает сияние.

Электра (*хохочет*). Ха-ха, сегодня чудеса как грибы после дождя! Видишь, до чего полезно быть набожным, Филеб, и испрашивать совета богов! (*Надрывается со смеху.*) Добродетельный молодой человек, набожный Филеб: «Подай мне знак, Зевс, подай мне знак!» И пожалуйста – вокруг священного камня появляется сияние. Убирайся! В Коринф! В Коринф! Убирайся!

Орест (*глядя на камень*). Значит... ЭТО – добро. (*Пауза. Не отрываясь, смотрит на камень.*) Тихонько смыться. Тихонько. Всегда говорить «простите» и «благодарю»... Значит, это? (*Пауза. Не отрываясь, смотрит на камень.*) Добро. ИХ добро. (*Пауза.*) Электра!

Электра. Ступай, ступай, живо. Не разочаровывай мудрую кормилицу, склонившуюся к тебе с Олимпа. (*Замолкает, озадаченная.*) Что с тобой?

Орест (*изменившимся голосом*). Есть и иной путь.

Электра (*в ужасе*). Не строй из себя злодея, Филеб. Ты испрашивал повеления богов: теперь ты знаешь их волю.

Орест. Повеления? А, да... Ты говоришь о свете вокруг этого большого булыжника? Этот свет не для меня, мной теперь никто не может повелевать.

Электра. Ты говоришь загадками.

Орест. Как ты вдруг удалилась от меня... как все изменилось! Меня окружало нечто живое и теплое. Оно умерло... Как все пусто... Ах, какая пустота, какая беспредельная пустота, насколько глаз хватает! (*Делает несколько шагов.*) Опускается ночь... Стало холодно, ты не находишь?.. Но что же это... что же это умерло?

Электра. Филеб...

Орест. Я сказал тебе, что есть и иной путь... мой путь. Ты не видишь его? Он начинается отсюда и идет вниз, в город. Надо спуститься, спуститься к вам, вы – на дне ямы, на самом дне... (*Подходит к Электре.*) Ты – МОЯ сестра, Электра, этот город – МОЙ город. Сестра МОЯ. (*Берет ее за руку.*)

Электра. Пусти! Ты делаешь мне больно, я тебя боюсь – и я не принадлежу тебе.

Орест. Знаю. Пока еще не принадлежишь: я слишком невесом. Я должен взвалить на плечи тяжкое преступление, которое потянет меня на дно – в самые глубины Аргоса.

Электра. Что ты задумал?

Орест. Подожди. Дай мне проститься с моей невесомой чистотой. Дай проститься с юностью. Бывают вечера в Коринфе, в Афинах, вечера, пьянящие песнями, запахами, – они отныне не для меня. Не для меня рассветы, пьянящие надеждой... Ну ладно, прощайте. Прощайте. (*Подходит к Электре.*) Пошли, Электра, взгляни на наш город. Вот он – красный на солнце, кишачий людьми и мухами, погруженный в тупое оцепенение послеполуденного жара; его стены, крыши, запертые двери – все отвергает меня. Но я должен овладеть им. С сегодняшнего утра я чувствую это. И тобой тоже, Электра, я должен овладеть. Я овладею вами. Я обращусь в колун и рассеку надвое эти упрямые стены, я вспорю брюхо этим домам-святошам, так что запах жратвы и ладана вырвется наружу из разверстых ран; я обращусь в топор, я врежусь в самую сердцевину этого города, как врежется топор в сердцевину дуба.

Электра. Как ты изменился: глаза твои больше не светятся, они потускнели, померкли. Увы! Ты был таким мягким, Филеб. А теперь ты говоришь со мной, как тот, другой, говорил в моих снах.

Орест. Послушай: все эти люди дрожат в своих темных комнатах, окруженные дорогами покойниками, но представь, что я возьму их преступления на себя. Представь, что я хочу заслужить титул «похитителя угрызений совести», что я вберу в себя покаяние всех: и покаяние женщины, изменившей мужу, и покаяние торговца, уморившего мать, и покаяние ростовщика, обиравшего насмерть своих должников! Скажи, разве в тот день, когда на меня обру-

шится больше угрызений совести, чем мух в Аргосе, – все, чем угрызался город, разве в тот день я не заслужу права гражданства среди вас? Разве я не почувствую себя дома – в этих залитых кровью стенах, подобно тому как мясник в окровавленном фартуке чувствует себя дома в своей лавке, среди кровоточащих туш, только что им освежаванных?

Электра . Ты хочешь искупить за нас грехи?

Орест . Искупить? Я сказал, что вберу в себя покаяния всех, но я не сказал, как поступлю с этими кудахтающими курами: может, я сверну им шею.

Электра . А каким образом ты возьмешь на себя наши злодеяния?

Орест . Вы только и мечтаете от них отделаться. Царь и царица насильно заставляют вас помнить о них.

Электра . Царь и царица... Филеб!

Орест . Боги свидетели, я не хотел пролить их кровь.

Долгое молчание.

Электра . Ты слишком молод, слишком слаб...

Орест . Неужели ты отступишь теперь? Спрячь меня во дворце, вечером проведешь меня к царскому ложу и увидишь, слаб ли я.

Электра . Орест!

Орест . Электра. Ты впервые назвала меня Орестом.

Электра . Да. Это ты. Ты – Орест. Я не узнала тебя, я ждала тебя не таким. Но эта горечь во рту, этот привкус лихорадки – я тысячу раз ощущала его в моих снах, – я узнаю его теперь. Итак, ты явился, Орест, и твое решение принято, и я, как в моих снах, на пороге непоправимого поступка, и мне страшно – как во сне. О миг, которого я так ждала и так боялась! Отныне минуты будут цепляться одна за другую с механической неотвратимостью, и у нас не будет роздыха, пока оба они не упадут навзничь, и лица их будут подобны раздавленным тутовым ягодам. Сколько крови! И ее прольешь ты, ты, чей взгляд был так мягок. Увы, никогда уж мне не видеть этой мягкости, никогда не видеть вновь Филеба. Орест, ты мой старший брат и глава семьи, обними меня, оборони – мы идем навстречу великим страданиям.

Орест обнимает ее. Юпитер выходит из своего убежища и крадучись удаляется.

Картина вторая

Во дворце. Тронный зал. Статуя Юпитера, жуткая, окровавленная. Темнеет.

Явление первое

Электра, входит первой, делает знак Оресту.

Орест . Кто-то идет. (*Обнажает меч.*)

Электра . Это солдаты делают обход. Спрячемся здесь.

Прячутся за тронном.

Явление второе

Электра и Орест, спрятавшиеся, двое солдат.

Первый солдат . Не знаю, что сегодня с мухами, прямо обезумели.

Второй солдат. Чуют мертвецов и радуются. Я даже зевнуть не смею, боюсь – ринутся в открытый рот и устроят карусель в глотке.

Электра на мгновение показывается и снова прячется.

Послушай, что-то скрипнуло.

Первый солдат. Это Агамемнон сел на трон.

Второй солдат. И под его широким задом заскрипели доски сиденья? Нет, коллега, невозможно: мертвецы ничего не весят.

Первый солдат. Это простой народ ничего не весит. А он, до того как по-царски помереть, любил пожить по-царски и весил, год больше, год меньше, свои восемь пудов. Вот невидаль, если ему от них осталось несколько фунтов.

Второй солдат. Так ты думаешь... он здесь?

Первый солдат. А где ему быть? Если бы я, к примеру, был мертвым царем и мне б ежегодно давали увольнительную на сутки, я уж точно проводил бы этот денек на своем троне – посидел бы, припомнил всякое, разные разности из приятного прошлого, никому не причиняя зла.

Второй солдат. Ты так говоришь, потому что живой. А был бы не живой, стал бы такой же вредный, как остальные.

Первый солдат дает ему пощечину.

Да ты что?

Первый солдат. Для твоей же пользы – гляди, одним махом семерых пристукнул, целый рой.

Второй солдат. Кого, покойников?

Первый солдат. Да нет. Мух. Вся рука в крови. (*Вытирает руку о штанину.*) Паскуды.

Второй солдат. Что б богам убить их при рождении. Подумай только, сколько здесь покойников, а все тише воды, ниже травы, стараются никому не мешать. Были бы мухи дохлыми, и они бы так себя вели.

Первый солдат. Заткнись, только мушиных привидений тут не хватало...

Второй солдат. А что они тебе?

Первый солдат. Соображаешь? Их ведьдохнут каждый день миллионы. Если бы на город выпустили всех мух, которые умерли с прошлого лета, то на каждую живую пришлось бы триста шестьдесят пять мертвых, и все бы они роились вокруг нее. Брр! Воздух был бы просахарен мухами, мы бы ели мух, дышали мухами, они просачивались бы в наши бронхи, в кишки, как липкий сироп... Слушай, может быть, здесь от этого так странно пахнет?

Второй солдат. На такой зал, в сто квадратных метров, вполне достаточно несколько покойников, чтоб все провоняло. Говорят, у наших покойников дурно пахнет изо рта.

Первый солдат. Подумать только! Они себе портят кровь, эти...

Второй солдат. Говорю тебе, тут что-то не то: пол скрипит.

Они заглядывают за трон с правой стороны; Орест и Электра выходят из-за него слева, проходят перед ступенями трона и, зайдя за трон справа, вновь прячутся в тот момент, когда солдаты выходят слева.

Первый солдат. Никого нет, видишь. Это Агамемнон, говорю тебе, проклятый Агамемнон! Должно быть, сидит на этих подушках прямой, точно палку проглотил, и смотрит на нас. Да и как ему иначе убить время, делать-то нечего – вот он и смотрит.

Второй солдат. Может, лучше встать по стойке смирно, хрен с ними, с мухами, пусть щекочут нос.

Первый солдат. Был бы я сейчас в кордегардии, в картишки б перекинулся. Мертвецы, которые туда заходят, свои ребята, такая же пехота. Как подумаю, что покойник царь здесь, подсчитывает, сколько пуговиц не хватает на моем мундире, становится не по себе, точно на генеральском смотрю.

Входят Клитемнестра, Эгисф, служители вносят лампы.

Эгисф. Пусть нас оставят одних.

Явление третье

Эгисф, Клитемнестра, Орест и Электра, спрятавшиеся.

Клитемнестра. Что с вами?

Эгисф. Вы видели? Если б я не поразил их ужасом, они во мгновение ока избавились бы от своих угрызений совести.

Клитемнестра. Стоит ли из-за этого беспокоиться? Вы всегда сумеете в нужный момент охладить их пыл.

Эгисф. Возможно, я здорово наловчился разыгрывать эти комедии. *(Пауза.)* Я сожалею, что должен наказать Электру.

Клитемнестра. Потому что в ней течет моя кровь? Вы сочли уместным наказать ее, а я нахожу правильным все, что вы делаете.

Эгисф. Женщина, я сожалею об этом не из-за тебя.

Клитемнестра. Тогда почему же? Вы не любили Электру.

Эгисф. Я устал. Вот уже пятнадцать лет, как я держу на вытянутой руке угрызения совести целого народа. Вот уже пятнадцать лет, как я наряжаюсь огородным пугалом: эти черные одеяния слиняли на мою душу.

Клитемнестра. Но, государь, ведь и я...

Эгисф. Знаю, женщина, знаю: сейчас ты станешь говорить о своих угрызениях совести. Что ж, завидую, они наполняют твою жизнь. А у меня их нет, но я самый печальный человек в Аргосе.

Клитемнестра. Мой дорогой государь... *(Подходит к нему.)*

Эгисф. Отстань, потаскуха! Не стыдно тебе – у него на глазах?

Клитемнестра. У него на глазах? Кто смотрит на нас?

Эгисф. Как кто? Царь. Сегодня утром выпустили мертвецов.

Клитемнестра. Государь, умоляю вас... Мертвецы под землей и не так скоро обременят нас. Вы что, забыли, что сами сочинили все эти басни для народа?

Эгисф. Ты права, женщина. Но что с того? Видишь, как я устал? Оставь меня. Мне надо собраться с мыслями.

Клитемнестра уходит.

Явление четвертое

Эгисф, Орест и Электра.

Эгисф. Ну как, Юпитер? Такого царя желал ты для Аргоса? Я представлятьствую, выступаю, умею кричать громовым голосом, являю всюду лик, наводящий ужас, и те, кому я попадаюсь на глаза, чувствуют себя виноватыми до мозга костей. Но я – пустая скорлупа: какой-то зверь незаметно для меня самого сгрыз мое нутро. Гляжу в себя и вижу, что я мертвее Агамемнона. Я сказал, что печален? Я солгал. Эта пустыня – необозримое небытие песков под ясным небытием неба – ни печальна, ни весела: она зловеща. Ах, я отдал бы царство, чтоб пролить слезу!

Входит Юпитер.

Явление пятое

Те же, Юпитер.

Юпитер. Посетуй, посетуй: ты царь, как все цари.

Эгисф. Кто ты? Зачем ты здесь?

Юпитер. Ты не узнаешь меня?

Эгисф. Уходи, или я прикажу, чтоб стражи тебя вышвырнули.

Юпитер. Ты не узнаешь меня? А ведь ты меня видел. Во сне. Правда, я выглядел ужаснее.

Гром, молния. Юпитер принимает ужасный вид.

А теперь?

Эгисф. Юпитер!

Юпитер. Наконец-то. *(Снова улыбается, подходит к статуе.)* Это я? Вот таким, значит, они видят меня, когда молятся, жители Аргоса? Не часто богу приходится созерцать свое изображение лицом к лицу. *(Пауза.)* Мать ты моя, до чего ж я уродлив! Не очень-то они должны меня любить.

Эгисф. Они вас страшатся.

Юпитер. Прекрасно. Любовь мне ни к чему. А ты? Ты меня любишь?

Эгисф. Что вам еще нужно от меня? Разве я не заплатил сполна?

Юпитер. Сполна? Людской долг неоплатен.

Эгисф. Я валюсь под бременем...

Юпитер. Не преувеличивай! Ты здоров и толст! Впрочем, это я не в упрек тебе. Отличный царский жир, желтый, как свечное сало, так и надо. Ты скроен, чтоб прожить еще двадцать лет.

Эгисф. Еще двадцать лет!

Юпитер. Ты хочешь умереть?

Эгисф. Да.

Юпитер. А если б сейчас кто-нибудь вошел сюда с обнаженным мечом, ты подставил бы грудь под меч?

Эгисф. Не знаю.

Юпитер. Слушай меня внимательно. Если ты дашь себя зарезать, как тельца, ты будешь наказан самым строгим образом: останешься царем в Тартаре на веки веков. Я пришел, чтобы предупредить тебя.

Эгисф. Кто-нибудь хочет меня убить?

Юпитер. Говорят.

Эгисф. Электра?

Юпитер . И еще кое-кто.

Эгисф . Кто?

Юпитер . Орест.

Эгисф . А! (*Пауза.*) Ну что ж, это в порядке вещей, тут ничего не поделаешь.

Юпитер . «Ничего не поделаешь»? (*Другим тоном.*) Вели тотчас схватить молодого чужеземца, который называет себя Филебом. Пусть его бросят вместе с Электрой в какое-нибудь подземелье – и я позволяю тебе забыть, что они там. Ну? Чего ты ждешь? Зови стражу.

Эгисф . Нет.

Юпитер . Снизойдешь ли ты, чтобы объяснить мне мотивы твоего отказа?

Эгисф . Я устал.

Юпитер . Чего смотришь в пол? Подними на меня свои глаза, налитые кровью. Так, так! Ты породист и глуп, как конь. Но твое сопротивление не из тех, что становятся мне поперек горла. Это перец, который только придает вкус твоей покорности. Я ведь знаю, что ты в конце концов уступишь.

Эгисф . Я вам сказал, что не намерен входить в ваши планы. Хватит с меня.

Юпитер . Смелей! Сопровствляйся, сопровствляйся! Люблю полакомиться такими душами, как твоя. Глаза мечут молнии, кулаки сжимаются, ты бросаешь отказ в лицо Юпитеру. И, однако, ах ты, дурачок, коняшка, гадкий маленький коняшка, сердцем ты ведь давно сказал мне: да. Ну-ну, ты подчинишься. Или ты думаешь, что я спустился с Олимпа просто так? Я хотел тебя предупредить о готовящемся преступлении, потому что хочу ему помешать.

Эгисф . Предупредить меня!.. Странно.

Юпитер . Напротив, совершенно естественно: я стремлюсь отвести опасность от твоей головы.

Эгисф . Кто вас просит об этом? Разве Агамемнона вы предупреждали? А ведь он хотел жить.

Юпитер . О неблагодарная натура, о гнусный характер: ты мне дороже, чем Агамемнон, я даю тебе доказательство этого, а ты еще жалуешься.

Эгисф . Я – дороже Агамемнона? Я? Это Орест вам дорог. Когда я погубил себя, вы и пальцем не пошевелили, вы позволили мне добежать до царской ванны с топором в руках – и, конечно, облизывались в эту минуту там, у себя наверху, предвкушая, как сладка душа грешника. А сегодня вы оберегаете Ореста от него самого. И меня, которого сами же толкнули на убийство отца, заставляете теперь удерживать руку сына. Я только и сгодился, чтобы стать убийцей. А он? Извините, пожалуйста, на него, разумеется, есть иные виды.

Юпитер . Какая забавная ревность. Успокойся: я люблю его не больше, чем тебя. Я никого не люблю.

Эгисф . Смотрите же, во что вы превратили меня, несправедливый бог. И ответствуйте: если сегодня вы мешаете преступлению, задуманному Орестом, почему дали свершить преступление мне?

Юпитер . Не от всякого преступления меня воротит. Как царь царю скажу тебе, Эгисф, со всей откровенностью: первое преступление содеял я сам, сотворив людей смертными. Что после этого остается вам, убийцам? Отправлять ваши жертвы на тот свет? Велика важность, они все равно туда отправятся; вы только немножко поторопили смерть. Знаешь, что ждало Агамемнона, если бы ты не прикончил его? Через три месяца он скончался бы от апоплексического удара на груди у прекрасной рабыни. Но твое преступление сослужило мне службу.

Эгисф . Сослужило вам службу? Я искупаю свою вину в течение пятнадцати лет, а оно сослужило вам службу? Горе мне!

Юпитер . Ты что? Оно сослужило мне службу именно потому, что ты искупаешь его; мне нравятся преступления, когда от них есть прок. Твое мне понравилось, потому что это было слепое и глухое убийство, лишненное самосознания, древнее, похожее скорее на стихий-

ный катаклизм, чем на человеческое деяние. Ты не бросал мне вызова: ты разил, одержимый страхом и яростью, а потом, когда жар спал, твой собственный поступок ужаснул тебя, ты отказался нести за него ответственность. И смотри, какой доход извлек я: за одного убитого – двадцать тысяч не вылезают из покаяния, вот баланс. Недурная сделка.

Эгисф. Вижу я, что скрывается за всеми вашими речами: у Ореста не будет угрызений совести.

Юпитер. Ни тени. В эту минуту он скромно, холодно, методично разрабатывает свой план. На кой ляд мне сдалось убийство без угрызений совести, убийство дерзкое, вызывающее, спокойное, невесомое, как пар, в душе убийцы. Не позволю! Ох, ненавижу преступления нынешней молодежи: сорняки, плевелы, никаких полезных всходов. Этот тихий юноша заколет тебя, как цыпленка, и уйдет с красными руками и чистой совестью; я бы на твоём месте счел это унижительным. Ну! Зови стражу!

Эгисф. Я уже сказал – нет. Это преступление вам так не нравится, что оно нравится мне.

Юпитер (*меняя тон*). Эгисф, ты царь, я взываю к тебе как к царю. Ты ведь любишь царствовать.

Эгисф. Ну?

Юпитер. Ты ненавидишь меня, но мы – родня. Я создал тебя по образу своему и подобию: царь – бог на земле, он благороден и зловец, как бог.

Эгисф. Это вы-то зловещи?

Юпитер. Посмотри на меня.

Долгое молчание.

Я сказал тебе, что ты создан по образу моему и подобию. Мы оба следим за тем, чтоб царил порядок, – ты в Аргосе, я – во всем мире; и один и тот же секрет камнем лежит у нас на сердце.

Эгисф. У меня нет секретов.

Юпитер. Есть. Тот же, что у меня. Мучительный секрет богов и царей: они знают, что люди свободны. Люди свободны, Эгисф. Тебе это известно, а им – нет.

Эгисф. Проклятье, знай они это, они б давно пустили мне красного петуха во дворец. Вот уже пятнадцать лет я разыгрываю комедию, чтоб они не поняли своей силы.

Юпитер. Видишь, мы подобия.

Эгисф. Подобия? Какая ирония в том, что бог заявляет о своем подобии мне. С тех пор как я сел на престол, во всем, что я делаю и говорю, одна цель: создать собственный образ; хочу, чтоб каждый мой подданный нес этот образ в себе, чтоб даже наедине с собой он ощущал мой суровый взгляд на самой тайной из своих мыслей. Но я сам первый пал жертвой: я вижу себя таким, каким видят меня они, я склоняюсь над открытым колодезем их душ и там, в глубине, вижу свое отражение, оно мне отвратительно, оно притягивает меня. О всемогущий бог, что я такое? Я всего лишь страх, испытываемый передо мной другими.

Юпитер. А я кто, по-твоему? (*Показывает на статую.*) Я тоже – мое изображение. Думаешь, у меня не идет от этого голова кругом? Вот уже сто тысяч лет я пляшу перед людьми. Медленная, мрачная пляска. Нужно, чтоб и они смотрели на меня: пока взор их прикован ко мне, они забывают смотреть в себя. Если я забудусь на мгновение, если позволю им оторвать взгляд...

Эгисф. Тогда?..

Юпитер. Оставим. Это мое личное дело. Ты устал, Эгисф. Но как можешь ты роптать? Ты умрешь. А я – нет. Пока есть люди на земле, я обречен плясать перед ними.

Эгисф. Увы! Но кто обрек нас?

Юпитер. Мы сами. У нас ведь одна страсть. Ты любишь порядок, Эгисф.

Эгисф. Порядок. Это правда. Ради порядка я соблазнил Клитемнестру, ради порядка убил моего царя. Я хотел, чтоб царил порядок и чтоб порядок был установлен мной. Я жил, не зная желаний, не зная любви, не зная надежды: я блюл порядок. О чудовищная и божественная страсть!

Юпитер. Иные страсти нам неведомы: я – бог, ты рожден быть царем.

Эгисф. Увы!

Юпитер. Эгисф – мое творение, мой смертный брат, – именем порядка, которому мы оба служим, приказываю тебе: схвати Ореста и его сестру.

Эгисф. Они так опасны?

Юпитер. Орест знает, что он свободен.

Эгисф (*живо*). Он знает, что свободен. Тогда его мало заковать в кандалы. Свободный человек в городе как паршивая овца в стаде. Он заразит все мое царство, он загубит мое дело. Всемогущий боже, чего ты ждешь? Порази его.

Юпитер (*медленно*). Чего я жду? (*Пауза. Горбится, усталым голосом.*) Эгисф, у богов есть еще один секрет...

Эгисф. Что ты хочешь сказать?

Юпитер. Если свобода вспыхнула однажды в душе человека, дальше боги бессильны. Это уж дела человеческие, и только другие люди могут либо дать ему бродить по свету, либо удушить.

Эгисф (*глядя на него*). Удушить?.. Хорошо. Я, разумеется, подчинюсь тебе. Но ни слова больше, и оставь меня, твое присутствие мне невыносимо.

Юпитер уходит.

Явление шестое

Эгисф некоторое время один, потом Электра и Орест.

Электра (*подскакивая к двери*). Рази его! Не оставляй ему времени крикнуть. Я забаррикадирую дверь.

Эгисф. Так это ты, Орест?

Орест. Защищайся!

Эгисф. Защищаться я не буду. Слишком поздно кого-нибудь звать, и я рад этому. Но защищаться я не буду – хочу, чтоб ты был убийцей.

Орест. Хорошо. Средства мне безразличны. Буду убийцей. (*Поражает его мечом.*)

Эгисф (*покачнувшись*). Ты не промахнулся. (*Цепляется за Ореста.*) Дай погляжу на тебя. Это правда, что ты не испытываешь угрызений совести?

Орест. Угрызений совести? Из-за чего? То, что я сделал, справедливо.

Эгисф. Справедливо то, чего желает Юпитер. Ты прятался здесь и слышал его.

Орест. Что мне Юпитер? Справедливость – дело людей, и я не нуждаюсь в богах, чтоб знать, в чем она состоит. Справедливо раздавить тебя, гнусный пройдоха, справедливо свергнуть твою власть над жителями Аргоса, справедливо вернуть им чувство собственного достоинства. (*Отталкивает его.*)

Эгисф. Мне плохо.

Электра. Он качается, лицо его бледнеет. Ужас! Какое уродство... смерть человека!

Орест. Замолчи. Пусть унесет в могилу память о нашей радости.

Эгисф. Будьте прокляты вы оба.

Орест. Долго ты будешь умирать? (*Поражает его мечом.*)

Эгисф (*падает*). Берегись мух, Орест, берегись мух. Это еще не конец. (*Умирает.*)

Орест (*отпихивая его ногой*). Для тебя, во всяком случае, это конец. Проводи меня в комнату царицы.

Электра . Орест...

Орест . Ну?

Электра . Она уже не может повредить...

Орест . И что же?.. Не узнаю тебя. Раньше ты говорила иначе.

Электра . Орест... Я тебя тоже не узнаю.

Орест . Хорошо. Я пойду сам. (*Уходит.*)

Явление седьмое

Электра, одна.

Электра . Будет она кричать? (*Пауза. Прислушивается.*) Идет по коридору. Когда он откроет четвертую дверь... Ах, я этого хотела! Я этого хочу, НУЖНО, чтоб я все еще этого хотела. (*Глядит на Эгисфа.*) Он мертв. Так я, значит, ЭТОГО хотела. Я не понимала. (*Подходит к Эгисфу.*) Сто раз я видела его во сне распростертым на этом самом месте, с мечом в сердце. Глаза его были закрыты, он казался спящим. Как я его ненавидела, как радовалась своей ненависти! Он не похож на спящего, глаза открыты, он смотрит на меня. Он умер – и моя ненависть умерла вместе с ним. Я здесь, я жду, а она еще жива, она в своей комнате. Сейчас закричит. Звериным криком. Ах, я не могу больше вынести его взгляда. (*Становится на колени и набрасывает плащ на лицо Эгисфа.*) Чего же я хотела?

Тишина. Потом вопль Клитемнестры.

Он ударил ее. Она – наша мать, и он ударил ее. (*Поднимается.*) Ну вот: мои враги мертвы. Много лет я заранее радовалась этой смерти, теперь тиски сжали мое сердце. Неужели я обманывала себя пятнадцать лет? Ложь! Ложь! Это не может быть правдой: я не трусиха! Я хотела этой минуты, я все еще хочу ее. Я хотела видеть этого гнусного борова распростертым у моих ног. (*Срывает плащ.*) Пяль сколько влезет свои зенки. Я этого хотела, я радуюсь, что у тебя глаза как у дохлой рыбы.

Слабый крик Клитемнестры.

Пусть кричит! Пусть кричит! Хочу, чтоб она вопила от ужаса, хочу, чтоб она страдала.

Крики прекращаются.

Радость! Радость! Я плачу от радости: мои враги мертвы, мой отец отомщен.

Орест возвращается с окровавленным мечом в руке. Она подбегает к нему.

Явление восьмое

Электра, Орест.

Электра . Орест! (*Бросается ему в объятия.*)

Орест . Чего ты боишься?

Электра . Я не боюсь, я пьяна. Пьяна от радости. Что она говорила? Она долго молила о пощаде?

Орест . Электра, я никогда не раскаюсь в том, что сделал, но говорить об этом не считаю нужным: есть воспоминания, которыми не делятся. Знай только, что она умерла.

Электра . Проклинай нас? Ответь только это: проклинай нас?

Орест . Да. Проклинай нас.

Электра . Обними меня, любимый, стисни меня в объятиях. Как плотен мрак ночи, как трудно свету факелов пробиться сквозь него! Ты любишь меня?

Орест . Ночь уже кончилась. Брезжит день. Мы свободны, Электра. Мне кажется, ты рождена мной, и я сам родился вместе с тобой; я люблю тебя, ты – моя. Вчера еще я был одинок, а сегодня у меня есть ты. Кровь соединяет нас двойными узами: мы родня по крови и мы вместе пролили кровь.

Электра . Брось меч. Дай мне руку. *(Берет его руку и целует.)* У тебя короткие квадратные пальцы. Они созданы для того, чтобы брать и держать. Дорогая моя рука! Она белее моей. Сколько силы скопилось в ней, чтоб покарать убийц нашего отца!

Обожди. *(Идет за факелом и освещает им Ореста.)* Нужно, чтоб свет падал на твое лицо, мрак сгущается, я плохо вижу тебя. Мне необходимо тебя видеть: когда я тебя не вижу, я начинаю тебя бояться; я не должна отрывать глаз от тебя. Я люблю тебя. Мне нужно думать, что я люблю тебя. Как странно ты выглядишь!

Орест . Я свободен, Электра. Свобода ударила в меня как молния.

Электра . Свободен? А я не чувствую себя свободной. Разве ты можешь сделать, чтобы всего этого не было? Свершилось непоправимое. Разве ты можешь помешать тому, чтобы мы навеки остались убийцами матери?

Орест . Думаешь, я хотел бы этому помешать? Я совершил свое дело. Доброе дело. Я понесу его на плечах, как путник, переходя реку вброд, переносит на своих плечах ребенка, я за него в ответе. И чем тяжелее будет нести, тем радостней, потому что в нем – моя свобода. Вчера еще я брел по земле куда глаза глядят, тысячи путей выскальзывали у меня из-под ног, все они принадлежали другим. Я шел по любому из них – по прибрежной тропе бурлаков, по тропке погонщика мулов, по мощеному тракту, где мчатся колесницы, – но ни одна дорога не была моей дорогой. С сегодняшнего дня мне остался только один путь, и бог знает, куда он ведет, – но это МОЙ путь. Что с тобой?

Электра . Я больше тебя не вижу! Лампы не светят. Я слышу твой голос, но он причиняет мне боль, он вонзается в меня как нож. Неужели отныне всегда будет так темно, даже днем? Орест! Вот они!

Орест . Кто?

Электра . Вот они! Откуда они взялись? Они свисают с потолка как грозди черного винограда, от них черны стены; они застилают мне свет, их тени заслонили от меня твое лицо.

Орест . Мухи...

Электра . Слышишь? Слышишь шум их крыльев, подобный гуденью кузнечного горна? Они окружают нас, Орест. Они нас подстерегают. Сейчас они обрушатся на нас, я почувствую на коже тысячи липких лапок. Куда бежать, Орест? Они разбухают, они разбухают – смотри, они уже как пчелы, их плотный рой нигде от нас не отстанет. Какой ужас! Я вижу их глаза, миллионы глаз, устремленные на нас.

Орест . Что нам за дело до мух?

Электра . Это эринии, Орест, – богини угрызений совести.

Голоса за дверью: «Откройте, откройте! Взломайте дверь, если они не открывают». Глухие удары в дверь.

Орест. Крики Клитемнестры привлекли стражу. Пойдем. Покажи мне святилище Аполлона, – мы проведем там ночь, защищенные от людей и мух. Завтра я буду говорить с моим народом.

Занавес.

Акт третий

Явление первое

Храм Аполлона. Посредине сцены статуя Аполлона. Электра и Орест спят у подножия статуи, обхватив руками ее ноги.

Вокруг них – хоровод эриний, которые спят стоя, как цапли.

В глубине тяжелая бронзовая дверь.

Первая эриния (*потягиваясь*). А-а-а! Я спала стоя, вытянувшись в струнку от злости, и мне снились бесконечные гневные сны. О прекрасный цветок ярости, яркий красный цветок в моем сердце! (*Ходит вокруг Ореста и Электры.*) Спят. До чего белы, до чего нежны! Я ринусь им на живот, на грудь, как поток на гальку. Я стану терпеливо обтачивать эту мягкую плоть, уж я поскребу, поскоблю, уж я их отполирую до костей. (*Делает несколько шагов.*) О чистое утро ненависти! Какое великолепное пробуждение: они спят, тела их в испарине, от них пышет жаром; а я бодрствую, я свежа, крепка, душа моя тверда, как медь, – я ощущаю себя священной.

Электра (*во сне*). Увы!

Первая эриния. Она стонет. Скоро ты задробишь от наших укусов, завопишь от наших ласк. Я возьму тебя, как самец берет самку, ибо ты – отдана мне в супружество и познаешь тяжесть моей любви. Ты красива, Электра, красивее меня; но увидишь, от моих поцелуев быстро стареют, не пройдет и полугода – я согну тебя, как старуху, а сама останусь молодой. (*Склоняется над ними.*) Отличная добыча, бrenная и аппетитная: гляжу на них, чую их запах, и от гнева дух захватывает. Я ощущаю себя зарей ненависти. О радость! Я – когти и зубы, огонь в жилах. О радость! Ненависть затопляет и душит меня, она, как молоко, наполняет мои груди. Проснитесь, сестры, проснитесь: утро настало.

Вторая эриния. Мне снилось, что я кусаю.

Первая эриния. Наберись терпения: сейчас они под покровительством бога, но скоро голод и жажда выгонят их из убежища. Тогда ты вопьешься в них зубами.

Третья эриния. А-а-а! Хочу царапать.

Первая эриния. Погоди: скоро твои железные когти проложат тысячи красных тропинок на теле преступных. Приблизьтесь, сестры, взгляните на них.

Третья эриния. Как они молоды!

Вторая эриния. Как они красивы!

Первая эриния. Возрадуйтесь: преступники так часто стары и уродливы; нам редко выпадает изысканная радость – разрушать то, что прекрасно.

Эринии. Эй-а! Эй-а!

Третья эриния. Орест – почти ребенок. Моя ненависть будет нежна, как мать. Я положу его бледную голову к себе на колени, я буду гладить его по волосам.

Первая эриния. А потом?

Третья эриния. А потом как проткну ему глаза – вот этими двумя пальцами!

Эринии хохочут.

Первая эриния. Они вздыхают, шевелятся, скоро они проснутся. Давайте, сестры, сестры-мухи, разбудим преступных нашей песней.

Хор эриний.

Бзз, бзз, бзз, бзз.
Как мухи, мы облепили твое гнилое сердце,
Сердце гнилое, кровоточащее, лакомое.
Как пчелы, соберем гной и сукровицу твоего сердца.
Не бойся, мы превратим их в мед, прекрасный зеленый мед.
Ненависть слаще нашему лону, чем любая любовь.
Бзз, бзз, бзз, бзз.
Мы обернемся пристальным взглядом домов,
Рычаньем, оскалом сторожевого пса,
Жужжаньем над твоей головой,
Шумом леса,
Свистом, треском, плеском, воем,
Мраком,
Неприглядным мраком твоей души.
Бзз, бзз, бзз, бзз,
Эйа! Эйа! Эйа-а!
Бзз, бзз, бзз, бзз.
Гной сосем мы, мухи,
Все ты отдашь нам,
Пищу – во рту, свет – в глубине глаз,
Мы – твои провожатые до могилы,
Только червям уступим мы место.
Бзз, бзз, бзз, бзз.

Пляшут.

Электра (*просьмается*). Кто здесь разговаривает? Кто вы?

Эринии . Бзз, бзз, бзз, бзз.

Электра . А! Вот и вы. Значит, мы их в самом деле убили?

Орест (*пробуждаясь*). Электра!

Электра . А ты кто? А, ты – Орест. Уходи.

Орест . Что с тобой?

Электра . Я боюсь тебя. Мне снилось, что наша мать упала навзничь, что из нее хлестала кровь и ручейками вытекала из-под дворцовых дверей. Потрогай мои руки, какие они холодные. Нет, оставь, не трогай меня. Из нее вытекло много крови?

Орест . Замолчи.

Электра (*окончательно проснувшись*). Дай погляжу на тебя. Ты убил их. Это ты их убил. Ты здесь, ты только проснулся, на твоём лице ничего не написано, а ведь это ты убил их.

Орест . Ну и что? Да, убил! (*Пауза.*) Ты тоже пугаешь меня. Вчера ты была так красива. Сейчас точно какой-то зверь изуродовал тебя когтями.

Электра . Зверь? Твое преступление. Оно ободрало мне щеки и веки: мои глаза и зубы точно обнажились. А это кто такие?

Орест . Не думай о них. Они ничего не могут с тобой сделать.

Первая эриния . Пусть войдет в наш круг, если посмеет, увидишь, как мы ничего не можем сделать.

Орест . Тихо, суки. На место!

Эринии ворчат.

Неужели это ты танцевала вчера в белом платье на ступенях храма?

Электра . Я состарилась. За одну ночь.

Орест . Ты все еще прекрасна, но... у кого я видел такие мертвые глаза? Электра... ты похожа на нее; ты похожа на Клитемнестру. Стоило ли убивать ее? Когда я вижу свое преступление в этих глазах, оно внушает мне ужас.

Первая эриния . Потому что ты ужасаешь ее.

Орест . Это правда? Я внушаю тебе ужас?

Электра . Оставь меня.

Первая эриния . Ну? Ты еще сомневаешься? И как ей тебя не ненавидеть? Она жила спокойно, в своих мечтах, ты явился, принес резню и святотатство. И вот она делит твою вину, она прикована к этому пьедесталу, этот островок – все, что ей осталось.

Орест . Не слушай ее.

Первая эриния . Назад! Назад! Гони его, Электра, не позволяй прикоснуться к себе. Это мясник. От него исходит пресный запах свежей крови. Знаешь, как неумело он убивал старуху. Не смог даже прикончить ее разом.

Электра . Ты не лжешь?

Первая эриния . Можешь мне поверить, я так и жужжала вокруг них.

Электра . Он нанес ей несколько ударов?

Первая эриния . Добрую дюжину. И всякий раз меч хлупал в ране. Она прикрывала живот и лицо руками. Он изрубил ей все руки.

Электра . Она долго страдала? Она умерла не сразу?

Орест . Не смотри на них, заткни уши, главное – не расспрашивай их: будешь расспрашивать – пропадешь!

Первая эриния . Она чудовищно страдала.

Электра (*закрывая лицо руками*). А-а!

Орест . Она хочет отделить нас друг от друга, воздвигнуть вокруг тебя стену одиночества. Берегись: когда ты останешься одна, совсем одна, беспомощная, они набросятся на тебя. Электра, мы вместе решили совершить это убийство, мы должны вместе встретить его последствия.

Электра . Ты утверждаешь, что я хотела этого?

Орест . Разве не так?

Электра . Нет, не так... Подожди... Так! Ах, я уже ничего не знаю. Мне это преступление снилось. А ты, ты совершил его, ты стал палачом собственной матери.

Эринии (*хохочут и вопят*). Палач! Палач! Мясник!

Орест . Электра, за этой дверью – просторный мир. Простор и утро. Там, снаружи, солнце восходит над дорогами. Мы скоро выйдем, мы пойдем по дороге, освещенной солнцем, а эти дочери мрака утратят свою силу: лучи солнца пронзают их как мечи.

Электра . Солнце...

Первая эриния . Ты никогда не увидишь солнца, Электра. Мы застим тебе солнце, как туча саранчи; куда б ты ни пошла – над твоей головой будет ночь.

Электра . Оставьте меня! Не мучьте!

Орест . Их сила в твоей слабости. Посмотри: мне они не смеют ничего сказать. Послушай: ты предалась неведомому ужасу и отделилась от меня. А разве ты пережила что-то иное, чем я? Стоны матери? Или ты думаешь, что они замолкнут когда-нибудь в моих ушах? Ее огромные зрачки – океаны, вышедшие из берегов, на мелово-бледном лице; думаешь, они изглядятся когда-нибудь из моих зрачков? А тоскливый страх, грызущий тебя? Думаешь, когда-нибудь он перестанет снедать меня? Но что мне до всего этого – я свободен. Пусть тоска,

пусть страшные воспоминания. Свободен. Я в согласии с самим собой. Не нужно ненавидеть себя, Электра. Дай мне руку: я тебя не покину.

Электра . Пусти мою руку! Эти черные суки вокруг меня – страшны, но ты еще страшней.

Первая эриния . Видишь! Видишь! Не правда ли, куколка, мы тебя пугаем меньше, чем он? Мы нужны тебе, Электра, ты наше дитя. Тебе нужны наши когти, чтоб терзать свое тело, тебе нужны наши зубы, чтоб кусать свою грудь, тебе нужна наша каннибальская любовь, чтоб забыть о ненависти в себе, тебе нужны страдания плоти, чтобы не думать о страданиях души. Приди! Приди! Спустись всего на две ступеньки, и мы примем тебя в объятия, наши поцелуи истерзают твоё хрупкое тело, и наступит забытие, забытие во всепожирающем, чистом огне боли.

Эринии . Приди! Приди!

Медленный танец, как бы околдовывающий её. Электра встает.

Орест (*хватая её за руку*). Остановись, умоляю тебя, ты погибнешь.

Электра (*яростно вырываясь*). А! Ненавижу тебя! (Сходит по ступенькам.)

Эринии набрасываются на неё.

На помощь!

Входит Юпитер.

Явление второе

Те же и Юпитер.

Юпитер . На место!

Первая эриния . Хозяин!

Эринии неохотно расходятся, оставляя Электру распростертой на земле.

Юпитер . Бедные дети. (*Подходит к Электре*.) Чего вы добились? Гнев и жалость борются в моем сердце. Встань, Электра: пока я здесь, мои суки тебя не тронут. (*Помогает ей подняться*.) Какое страшное лицо! За одну ночь! За одну ночь! Где твоя деревенская свежесть? За одну ночь твоя печень, селезенка и легкие износились, тело стало жалкой тряпкой. Ах, самонадеянная, безумная молодежь, сколько зла вы сами себе причинили!

Орест . Смени тон, приятель: этот не к лицу царю богов.

Юпитер . И ты, гордец, тоже смени тон: дерзость неуместна в устах преступника, испующего вину.

Орест . Я не преступник, и ты не заставишь меня искупать то, что я не считаю виной.

Юпитер . Ты ошибаешься, пожалуй, но потерпи – я рассею вскоре твоё заблуждение.

Орест . Терзай меня сколько угодно: я ни о чем не жалею.

Юпитер . Даже о том ужасном состоянии, до которого ты довел сестру?

Орест . Даже об этом.

Юпитер . Слышишь, Электра? И он утверждает, что любит тебя.

Орест . Я люблю её больше, чем себя самого. Но она страдает по собственной воле и только сама может избавиться от страданий, она свободна.

Юпитер . А ты? Ты тоже, может быть, свободен?

Орест . Тебе это известно.

Юпитер . Взгляни на себя, бесстыжее и глупое создание, ты воистину величествен: скрючился меж ног божества, тебя хранящего, – а вокруг эти голодные суки. Если уж ты осмеливаешься называть себя свободным, остается воспеть свободу узника, закованного в кандалы и брошенного в подземелье, или свободу распятого раба.

Орест . А почему бы и нет?

Юпитер . Берегись: ты фанфаронишь, потому что Аполлон тебе покровительствует. Но Аполлон – мой покорный слуга. Стоит мне пальцем пошевелить – он тебя покинет.

Орест . За чем же дело стало? Пошевели пальцем, хоть всемидесятью.

Юпитер . К чему? Разве я не сказал, что мне обрыдло наказывать? Я явился, чтоб вас спасти.

Электра . Спасти? Не насмехайся над нами, хозяин мщения и смерти. Даже богу не дозволено вселять обманчивую надежду в сердца тех, кто страдает.

Юпитер . Через четверть часа ты можешь быть далеко отсюда.

Электра . Живая и здоровая?

Юпитер . Даю слово.

Электра . А что ты потребуешь с меня взамен?

Юпитер . Я ничего не требую от тебя, дитя мое.

Электра . Ничего? Я правильно расслышала, о добрый бог, дивный бог?

Юпитер . Или почти ничего. Пустяк, который ты можешь дать мне с легкостью, – капельку раскаяния.

Орест . Берегись, Электра. Эта капелька ляжет тяжелым камнем тебе на сердце.

Юпитер (*Электре*). Не слушай его. Ответь лучше мне: что мешает тебе осудить преступление, совершенное другим? Ты ведь даже не сообщница.

Орест . Электра! Неужели ты отречешься от пятнадцати лет ненависти и надежды?

Юпитер . Кто говорит об отречении? Она никогда не хотела этого святотатства.

Электра . Увы!

Юпитер . Ну-ну, можешь на меня положиться. Я ведь читаю в сердцах.

Электра (*недоверчиво*). И ты читаешь в моем сердце, что я не хотела этого преступления? Это я-то, в течение пятнадцати лет мечтавшая об убийстве и мести?

Юпитер . Ерунда! В кровавых снах, баюкавших тебя, было что-то невинное: они позволяли забыть о рабстве, врачевали раны, нанесенные твоей гордости. Но ты никогда не собиралась их осуществить. Я ошибаюсь?

Электра . Ах! Бог мой, дорогой мой бог, как я хочу, чтоб ты не ошибался!

Юпитер . Ты еще совсем девочка, Электра. Другие девочки мечтают стать богаче всех или красивей всех. А ты, ослепленная жестокой судьбой своего рода, мечтала всех превзойти страданиями, всех превзойти преступлениями. Ты никогда не хотела зла: ты хотела только быть несчастной. В твоем возрасте девочки еще играют в куклы и в классы, а у тебя, бедная малютка, не было ни игрушек, ни подружек, ты играла в убийство, потому что в эту игру можно играть одной.

Электра . Увы! Увы! Я слушаю и начинаю понимать себя.

Орест . Электра! Электра! Вот теперь-то ты виновна. Кто, кроме тебя самой, может знать, чего ты хотела? Неужто ты позволишь другому решать за тебя? К чему исказить прошлое? Оно беззащитно! К чему отрекаться от той разгневанной Электры, которой ты была? От той юной богини ненависти, которую я полюбил? Разве ты не понимаешь, что этот жестокий бог играет тобой?

Юпитер . Чтоб я стал играть вами? Послушайте, что я вам предлагаю: отрекитесь от вашего преступления, и я посажу вас обоих на трон Аргоса.

Орест . На место наших жертв?

Юпитер . Что поделаешь.

Орест . И я натяну на себя еще не остывшее платье покойного царя?

Юпитер . Это или какое-нибудь другое, не важно.

Орест . Ясно. Было б черным, не так ли?

Юпитер . Разве ты не в трауре?

Орест . В трауре по матери. А я и забыл. И моих подданных тоже одену в черное?

Юпитер . Они уже в черном.

Орест . И правда. Дадим им время износить старое платье. Ну? Ты поняла, Электра? За несколько слезинок тебе предлагают нижние юбки и сорочки Клитемнестры – те вонючие, грязные сорочки, которые ты пятнадцать лет стирала собственными руками. Тебя ждет также ее роль, придется только подучить слова. Иллюзия будет полной, никто не усомнится, что снова видит твою мать, ты ведь стала похожа на нее. Но я – я брезглив: я не стану натягивать на себя штаны убитого мною паяца.

Юпитер . Нечего нос задирать, убил человека, который не защищался, и старуху, умолявшую о пощаде; а послушать тебя, не зная, так решишь, что ты спас родной город, сражаясь один против тридцати.

Орест . А может, я и на самом деле спас родной город?

Юпитер . Ты? А знаешь, кто там, за этой дверью? Жители Аргоса – все жители Аргоса. Они поджидают своего спасителя с камнями, вилами и дубинами в руках, чтобы выразить ему благодарность. Ты одинок, как прокаженный.

Орест . Да.

Юпитер . Гордиться тут нечем. На одиночество тебя обрекает их презрение и ужас, трусливейший из убийц.

Орест . Трусливейший из убийц тот, кто испытывает угрызения совести.

Юпитер . Орест! Я сотворил тебя, я сотворил все: гляди.

Стены храма раздвигаются. Появляется небо, усеянное вращающимися звездами. Юпитер в глубине сцены. Голос его становится оглушительным (звучит через микрофон), но он сам едва различим.

Смотри на эти планеты, которые движутся в строгом порядке, никогда не сталкиваясь: это я упорядочил их орбиты, явив справедливость. Послушай гармонию сфер, беспредельный благодарственный гимн минералов, звучащий с четырех сторон света. (*Мелодекламация.*) Благодаря мне продолжается жизнь на земле, я повелел, чтобы дитя человеческое было человеком, чтоб от собаки рождалась собака; благодаря мне мягкий язык прилива лижет песок и отступает в положенный час; я повелел произрастать растениям, мое дыхание разносит желтые тучи пыльцы. Это не твой дом, самозванец! Ты в мире, как заноза в теле, как браконьер в господском лесу, ибо мир – добр. Я создал его по своей воле, я – Добро. А ты – свершил Зло, все сущее клянет тебя голосами, окаменевшими от ужаса. Добро – повсюду: оно в мякоти бузины и свежести источника, в зернистости кремния и тяжести камня: куда ни глянь, найдешь его, – оно даже в природе огня и света. Твое собственное тело предает тебя – оно покорно моим предначертаниям. Добро в тебе и вне тебя: оно рассекает тебя, как коса, оно подавляет тебя, как гора, оно несет и катит тебя, как море, оно обеспечило успех твоего дурного дела; Добро было светом факелов, твердостью твоего меча, силой твоей руки. Ты содеял Зло и им гордишься, но что оно, как не уловка бытия, лукавый его отблеск, обманчивое отражение, самое существование которого зиждется на Добре. Опомнись, Орест: против тебя вся вселенная, а ты во вселенной – лишь жалкий червь. Прими естественный порядок вещей, сын, извративший естество свое. Признай свою вину, ужаснись ею, вырви ее из себя, как гнилой зловонный зуб. Иль бойся, чтоб

море не отхлынуло перед тобою, чтоб не иссякли источники на твоём пути, чтоб не рухнули на твою дорогу камни и скалы, чтоб земля не разверзлась под ногами твоими.

Орест . Пусть разверзнется земля! Пусть выносят мне приговор утесы и цветы вянут на моём пути: всей вселенной мало, чтобы осудить меня. Ты – царь богов, Юпитер, ты царь камней и звезд, царь морских волн. Но ты, Юпитер, не царь над людьми.

Стены храма сдвигаются, вновь появляется Юпитер, сгорбленный, усталый. Говорит нормальным голосом.

Юпитер . Я не царь тебе, жалкий червь. Кто же тогда создал тебя?

Орест . Ты. Но не надо было создавать меня свободным.

Юпитер . Я дал тебе свободу, чтоб ты служил мне.

Орест . Возможно. Но она обернулась против тебя, и мы оба тут бессильны.

Юпитер . Ага, наконец-то извиняющие обстоятельства.

Орест . Я ищу не извинений.

Юпитер . Разве? Эта свобода, рабом которой ты себя объявляешь, очень напоминает, знаешь ли, извинения.

Орест . Я не хозяин и не раб, Юпитер. Я сам – свобода! Едва ты создал меня, я перестал тебе принадлежать.

Электра . Отцом нашим заклинаю тебя, Орест: свершив преступление, не богохульствуй.

Юпитер . Слушай ее. И не надейся ее вернуть своими словами, эта речь нова для ушей Электры, нова и оскорбительна.

Орест . Так же как и для моих собственных, Юпитер. И для моей глотки, из которой выходят слова, и для моего языка, придающего им на ходу форму. Я с трудом понимаю себя. Еще вчера ты пленой обволакивал мой взор, воском заклепывал мне уши. Вчера еще у меня были извиняющие обстоятельства: мое существование извинял ты – ты породил меня, чтоб я служил твоим намерениям, и весь мир, как старая сводня, твердил мне о тебе, твердил не переставая. А потом ты меня покинул.

Юпитер . Я тебя покинул, я?

Орест . Вчера я стоял рядом с Электрой. И вся твоя природа ластилась к нам, она сиреной пела тебе Добро и осыпала меня советами. Чтоб я смягчился – жгучий свет стал мягким, подобно затуманившемуся взору; чтоб я забыл обиды – небо разнежилось, как всепрощение. Моя юность, покорная твоей воле, стояла предо мной, точно невеста, умоляющая жениха, который хочет ее покинуть, – в последний раз я видел мою юность. И вдруг, внезапно, свобода ударила в меня, она меня пронзила, – природа отпрянула: я был без возраста, один, одиноким в твоём ничем не значащем мирке – как человек, потерявший свою тень. Небо – пусто, там нет ни Добра, ни Зла, там нет никого, кто мог бы повелевать мной.

Юпитер . И что же? Прикажешь восхищаться овцой, которую парша отделяет от стада, или прокаженным, запертым в лазарет? Вспомни, Орест: ты был частью моего стада, ты пасся на траве моих лугов, среди моих овец. Твоя свобода – парша, снедающая тебя, она – изгнание.

Орест . Ты прав: это – изгнание.

Юпитер . Зло еще не укоренилось: оно возникло лишь вчера. Вернись к нам. Вернись. Посмотри, как ты одинок, даже родная сестра тебя покинула. Ты бледен, в твоих глазах тоскливый страх. Ты надеешься выжить? Тебя грызет нечеловеческое зло, чуждое моему естеству, чуждое тебе самому. Вернись: я – забвенье, я – покой.

Орест . Чуждое мне самому, знаю. Вне природы, против природы, без оправданий, без какой бы то ни было опоры, кроме самого себя. Но я не вернусь в лоно твоего закона: я обречен не иметь другого закона, кроме моего собственного. Я не вернусь в твой естественный мир:

тысячи путей проложены там, и все ведут к тебе, а я могу идти только собственным путем. Потому что я человек, Юпитер, а каждый человек должен сам отыскать свой путь. Человек ужасает природу, и тебе, Юпитеру, царю богов, он тоже внушает ужас.

Юпитер . Ты не лжешь: когда люди похожи на тебя, я их ненавижу.

Орест . Берегись, ты признал свою слабость. У меня к тебе нет ненависти. Что у нас общего? Мы разойдемся, не коснувшись друг друга, как в море корабли. Ты – бог, а я – свободен: мы равно одиноки, мы мучимы одним и тем же тоскливым страхом. Почему ты думаешь, что этой нескончаемой ночью я не искал раскаяния? Раскаяние. Сон. Но отныне я не могу каяться и спать не могу.

Молчание.

Юпитер . Что ты собираешься делать?

Орест . Аргивяне – мои подданные. Я должен открыть им глаза.

Юпитер . Бедняги! Ты одаришь их одиночеством и позором, ты сорвешь одежды, которыми я прикрыл их наготу, и ты обнажишь внезапно их существование, похабное, пресное существование, лишенное какой бы то ни было цели.

Орест . Если и для них нет надежды, почему я, утративший ее, не должен с ними поделиться отчаянием?

Юпитер . Что им делать с отчаянием?

Орест . Что угодно: они свободны, настоящая человеческая жизнь начинается по ту сторону отчаяния.

Молчание.

Юпитер . Пусть так, Орест. Все было предначертано. В один прекрасный день человек должен был возвестить мои сумерки. Значит, это ты и есть? И кто бы мог это подумать вчера, глядя на твое девичье лицо?

Орест . Я и сам бы не поверил. Слова, которые я произношу, чересчур крупны, они раздирают мой рот; судьба, которую я несу в себе, чересчур тяжела, она переломила мою молодость.

Юпитер . Я не люблю тебя, но жалею.

Орест . И я тебя жалею.

Юпитер . Прощай, Орест. *(Делает несколько шагов.)* А ты, Электра, подумай: мое царство не кончилось, до этого еще очень далеко – я не прекращу борьбы. Гляди, со мной ты или против. Прощай.

Орест . Прощай.

Юпитер уходит.

Явление третье

Те же, без Юпитера.

Электра медленно встает.

Орест . Куда ты?

Электра . Оставь меня. У нас нет ничего общего.

Орест . Неужели, встретив вчера, сегодня я утрачу тебя навеки?

Электра . Дали бы боги мне никогда не встречать тебя!

Орест . Электра! Сестра моя, Электра, дорогая моя! Моя единственная любовь, единственная улада моей жизни, не покидай меня, останься.

Электра . Вор. Я владела столь малым: крупницей покоя, несколькими снами. Ты отнял все, ты обокрал нищую. Ты был моим братом, главой семьи, твой долг был охранять меня – ты окунул меня в кровь, я – красна, как освежеванный бык; ненасытные мухи облепили меня, мое сердце – чудовищный рой!

Орест . Любовь моя, это правда, я забрал все, и мне нечего дать тебе, кроме моего преступления. Но это огромный дар. Или ты думаешь, что оно не лежит камнем у меня на душе? Мы были слишком легковесны, Электра: теперь наши ноги уходят в землю, как колеса колесницы в колею. Иди ко мне. Мы отправимся в путь тяжелым шагом, сгибаясь под нашей драгоценной ношей. Ты дашь мне руку, и мы пойдем...

Электра . Куда?

Орест . Не знаю. Навстречу себе самим. Там, за горами, за долами нас ждут Орест и Электра. Будем их терпеливо искать.

Электра . Не хочу больше слушать тебя. Ты сулишь мне только горе и омерзение. *(Выскакивает вперед.)*

Эринии медленно приближаются к ней.

На помощь! Юпитер, царь богов и людей, мой царь, прими меня в свои объятия, унеси меня, оборони! Я буду покорна твоему закону, я буду твоей рабыней, твоей вещью, я покрою поцелуями твои ступни и колени. Защити меня от мух, от брата, от меня самой, не оставляй меня в одиночестве, я посвящу всю мою жизнь искуплению. Я раскаиваюсь, Юпитер, я раскаиваюсь. *(Убегает.)*

Явление четвертое

Орест, эринии.

Эринии порываются бежать за Электрой. Первая эриния останавливает их.

Первая эриния . Оставьте ее, сестры, она от нас ускользнула. Но нам остается этот, и, думаю, надолго – у него крепкое сердечко. Он будет страдать за двоих.

Эринии, жужжа, приближаются к Оресту.

Орест . Я совсем один.

Первая эриния . Да нет же, пригоженький мой убийца, я тебя не покину: увидишь, какие игры я придумаю, чтоб тебя развлечь.

Орест . Я буду одинок до самой смерти. Потом...

Первая эриния . Мужайтесь, сестры, он слабеет. Посмотрите, как расширились зрачки: скоро его нервы зазвучат, как струны арфы под пленительными переборами ужаса.

Вторая эриния . Скоро голод выгонит его из убежища: еще до вечера мы вкусим его крови.

Орест . Бедная Электра!

Входит Педагог.

Явление пятое

Орест, эринии, Педагог.

Педагог . Ну и дела, государь мой. Где вы? Здесь ни зги не видно. Я вам принес немного еды: жители Аргоса осаждают храм, выйти и думать нечего; ночью мы попытаемся убежать. Пока что ешьте.

Эринии преграждают ему путь.

А! Это кто такие? Опять суеверия. Как я сожалею о прекрасной Аттике, где все действительно было разумно.

Орест . Не пробуй подойти, они разорвут тебя на части.

Педагог . Тише, мои красавицы. Ну, ловите эти куски мяса, фрукты, может, мои жертвоприношения вас умиротворят.

Орест . Ты говоришь, что жители Аргоса собрались перед храмом?

Педагог . О да! И даже не знаю, кто гнусней и мстительней – эти прелестницы или ваши дорогие подданные.

Орест . Хорошо. *(Пауза.)* Открой дверь.

Педагог . Вы что, с ума сошли? Они ведь стоят там, с оружием в руках.

Орест . Делай, что тебе говорят.

Педагог . На этот раз вы сообразовали разрешить мне вам не подчиниться. Они закидают вас камнями, говорю я вам.

Орест . Я твой государь, старик, и я тебе приказываю отворить дверь.

Педагог *(приоткрывает дверь)*. О-ё-ёй, о-ё-ёй!

Орест . Настежь!

Педагог приоткрывает дверь и прячется за одной из створок.

Толпа яростно распахивает дверь настезь и в испуге останавливается на пороге. Яркий свет.

Явление шестое

Те же, толпа.

Крики в толпе . Смерть ему! Смерть! Закидайте его камнями! Разорвите на части! Смерть ему!

Орест *(не слыша их)*. Солнце!

Толпа . Ты святотатец! Убийца! Мясник! Ты будешь четвертован! Мы зальем твои раны расплавленным свинцом!

Женщина . Я вырву тебе глаза!

Мужчина . Я съем твою печень!

Орест *(выпрямляется)*. Это вы, мои верноподданные? Я – Орест, сын Агамемнона, ваш царь – сегодня день моей коронации.

Толпа, обескураженная, глухо шумит.

Вы замолчали?

Толпа молчит.

Я знаю: вы меня боитесь. Пятнадцать лет тому назад, день в день, другой убийца предстал пред вами, у него были красные перчатки до локтя – кровавые перчатки, но вы не боялись его, вы прочли по его глазам, что он – свой человек, что он не способен отважно нести бремя своих поступков. А преступление, которого не выдерживает тот, кто его содеял, – преступление без преступника, не так ли? Почти несчастный случай. Вы возвели преступника на царский престол, и древнее преступление стало бродить в стенах города, тихонько скуля, как собака, потерявшая хозяина. Вы смотрите на меня, жители Аргоса, вы поняли, что мое преступление принадлежит мне; я требую этого перед лицом солнца; в нем – смысл моей жизни, моя гордость, вы не можете ни наказать, ни пожалеть меня – поэтому я внушаю вам страх. И, однако, люди, я люблю вас, я убил ради вас. Ради вас. Я пришел, чтобы потребовать свое царство, и вы отвергли меня, я был вам чужим. Теперь я ваш, о мои подданные. Мы связаны кровью, я обрел право стать вашим царем.

Ваша вина, ваши угрызения, ваши ночные страхи, преступления Эгисфа – я все взял на себя, все принадлежит мне. Не страшиться больше ваших мертвецов, это – МОИ мертвецы. Смотрите, ваши верные мухи покинули вас ради меня. Но не бойтесь, жители Аргоса, что я взойду, окровавленный, на престол моей жертвы: бог предложил мне трон, я сказал – нет. Я хочу быть царем без земель и без подданных. Прощайте, мои люди, попытайтесь жить: все здесь нужно начинать сначала, заново. И для меня тоже жизнь только начинается. Странная жизнь. Послушайте, вот еще что: однажды летом Скирос был наводнен крысами. То была какая-то жуткая проказа, они грызли все, жители города думали, что погибнут. Но однажды пришел флейтист. Он встал в центре города – вот так (*встает*) – и принялся играть на флейте, и все крысы столпились возле него. Потом большими шагами – вот так (*спускается с пьедестала*) – он пошел, крича жителям Скироса: «Посторонитесь!»

Толпа сторонится.

И все крысы подняли головы в смятении – как эти мухи. Смотрите на мух! А потом вдруг бросились за ним. И флейтист вместе с крысами исчез навсегда. Вот так. (*Уходит.*)

Эринии, вопя, бросаются за ним.

Занавес.

За закрытыми дверями **Пьеса в одном акте**

Посвящается «Той Даме»

Действующие лица

ИНЭС.
ЭСТЕЛЬ.
ГАРСЭН.
МАЛЬЧИК-КОРИДОРНЫЙ.

Сцена первая

Гарсэн, Коридорный.

Гостиная в стиле II Империи. Бронзовая статуэтка на камине.

Гарсэн (*входит и оглядывается*). Ну вот.

Коридорный. Вот.

Гарсэн. Вот так-то...

Коридорный. Так-то.

Гарсэн. Я... я думаю, что со временем к этой обстановке можно привыкнуть.

Коридорный. Это зависит от человека.

Гарсэн. А что, все комнаты такие?

Коридорный. Ну что вы! У нас ведь и китайцы бывают, и индусы. Зачем им, по-вашему, кресло в стиле II Империи?

Гарсэн. А зачем оно мне? Знаете, кем я был? Да что уж там, это не имеет никакого значения. В общем-то я всегда был окружен мебелью, которая мне не нравилась, и попадал в ложные положения; я это обожал. Ложное положение в гостиной стиля Луи-Филиппа, как вам это понравится?

Коридорный. Вот увидите: в гостиной стиля II Империи тоже неплохо.

Гарсэн. А, ну-ну. (*Озирается.*) Все же я бы никогда не подумал... Вы, конечно, знаете, что там рассказывают?

Коридорный. О чем?

Гарсэн. Ну... (*делает неопределенный жест*) обо всем этом.

Коридорный. Как вы могли поверить этим глупостям? Это все люди, которые никогда не носили сюда не показывали. Ведь если бы они сюда попали...

Гарсэн. Да.

Оба смеются.

Гарсэн (*внезапно посерьезнел*). А где же кол?

Коридорный. Что?

Гарсэн. Кол, жаровни, медные воронки?

Коридорный. Вы шутите?

Гарсэн (*смотрит на него*). А? Ну ладно... Нет, я не шучу. (*Обходит комнату.*) Ну конечно, ни зеркал, ни оконных стекол. Ничего быющего. (*С внезапным гневом.*) Почему у меня отняли зубную щетку?

Коридорный. Наконец-то. Наконец к вам вернулось чувство собственного достоинства. Здорово!

Гарсэн (*яростно стуча по подлокотнику кресла*). Прошу избавить меня от ваших фамильярностей. Я прекрасно понимаю свое положение, но я не намерен терпеть, чтобы вы...

Коридорный. Ах, простите. Что же делать – все об этом спрашивают. Как приходят, так сразу: «Где жаровни?» И в эту минуту, уверяю вас, они и не думают о том, чтобы привести себя в порядок. А потом, как только успокоятся, сразу же вспоминают о зубной щетке. Ну ради бога, подумайте хорошенько, зачем вам здесь чистить зубы, скажите на милость?

Гарсэн (*успокоившись*). А и вправду, зачем? (*Осматривается.*) И зачем мне смотреть на себя в зеркало? Зато бронзовая статуэтка в нужную минуту... Думается, мне еще придется смотреть во все глаза. Во все глаза, верно? Да ладно уж, нечего скрывать: повторяю, что я не забываю о своем положении. Хотите, расскажу вам, как это происходит? Человек задыхается,

погружается в воду, тонет, только взгляд его еще проникает через толщу воды, и что же он видит? Бронзовую фигурку. Вот кошмар! Да ведь вам, конечно, запретили мне отвечать, я не буду настаивать. Но имейте в виду, что меня не застали врасплох, не льстите себя надеждой, что вы меня удивили: я трезво оцениваю свое положение. (*Снова ходит по комнате.*)

Итак, зубной щетки не будет. И кровати тоже. Ведь здесь, конечно, не спят?

Коридорный. Черт!

Гарсэн. Готов поклясться, что я прав. Зачем же спать? Сон подкрадывается незаметно. Глаза постепенно слипаются, но зачем спать? Ложишься на диван и... р-раз! – сон отступает. Приходится протереть глаза, подняться и начать все сначала.

Коридорный. Ну и романтик же вы!

Гарсэн. Замолчите. Я не буду ни плакать, ни стонать, но я хочу смотреть правде в глаза. Я не хочу, чтобы она на меня навалилась сзади, а я не смог бы даже ее разглядеть. Романтик? Ну, если уж и сон ни к чему... Зачем спать, когда сон не приходит? Отлично. Погодите: почему так тяжело? Почему всегда тяжело? Знаю: потому что это жизнь без просветов.

Коридорный. Каких просветов?

Гарсэн (*передразнивая его*). «Каких просветов?» (*Подозрительно.*) Посмотрите на меня. Так я и думал! Вот в чем причина невыносимой и грубой назойливости вашего взгляда. Вот те на – да они атрофированы!

Коридорный. Да о чем вы?

Гарсэн. О ваших веках. Мы, мы моргаем. Мигнули, и все: маленькая черная вспышка, занавес падает и подымается вновь: вот и просвет! Глаза увлажняются, мир исчезает. Вы не можете себе представить, как это успокаивало. Четыре тысячи просветов в час. Четыре тысячи маленьких побегов. А когда я говорю «четыре тысячи»... Ну так как же? Я буду жить без век? Не притворяйтесь дураком. Без век, без сна – это одно и то же. Я больше не буду спать. Но как же я смогу выносить самого себя? Постарайтесь понять, сделайте усилие: у меня задиристый характер, и я привык... привык сам себя поддразнивать. Но не могу же я непрерывно сам себя задира. Там были ночи. И я спал. Спал спокойным сном. Чтобы наверстать. И видел простые сны. Например, прерию... Прерию, и все. Мне снилось, что я по ней гуляю. Сейчас день?

Коридорный. Вы сами видите, что светло.

Гарсэн. Черт побери. Это у вас день. А снаружи?

Коридорный (*оторопело*). Снаружи?

Гарсэн. Да, снаружи. По другую сторону этих стен.

Коридорный. Там коридор.

Гарсэн. А в конце коридора?

Коридорный. Другие комнаты, и коридоры, и лестницы.

Гарсэн. А дальше?

Коридорный. Это все.

Гарсэн. У вас, конечно, бывают выходные. Куда вы ходите?

Коридорный. К моему дяде, старшему коридорному, на третий этаж.

Гарсэн. Как же я не догадался... Где выключатель?

Коридорный. Его здесь нет.

Гарсэн. Значит, свет погасить нельзя?

Коридорный. Дирекция может вырубить электричество. Но я что-то не помню, чтобы на этом этаже такое случалось. Электричества у нас сколько угодно.

Гарсэн. Прекрасно. Значит, придется жить с открытыми глазами...

Коридорный (*иронически*). Жить...

Гарсэн. Не придирайтесь к слову. С открытыми глазами. Всегда. Всегда в моих глазах будет день. И в моей голове тоже. (*Пауза.*) А если я швырну статуэтку в люстру, она погаснет?

Коридорный. Статуэтка слишком тяжелая.

Гарсэн (*пытается приподнять статуэтку*). Вы правы. Она слишком тяжелая.

Пауза.

Коридорный . Я пойду, если я вам больше не нужен. Гарсэн (*вздрагнул*). Вы уходите? До свиданья.

Коридорный идет к двери.

Минутку.

Коридорный оборачивается.

Это звонок?

Коридорный кивает.

Я могу вам позвонить, если захочу, и вы будете обязаны прийти?
Коридорный . Вообще-то да. Но он барахлит. Там что-то сломалось.

Гарсэн нажимает на кнопку, раздается звонок.

Гарсэн . Он работает?!

Коридорный . Работает! (*Звонит.*) Лучше не надейтесь, это ненадолго. Всегда к вашим услугам.

Гарсэн (*делает жест, чтобы задержать его*). Я...

Коридорный . А?

Гарсэн . Нет, ничего. (*Идет к камину и берет нож для разрезания бумаги.*) Это что такое?

Коридорный . Вы же видите – нож для разрезания бумаги.

Гарсэн . Здесь есть книги?

Коридорный . Нет.

Гарсэн . Тогда для чего он нужен?

Коридорный пожимает плечами.

Ладно. Уходите.

Коридорный уходит.

Сцена вторая

Гарсэн один. Подходит к статуэтке и гладит ее. Садится, встает. Нажимает на кнопку. Звонка нет. Делает еще две-три попытки. Все напрасно. Идет к двери и пытается ее открыть. Она не поддается. Зовет.

Гарсэн . Коридорный! Коридорный!

Ответа нет. Стучит в дверь, зовет Коридорного. Внезапно успокаивается и садится на прежнее место. В этот момент дверь открывается и входит Инэс в сопровождении Коридорного.

Сцена третья

Гарсэн, Инэс, Коридорный.

Коридорный (*Гарсэну*). Вы меня звали?

Гарсэн собирается ответить, но его взгляд падает на Инэс.

Гарсэн. Нет.

Коридорный (*повернувшись к Инэс*). Вот вы и у себя, мадам.

Инэс молчит.

Если у вас есть вопросы...

Инэс продолжает молчать.

Коридорный (*разочарованно*). Обычно клиенты любят наводить справки... Но я не настаиваю. К тому же насчет зубной щетки, звонка и бронзовой статуэтки господин объяснит вам не хуже меня.

Коридорный уходит. Молчание. Гарсэн не смотрит на Инэс. Инэс осматривается, потом порывисто направляется к Гарсэну.

Инэс. Где Флоранс?

Гарсэн не отвечает.

Я вас спрашиваю: где Флоранс?

Гарсэн. Я ничего не знаю.

Инэс. Это все, что вам пришло в голову? Пытка отсутствием? Ну, так у вас ничего не вышло. Флоранс – дурочка, и я несколько о ней не жалею.

Гарсэн. Простите, за кого вы меня принимаете?

Инэс. Вас? Вы палач.

Гарсэн (*вздрагивает, потом искусственно смеется*). Вот нелепость! Вы правда приняли меня за палача? Вы вошли, посмотрели на меня и решили: это палач. Какая чепуха! Коридорный – растяпа, он должен был представить нас друг другу. Палач! Я Жозеф Гарсэн, публицист и писатель. Дело просто в том, что нас поселили вместе. Мадам...

Инэс (*сухо*). Инэс Серано. Мадемуазель.

Гарсэн. Отлично. Прекрасно. В общем, лед тронулся. Вам показалось, что я смахиваю на палача? А по какому признаку, скажите на милость, распознают палачей?

Инэс. У них испуганный вид.

Гарсэн. Испуганный? Это забавно. А кого же они боятся? Неужели своих жертв?

Пауза.

Инэс. Как? Я знаю, что говорю. Я посмотрела на себя в зеркало.

Гарсэн . В зеркало? (*Осматривается.*) Это невыносимо: здесь нет ничего похожего на зеркало. (*Пауза.*) Во всяком случае, будьте уверены, я не боюсь. Я прекрасно осознаю тяжесть своего положения и отношусь к нему со всей серьезностью. Но я не боюсь.

Инэс (*пожимая плечами*). Это ваше дело. (*Пауза.*) Вам случается выходить отсюда и прогуливаться?

Гарсэн . Дверь заперта.

Пауза.

Инэс . Тем хуже.

Гарсэн . Отлично понимаю, что мое присутствие вас стесняет. Я, в свою очередь, тоже предпочел бы остаться один: мне нужно собраться и как-нибудь организовать свою жизнь. Но я уверен, что мы сможем приспособиться друг к другу: я молчалив, спокоен и шуму от меня немного. Только позвольте мне предложить вам следующее: нам нужно сохранять крайнюю вежливость по отношению друг к другу. Это будет лучшим способом защиты.

Инэс . Я невежлива.

Пауза.

Гарсэн . Тогда я буду вежлив за двоих.

Молчание. Гарсэн сидит на диване. Инэс ходит по комнате.

Инэс (*смотря на него*). Ваши губы.

Гарсэн . Что-что?

Инэс . Вы не можете перестать шевелить губами? Они дергаются, как заводной волчок.

Гарсэн . Прошу прощения, я не обратил внимания...

Инэс . В том-то и дело.

Тик у Гарсэна продолжается.

Опять! Вы собрались быть вежливым и не обращаете никакого внимания на свое лицо. Вы здесь не один и не имеете никакого права навязывать мне проявления вашего страха.

Гарсэн поднимается и идет к ней.

Гарсэн . Вы не боитесь?

Инэс . А чего мне бояться? Страх годился в прошлом, когда у нас была надежда.

Гарсэн (*мягко*). Надежды больше нет, но мы еще в прошлом. Мы пока не начали страдать, мадемуазель.

Инэс . Знаю. (*Пауза.*) Ну, а дальше? Кто еще придет?

Гарсэн . Не знаю. Я жду.

Молчание. Гарсэн вновь садится. Инэс продолжает ходить. Губы Гарсэна все еще дергаются, но, взглянув на Инэс, он закрывает лицо руками. Входят Эстель и Коридорный.

Сцена четвертая

Инэс, Гарсэн, Эстель и Коридорный. Эстель смотрит на Гарсэна, который не поднимает головы.

Эстель (*Гарсэну*). Нет! Нет-нет, не поднимай головы. Я знаю, что ты закрываешь руками, я знаю, что у тебя больше нет лица.

Гарсэн убирает руки.

Ах! (*Пауза. С удивлением.*) Я вас не знаю.

Гарсэн. Я не палач, мадам.

Эстель. Я и не думала, что вы палач. Я... я думала, что кто-то хочет подшутить надо мной. (*Коридорному.*) Чего вы ждете?

Коридорный. Больше никто не придет.

Эстель (*с облегчением*). Значит, мы останемся вдвоем: месье, мадам и я? (*Смеется.*)

Гарсэн (*сухо*). Не вижу, что тут смешного.

Эстель (*продолжая смеяться*). Эти диваны такие уродливые. Поглядите, как они расставлены, – мне кажется, будто сейчас Новый год и я пришла навестить тетюшку Мари. Вероятно, каждый предназначен для одного из нас? Вот этот мой? (*Коридорному.*) Но он мне не подходит, это ужасно: я в бледно-голубом, а диван ядовито-зеленый.

Инэс. Хотите, поменяемся?

Эстель. Бордо? Вы очень любезны, но тот ничуть не лучше. Ладно уж, мне достался зеленый, пусть так и будет. (*Пауза.*) Единственный, который бы мне подошел, принадлежит этому господину.

Молчание.

Инэс. Слышите, Гарсэн?

Гарсэн (*вздрагивая*). Диван? О, извините. (*Встает.*) Прошу вас, мадам.

Эстель. Благодарю. (*Снимает пальто и садится на диван. Пауза.*) Давайте познакомимся, раз уж нам придется жить вместе. Меня зовут Эстель Риго.

Гарсэн кланяется и собирается назвать свое имя, но Инэс его опережает.

Инэс. Инэс Серано. Я очень рада.

Гарсэн снова кланяется.

Гарсэн. Жозеф Гарсэн.

Коридорный. Я вам еще нужен?

Эстель. Нет, вы свободны. Я вас позову.

Коридорный кланяется и уходит.

Сцена пятая

Инэс, Гарсэн, Эстель.

Инэс. Какая вы красивая. Жаль, у меня нет цветов, чтобы подарить их вам в знак приветствия.

Эстель. Цветы? Да, я очень любила цветы. Но здесь бы они завяли – слишком жарко. Ведь главное – это сохранять хорошее настроение, правда? Вы когда?..

Инэс. Я? На прошлой неделе. А вы?

Эстель. Я? Вчера. Церемония еще не закончилась. *(Говорит естественным тоном, так, будто что-то описывает.)* Ветер треплет вуаль моей сестры. Она изо всех сил старается заплакать. Ну же, ну постарайся еще. Наконец-то! Две слезинки блестят из-под вуали. Ольга Жардэ не в лучшем виде сегодня. Она поддерживает сестру под руку. Она не плачет, чтобы глаза не потекли, а я бы на ее месте... Это была моя лучшая подруга.

Инэс. Вы очень мучились?

Эстель. Нет. Скорее, очень устала.

Инэс. От чего?..

Эстель. От пневмонии. Ну, вот и все, они уходят. До свиданья, до свиданья. Сколько рукопожатий! Мой муж болен от огорчения, он остался дома. *(К Инэс.)* А вы от чего?..

Инэс. От газа.

Эстель. А вы, сударь?

Гарсэн. От двенадцати пуль. *(Жест к Эстель.)* Извините, я не подхожу для компании порядочных покойников.

Эстель. О, сударь, не могли бы вы избегать этого ужасного слова! Оно... оно действует на нервы. И вообще, что оно означает? Может, мы никогда не чувствовали себя такими живыми. Если уж так необходимо называть как-нибудь это... это состояние, я предлагаю звать нас «отсутствующими». Это звучит мягче. Сколько времени вы отсутствуете?

Гарсэн. Примерно месяц.

Эстель. Вы откуда?

Гарсэн. Из Рио.

Эстель. Я из Парижа. У вас кто-нибудь остался там?

Гарсэн. Жена. *(Говорит тем же тоном, что и Эстель.)* Она пришла в казарму, как обычно; ее не пустили. Она смотрит сквозь прутья решетки. Она еще не знает, что я отсутствую, но уже догадывается. Теперь уходит. Она одета во все черное. Тем лучше, ей не придется переодеваться. Она не плачет: никогда она не плакала. Ласково светит солнце, а она одна, вся в черном, на пустой улице, и у нее глаза жертвы. Ах, как она меня раздражает!

Молчание. Гарсэн садится на средний диван и закрывает лицо руками.

Инэс. Эстель!

Эстель. Господин Гарсэн!

Гарсэн. Что вам угодно?

Эстель. Вы сели на мой диван.

Гарсэн. Простите. *(Встает.)*

Эстель. У вас такой отсутствующий вид.

Гарсэн. Я привожу в порядок мою жизнь.

Инэс смеется.

Тот, кто смеется, мог бы последовать моему примеру.

Инэс. Моя жизнь в порядке. В полном порядке. Она сама пришла в порядок еще там, и мне не нужно ею заниматься.

Гарсэн. Правда? Вы думаете, это так просто? (*Проводит рукой по лбу.*) Как жарко! Вы позволите? (*Начинает снимать пиджак.*)

Эстель. Ах, нет! (*Мягче.*) Нет. Ненавижу мужчин без пиджака.

Гарсэн (*вновь надевает пиджак*). Ладно. (*Пауза.*) Я часто оставался на ночь в редакции. Там всегда была адская жара. (*Пауза. Опять вспоминает.*) И здесь адская жара. Сейчас ночь?

Эстель. Да, уже ночь. Ольга раздевается. Как быстро идет время на земле.

Инэс. Сейчас ночь. Они запечатали дверь моей комнаты. И комната пустая в темноте.

Гарсэн. Они повесили пиджаки на спинки стульев и засучили рукава рубашек выше локтя. Пахнет людьми и сигарами. (*Молчание.*) Мне нравилось быть среди мужчин без пиджаков.

Эстель (*сухо*). Значит, у нас разные вкусы. (*К Инэс.*) А вам нравятся мужчины без пиджаков?

Инэс. В пиджаках или без, я вообще не выношу мужчин.

Эстель (*смотрит на обоих с удивлением*). Но почему же, почему нас поселили вместе?

Инэс (*с подавленной яростью*). Вы о чем?

Эстель. Я смотрю на вас обоих и думаю о том, что мы будем жить вместе. Я-то думала, что увижу здесь друзей и родственников.

Инэс. Милого дружка с дырой в голове.

Эстель. И его тоже. Он танцевал танго как профессионал. Но нас-то зачем собрали вместе?

Гарсэн. Это случайность. Они поселяют людей куда придется, по мере поступления. (*К Инэс.*) Почему вы смеетесь?

Инэс. Мне смешно слушать ваши рассуждения о случайности. Неужели вам так нужно во всем удостовериться? Они не допускают никаких случайностей.

Эстель (*робко*). Может, мы раньше встречались?

Инэс. Нет, никогда. Я бы вас запомнила.

Эстель. Или, может быть, у нас есть общие знакомые? Вы знаете Дюбуа-Сеймуров?

Инэс. Не думаю.

Эстель. У них все бывают.

Инэс. Чем они занимаются?

Эстель (*удивленно*). Ничем. У них замок в Коррезе и...

Инэс. Я работала на почте.

Эстель (*отступает немного*). Правда? (*Пауза.*) А вы, господин Гарсэн?

Гарсэн. Я никогда не выезжал из Рио.

Эстель. Тогда вы правы – нас соединил случай.

Инэс. Случай? Тогда и эта мебель оказалась здесь случайно. И случайно диван справа ядовито-зеленый, а диван слева бордо. Случайность, да? Тогда поменяйте их местами и посмотрим, изменится ли что-нибудь.

А бронзовая статуэтка – это тоже случайность? А жара? Эта жара?! (*Молчание.*) Уверю вас, все подстроено. Все до малейших деталей, очень тщательно. Эта комната нас ждала.

Эстель. Как же такое может быть? Все здесь уродливое, жесткое, угловатое. Я ненавижу углы.

Инэс (*пожимая плечами*). Не думаете ли вы, что я жила в гостинной стиля II Империи?

Пауза.

Эстель . Так все предусмотрено?

Инэс . Все. И мы специально подобраны.

Эстель . И это не случайность, что я оказалась вместе с вами? *(Пауза.)* Чего они ждут?

Инэс . Не знаю чего, но чего-то ждут.

Эстель . Не терплю, когда от меня чего-то ждут. У меня сразу же появляется желание сделать все наоборот.

Инэс . Ну и сделайте! Что же вы? Вы даже не знаете, чего они хотят.

Эстель *(топая ногами)*. Это невыносимо! И этого «чего-то» я должна ждать от вас? *(Смотрит на них.)* От каждого из вас. Бывало, я сразу читала по лицам. А ваши лица ничего мне не говорят.

Гарсэн *(порывисто, обращаясь к Инэс)*. Так почему же мы вместе? Вы сказали слишком много, договаривайте.

Инэс *(удивленно)*. Но я абсолютно ничего не знаю.

Гарсэн . Нужно знать. *(Недолго размышляет.)*

Инэс . Если бы у нас хватило храбрости рассказать...

Гарсэн . Что?

Инэс . Эстель!

Эстель . Ну что?

Инэс . Что вы сделали? Почему вас отправили сюда?

Эстель *(живо)*. Но я не знаю, я не знаю ничего. Не исключено, что это ошибка. *(К Инэс.)* Не смейтесь. Подумайте, сколько народу каждый день... становятся отсутствующими. Они прибывают сюда тысячами и имеют дело только с подчиненными, с чиновниками безо всякого образования. Как же избежать ошибок! Не смейтесь. *(Гарсэну.)* Скажите что-нибудь. Если они ошиблись в моем случае, могли же ошибиться и в вашем. *(К Инэс.)* И в вашем тоже. Разве не лучше думать, что мы все попали сюда по ошибке?

Инэс . Это все, что вы хотели сказать?

Эстель . А что вам еще нужно? Мне нечего скрывать. Я была бедной сиротой, воспитывала младшего брата. Старый друг моего отца сделал мне предложение. Он был богатый и добрый, я согласилась. Что бы вы сделали на моем месте? Мой брат был болен, и за ним был нужен постоянный уход. Я прожила с мужем шесть лет, ни разу не поссорившись. Два года тому назад я встретила того, кого должна была полюбить. Мы узнали друг друга с первого взгляда. Он хотел, чтобы я уехала вместе с ним, но я отказалась. После этого я заболела пневмонией. Вот и все. Наверное, можно во имя каких-то принципов упрекнуть меня в том, что я пожертвовала своей молодостью ради старика. *(Гарсэну.)* Вы считаете это ошибкой?

Гарсэн . Нет, конечно. *(Пауза.)* А вам кажется, что жить согласно своим принципам – это ошибка?

Эстель . Кто может нас упрекнуть в этом?

Гарсэн . Я издавал пацифистский журнал. Началась война. Что делать? Все ждали от меня действий. «Осмелится ли он?» Я осмелился. Скрестил руки на груди, и меня расстреляли. В чем ошибка? В чем же ошибка?

Эстель *(кладет руку ему на плечо)*. Там не было ошибки. Вы...

Инэс *(продолжает с иронией)*. ...герой. А ваша жена, Гарсэн?

Гарсэн . Что жена? Я вытащил ее из ручья.

Эстель *(к Инэс)*. Вот видите!

Инэс . Вижу. *(Пауза.)* Для кого вы ломаете комедию? Здесь все свои.

Эстель *(надменно)*. Свои?

Инэс . Да, мы все убийцы. Мы в аду, детка, ошибок здесь не бывает, и людей не осуждают на муки ни за что ни про что.

Эстель . Замолчите.

Инэс . В аду! Прокляты, прокляты!

Эстель . Замолчите. Можете вы замолчать?! Я вам запрещаю ругаться.

Инэс . Проклята, маленькая святоша. Проклят, безупречный герой. У нас были счастливые мгновения, не правда ли? Люди страдали из-за нас до самой нашей смерти, и нам это нравилось. А сейчас надо расплачиваться.

Гарсэн (*замахнувшись*). Да замолчите же!

Инэс (*смотрит на него без страха, но с глубоким удивлением*). Ха! (*Пауза.*) Погодите! Я поняла, я знаю теперь, почему нас собрали вместе.

Гарсэн . Подумайте, прежде чем говорить.

Инэс . Смотрите, как просто. Просто, как дважды два. Физической пытки нет, а все-таки мы в аду. И никто больше не придет. Никто. Мы навсегда останемся здесь, все вместе, одни. Так? Здесь не хватает только палача.

Гарсэн (*вполголоса*). Да, это так.

Инэс . Они просто экономят на обслуживающем персонале. Вот и все. Как в столовых самообслуживания – клиенты все делают сами.

Эстель . Что вы имеете в виду?

Инэс . Каждый из нас будет палачом для двоих других. (*Пауза, раздумье.*)

Гарсэн (*мягко*). Я не хочу быть вашим палачом. Я не желаю вам ничего дурного, и мне до вас совсем нет дела. Все очень просто. Давайте договоримся: каждый будет в своем углу. Вы здесь, вы там, а я тут. И давайте молчать: ни слова, ладно? Это не так уж сложно. У каждого из нас есть свои мысли. Что до меня, я могу десять тысяч лет не разговаривать.

Эстель . Я должна молчать?

Гарсэн . Да. И тогда мы спасены. Молчать, самоуглубляться, никогда не поднимать головы. Договорились?

Инэс . Договорились.

Эстель (*неуверенно*). Договорились.

Гарсэн . Тогда прощайте.

Гарсэн идет к своему дивану и закрывает лицо руками. Молчание. Инэс тихонько поет.

Инэс .

В переулке Блан-Марто
Кто-то спрятал звук в ведро,
Крепко сбил помост – и что?
Эшафот готов давно
В переулке Блан-Марто.
В переулке Блан-Марто
Утром встал палач легко.
Дел по горло у него —
Не жалеет никого.
Бьет того, казнит сего
В переулке Блан-Марто.
В переулке Блан-Марто
Вышли дамы «комильфо»
В безделушках и манто,
И не мог понять никто,
Что же вдруг произошло:

Голова пошла на дно
В ручейке у Блан-Марто.

Пока Инэс поет, Эстель пудрится и красит губы. Беспокойно осматривается, ища зеркало. Роемся в сумочке, потом поворачивается к Гарсэну.

Эстель . Сударь, у вас нет зеркальца?

Гарсэн не отвечает.

Хотя бы карманного зеркальца?

Гарсэн не отвечает.

Если вы оставляете меня в одиночестве, то хотя бы найдите мне зеркальце.

Гарсэн все не отвечает.

ИНЭС (*с готовностью*). У меня в сумке есть зеркальце. (*Роемся в сумке. С досадой.*) Нет больше зеркальца. Отобрали в канцелярии.

Эстель . Как мне все это надоело!

Пауза. Она закрывает глаза и шатается. Инэс подбегает и поддерживает ее.

Инэс . Что с вами?

Эстель (*открывает глаза и улыбается*). У меня странное чувство. (*Ощупывает себя.*) С вами такого не бывает? Прикасаешься к себе, но напрасно: кажется, будто тебя нет.

Инэс . Вам повезло. Я всегда ощущаю свое нутро.

Эстель . Ах да, свое нутро... Но это расплывчато и непонятно. (*Пауза.*) В моей спальне шесть зеркал. Я их вижу, вижу их. Но я в них не отражаюсь. В них отражается кушетка, ковер, окно... Какое оно пустое, зеркало, в котором тебя нет. Когда я разговаривала с кем-нибудь, я садилась так, чтобы смотреться в одно из них. Я разговаривала и видела, как я разговариваю. Я видела себя глазами других, и это меня развлекало. (*Безнадёжно.*) Моя губная помада! Я, наверное, нарисовалась криво. Не могу же я вечно обходиться без зеркала!

Инэс . Хотите, я буду вашим зеркалом? Я вас приглашаю к себе. Садитесь на мой диван.

Эстель (*указывая на Гарсэна*). Но...

Инэс . Давайте не будем обращать на него внимания.

Эстель . Нам же будет хуже – вы сами это сказали.

Инэс . Неужели вы думаете, что я желаю вам зла?

Эстель . Кто знает...

Инэс . Это ты принесешь мне зло. Ну и пусть. Если все равно надо страдать, то пусть ты будешь причиной. Садись. Ближе. Еще ближе. Посмотри мне в глаза: ты видишь себя?

Эстель . Я совсем маленькая. Еле себя вижу.

Инэс . Тебя вижу я. Всю целиком. Задавай мне вопросы. Я буду вернее любого зеркала.

Эстель, смущенная, поворачивается к Гарсэну, как бы прося помощи.

Эстель . Сударь! Мы вам не мешаем своей болтовней?

Гарсэн не отвечает.

Инэс . Оставь его в покое. Представь, что его больше нет, что мы одни. Спрашивай.

Эстель . Я правильно накрасила губы?

Инэс . Погоди... Не совсем правильно.

Эстель . Так я и знала. Слава богу, никто... (*бросает взгляд на Гарсэна*) никто меня не видел. Я еще раз накрашусь.

Инэс . Теперь лучше. Нет. Обведи контур губ. Смотри на меня. Так, так. Правильно.

Эстель . Так же хорошо, как было, когда я вошла?

Инэс . Лучше: ярче и грубее. Адские губы получились.

Эстель . Гм! Мне это идет? Как жаль, что я не могу посмотреть. Дайте мне слово, что это красиво.

Инэс . Ты не хочешь, чтобы мы были на «ты»?

Эстель . Дай мне слово, что это красиво.

Инэс . Ты красивая.

Эстель . А у вас есть вкус? У вас такой же вкус, как у меня? Как все это глупо...

Инэс . У меня такой же вкус, как у тебя, потому что ты мне нравишься. Посмотри на меня хорошенько. Улыбнись. Я ведь тоже не уродина. Разве я не лучше зеркала?

Эстель . Мне трудно называть на «ты» женщину.

Инэс . И особенно почтового работника, как мне кажется. Что у тебя на щеке? Какое-то красное пятно?

Эстель . Красное пятно? Какой ужас! Где?

Инэс . Ага! Я зеркало для жаворонков: мой маленький жаворонок, я тебя поймала! Нет никакой красноты. Ни малейшей. А что, если зеркало принялось бы врать? Или если бы я закрыла глаза и отказалась на тебя смотреть: что бы ты делала со своей красотой? Не бойся: нужно, чтобы я на тебя смотрела широко раскрытыми глазами. И я буду очень послушной. Но ты будешь называть меня на «ты».

Пауза.

Эстель . Я тебе нравлюсь?

Инэс . Очень!

Пауза.

Эстель (*кивая в сторону Гарсэна*). Я хочу, чтобы он тоже на меня посмотрел.

Инэс . Ну да, потому что он мужчина. (*Гарсэну.*) Вы победили.

Гарсэн не отвечает.

Посмотрите же на нее.

Гарсэн молчит.

Не валяйте дурака: вы не пропустили ни одного слова из того, что было сказано.

Гарсэн (*внезапно поднимая голову*). Да уж конечно, ни одного слова: я напрасно затыкал уши, ваша болтовня оставалась у меня в голове. Оставьте меня наконец в покое. Мне до вас нет дела.

Инэс . Вам и до красотки дела нет? Я разгадала ваш маневр: важничаете, чтобы привлечь ее внимание.

Гарсэн . Я же вас просил оставить меня в покое. В редакции говорят обо мне, и я хочу послушать. А ваша красотка, имейте в виду, меня нисколько не интересует.

Эстель . Спасибо.

Гарсэн . Я не хотел вас обидеть...

Эстель . Невежа!

Пауза. Они стоят друг против друга.

Гарсэн . Ну вот что! *(Пауза.)* Я же просил вас замолчать.

Эстель . Это она начала. Я у нее ничего не просила, а она привязалась ко мне со своим зеркалом.

Инэс . Да, ты ничего не просила. Только навязывалась ему и кривлялась, чтобы он на тебя посмотрел.

Эстель . Ну и что?

Гарсэн . Вы с ума сошли? Так мы бог знает до чего договоримся. Замолчите наконец. *(Пауза.)* Давайте спокойно рассядемся, закроем глаза и постараемся забыть о присутствии остальных.

Пауза. Он садится. Остальные неуверенно направляются к своим местам. Инэс внезапно оборачивается.

Инэс . Забыть?! Какое ребячество! Я вас чувствую в себе. Ваше молчание как крик раздирает мне уши. Вы можете заткнуть себе рот, можете отрезать язык, разве это помешает вам существовать? Остановите вашу мысль? Я ее слышу, она тикает, как будильник, и я знаю, что мою вы тоже слышите. Напрасно вы замерли на своем диване, вы – всюду; даже звуки доходят до меня нечистыми, потому что и вы их слышите. Даже мое лицо вы у меня украли: вы видите его, а я нет. А она? И ее вы украли у меня: если бы мы были наедине, разве бы она осмелилась так со мной обращаться? Ну нет! Уберите руки от лица, я вас не оставляю в покое, не мечтайте. Вы останетесь здесь, бесчувственный, погруженный в себя, как Будда, а я, несмотря на закрытые глаза, буду чувствовать, что она обращает к вам малейшие звуки, даже шорох платья, и посылает вам улыбки, которых вы не видите... Ну уж нет! Я вольна выбирать себе свой ад: я буду смотреть на вас во все глаза и бороться с открытым забралом.

Гарсэн . Хорошо. Я так и думал, что мы этим кончим. Они провели нас, как детей. Если бы меня поселили с мужчинами... мужчины умеют молчать. Но к чему требовать слишком многого? *(Идет к Эстель и берет ее за подбородок.)* Ну как, крошка, я тебе нравлюсь? Говорят, ты строила мне глазки?

Эстель . Не прикасайтесь ко мне.

Гарсэн . Ба! Поставим все на свои места. Я очень любил женщин, знаешь. И они меня очень любили. Подумай, нам ведь нечего больше терять. К чему эти условности? К чему церемонии? Здесь все свои. Скоро мы будем голыми, как черви.

Эстель . Оставьте меня.

Гарсэн . Как черви! А я вас предупреждал. Я у вас ничего не просил, ничего, кроме мира и молчания. Я заткнул уши. Гомес говорил, стоя посреди редакции, и все мои приятели-журналисты слушали. Они были без пиджаков. Я хотел разобраться, о чем они говорят, это было непросто: земные события развиваются так быстро. Вы не могли помолчать? Теперь все кончено, он больше не говорит: все, что он обо мне думал, осталось при нем. Так вот, нам нужно идти до конца. Голые, как черви: я хочу знать, с кем имею дело.

Инэс . Вы это знаете, Гарсэн. Теперь знаете.

Гарсэн . Пока каждый из нас не признается, за что осужден, мы ничего не узнаем. Начнем с блондинки. За что? Скажи нам, за что; твоя искренность поможет избежать катастрофы. Ну, давай!

Эстель . Говорю вам, я ничего не знаю. Они не захотели мне ничего объяснять.

Гарсэн . Ясно. Мне они тоже не пожелали ответить. Но я сам себя знаю. Ты боишься говорить первая? Ладно. Начну я. *(Пауза.)* Я не такой уж паинька.

Инэс . Понятное дело. Мы знаем, что вы дезертировали.

Гарсэн . Не в этом дело. Забудьте об этом. Я здесь потому, что истязал свою жену. Вот и все. На протяжении пяти лет. Конечно, она страдает до сих пор. Вот она: когда я говорю о ней, я ее вижу. Меня интересует Гомес, а вижу я ее. Где Гомес? Целых пять лет. Вот так штука – они вернули ей мои вещи; она сидит у окна и держит мой пиджак на коленях. Пиджак с двенадцатью дырами. И кровь как ржавчина. Края дырок порыжели. Ха! Это музейный экспонат, исторический пиджак. И я его носил! Будет она плакать? Ты будешь плакать! Я приходил пьяный как свинья, от меня несло вином и женщинами. Она ждала меня всю ночь; она не плакала. И ни слова упрека, конечно. Только глаза. Ее большие глаза. Я ни о чем не жалею. Там снег идет. Ну, заплачешь ты наконец? У этой женщины призвание быть мученицей.

Инэс *(почти мягко)*. Почему вы заставляли ее страдать?

Гарсэн . Потому что это было просто. Достаточно было слова, чтобы у нее испортилось настроение – она была очень чувствительной. Но ни одного упрека. Я большой задира. Я ждал, все время ждал. Но нет, ни слез, ни упреков. Я вытащил ее из ручья, понимаете? Она проводит рукой по пиджаку, не смотря на него. Ее пальцы вслепую ищут дыры. Чего ты ждешь? На что надеешься? Говорю тебе, что ни о чем не жалею. Вот что: она слишком мною восхищалась. Вам это, конечно, понятно?

Инэс . Нет. Мною не восхищались.

Гарсэн . Тем лучше. Лучше для вас. Все это должно вам казаться слишком отвлеченным. Расскажу вам забавную историю: я поселил у себя одну мулатку. Вот были ночки! Жена спала на первом этаже и, должно быть, нас слышала. Она вставала первая – а мы валялись все утро – и приносила нам завтрак в постель.

Инэс . Мерзавец!

Гарсэн . Да-да, мерзавец, но любимый. *(Отстраненно.)* Нет. Это Гомес, но он говорит не обо мне... Вы сказали «мерзавец». Черт, а что бы я иначе здесь делал? А вы?

Инэс . Я-то была, что называется, проклятой женщиной. Уже тогда проклятой, прошу заметить. Вот я и не особенно удивилась.

Гарсэн . И это все?

Инэс . Да нет, была еще та история с Флоранс. Но это история о мертвецах. О трех мертвецах. Сначала он, потом мы с ней. Там теперь никого не осталось, я спокойна – просто комната. Я ее иногда вижу. Пустая комната с закрытыми ставнями. А! Наконец-то они сняли печати. Сдается внаем... Ее сдают. На двери висит объявление. Это... забавно.

Гарсэн . Трое? Вы сказали, трое?

Инэс . Трое.

Гарсэн . Мужчина и две женщины?

Инэс . Да.

Гарсэн . Вот как! *(Пауза.)* Он покончил с собой?

Инэс . Он? Он на это был неспособен. К тому же не его вина, что он страдал. Нет, он попал под трамвай. Вот смех-то! Я жила с ними, это был мой двоюродный брат.

Гарсэн . Флоранс была блондинкой?

Инэс . Блондинкой? *(Взгляд в сторону Эстель.)* Знаете, я ни о чем не жалею, но мне не очень приятно рассказывать вам обо всем этом.

Гарсэн . Дальше, дальше! Он вам надоел?

Инэс . Да, постепенно. То одно, то другое... Например, он шумно пил – сопел в стакан. Чепуха всякая. Это был несчастный уязвимый малый. Почему вы смеетесь?

Гарсэн . Потому что я неуязвим.

Инэс . Посмотрим. Я ее околдовала: она стала видеть его моими глазами. И в конце концов осталась у меня на руках. Мы сняли комнату в другом конце города.

Гарсэн . А потом?

Инэс . Потом этот трамвай... Я ей все время твердила: ну вот, милочка, мы его и убили. *(Молчание.)* Я злая.

Гарсэн . Да. Я тоже.

Инэс . Нет-нет. Вы не злой. Это совсем другое.

Гарсэн . Что именно?

Инэс . Я вам потом скажу. Я вот злая: мне необходимо для жизни страдание других. Факел. Факел в сердце. Когда я одна, я угасаю. Шесть месяцев я горела в его сердце: я все там сожгла. Однажды ночью она встала и открыла газ, я об этом и не подозревала. Потом она опять легла рядом со мной. Вот и все.

Гарсэн . Хм!

Инэс . Что?

Гарсэн . Ничего. Нечистое это дело.

Инэс . Нечистое, ну и что?

Гарсэн . Да, вы правы. *(Эстель.)* Твоя очередь. Что ты сделала?

Эстель . Я же сказала, что ничего не знаю.

Гарсэн . Ладно, мы тебе поможем. Кто этот тип с разбитым лицом?

Эстель . Какой тип?

Инэс . Ты сама знаешь. Тот, кого ты боялась здесь встретить, когда вошла.

Эстель . Один знакомый.

Инэс . Почему ты его боишься?

Эстель . У вас нет никакого права устраивать мне допрос.

Инэс . Он покончил с собой из-за тебя?

Эстель . Нет, вы с ума сошли!

Гарсэн . Тогда почему ты его боишься? Он что, выстрелил себе в висок? Поэтому у него не должно быть головы?

Эстель . Замолчите, замолчите!

Гарсэн . Из-за тебя, из-за тебя!

Инэс . Застрелился из-за тебя!

Эстель . Оставьте меня в покое. Я вас боюсь. Я хочу отсюда уйти. Я хочу уйти!

Бежит к двери и рвется в нее.

Гарсэн . Уходи. Я только об этом и мечтаю. Но дверь-то заперта снаружи.

Эстель нажимает на кнопку. Звонка нет. Инэс и Гарсэн смеются. Эстель поворачивается к ним, прислоняется к двери.

Эстель *(медленно и глухо)*. Вы ведете себя неблагородно.

Инэс . Конечно, неблагородно. Мы установили, что он застрелился по твоей вине. Это был твой любовник?

Гарсэн . Ясное дело, любовник. И он хотел, чтобы она принадлежала ему безраздельно. Так, что ли?

Инэс . Он танцевал танго, как профессионал, но, наверное, был беден.

Гарсэн . Тебя спрашивают, был ли он беден.

Эстель . Да, он был беден.

Гарсэн . К тому же тебе надо было беречь свою репутацию. Однажды он стал умолять тебя, а ты рассмеялась.

Инэс . Так ведь? Ты рассмеялась? И поэтому он застрелился?

Эстель . Ты смотрела на Флоранс такими глазами?

Инэс . Да.

Пауза. Эстель смеется.

Эстель . Вот и не угадали. *(Смотрит на них, прислонившись к двери. Сухо и вызывающе.)* Он хотел от меня ребенка. Довольны?

Гарсэн . А ты не хотела.

Эстель . Нет, не хотела. Ребенок все-таки родился. Я поехала на пять месяцев в Швейцарию. Никто ни о чем не узнал. Родилась девочка. Роже был со мной, когда она родилась. Ему хотелось дочку. А мне нет.

Гарсэн . А дальше?

Эстель . Балкон выходил на озеро. Я взяла большой камень. Он кричал: «Эстель, прошу тебя, умоляю!» Я его презирала. Он все видел. Он смотрел с балкона и видел круги на воде.

Гарсэн . Дальше.

Эстель . Вот и все. Я вернулась в Париж. А он сделал то, что задумал.

Гарсэн . Застрелился?

Эстель . Конечно. Но это было ни к чему: ведь мой муж ни о чем не подозревал. *(Пауза.)* Я вас ненавижу. *(Плачет без слез.)*

Гарсэн . Бесполезно. Здесь слезы не текут.

Эстель . Я подлая. *(Пауза.)* Если бы вы знали, как я вас ненавижу!

Инэс *(обнимая ее)*. Бедная девочка! *(Гарсэну.)* Допрос окончен. Хватит изображать палача.

Гарсэн . Палача... *(Осматривается.)* Чего бы я только не отдал, чтобы посмотреться в зеркало! *(Пауза.)* Как жарко! *(Машинально снимает пиджак.)* Ах, простите. *(Собирается снова его надеть.)*

Эстель . Можете остаться без пиджака. Теперь...

Гарсэн . Да. *(Кидает пиджак на диван.)* Не сердись на меня, Эстель.

Эстель . Я на вас не сержусь.

Инэс . А на меня? На меня ты сердишься?

Эстель . Да.

Молчание.

Инэс . Ну вот, Гарсэн, теперь мы голые, как черви. Стало легче?

Гарсэн . Не знаю. Может быть, немного. *(Робко.)* А что, если попробовать помочь друг другу?

Инэс . Я не нуждаюсь в помощи.

Гарсэн . Инэс, все нити запутаны. Стоит вам сделать малейший жест, махнуть рукой, как мы с Эстель почувствуем толчок. Мы не сможем выкарабкаться каждый по отдельности: мы должны вместе проиграть или вместе выиграть. Выбирайте. *(Пауза.)* В чем дело?

Инэс . Они ее сдали. Окна открыты настежь, и мужчина сидит на моей кровати. Они ее сдали, они сдали ее! Входите, входите, не стесняйтесь. Это женщина. Она идет к нему и

кладет ему руки на плечи... Почему они не зажигают света, больше ничего не видно: они что, целоваться будут? Эта комната моя! Моя! Ну почему же они не зажигают света? Я их больше не вижу. О чем они там шепчутся? Неужели он будет ласкать ее на моей постели? Она ему говорит, что сейчас полдень, что очень ярко светит солнце. Значит, я ослепла. *(Пауза.)* Все. Больше ничего не видно и не слышно. Ну и ладно: надеюсь, что с земными делами покончено. У меня больше нет алиби. *(Дрожит.)* Я чувствую, что я пустая. Вот сейчас наконец я совсем умерла. Я целиком и полностью здесь. *(Пауза.)* Вы что-то сказали? Вы, кажется, хотели мне помочь?

Гарсэн. Да.

Инэс. Чем помочь?

Гарсэн. Помочь расстроить их планы.

Инэс. А чем я вам оплачу?

Гарсэн. Вы поможете мне. От вас потребуется не многое, Инэс: всего только чуть-чуть доброй воли.

Инэс. Доброй воли?.. А где мне ее взять? Я испорченна.

Гарсэн. А я? *(Пауза.)* А что все-таки, если попробовать?

Инэс. Я высохла. Я не могу ни брать, ни давать – как же мне вам помочь? Высохшая ветка сгорает. *(Пауза. Смотрит на Эстель, закрывшую лицо руками.)* Флоранс была блондинкой.

Гарсэн. Вы знаете, что эта малютка будет вашим палачом?

Инэс. Может быть, хотя я в этом сомневаюсь.

Гарсэн. Она им поможет вас поймать. Что касается меня, я... я... я не обращаю на нее никакого внимания. Только с ее стороны...

Инэс. Что?

Гарсэн. Это ловушка. Она выжидает, попадетесь вы в нее или нет.

Инэс. Знаю. Вы – это тоже западня. Что вы думаете, они не предусмотрели ваших слов? Может, в них скрывается ловушка, о которой мы и не подозреваем. Ловушки – повсюду. Но мне до этого нет дела. Я тоже ловушка. Ловушка для нее. Может, я ее-то как раз и поймаю.

Гарсэн. Вы никого не поймаете. Сколько бы мы ни бежали, мы никогда не догоним друг друга, как карусельные лошадки. Будьте уверены – они обо всем позаботились. Бросьте, Инэс. Оставьте. Иначе вы принесете несчастье всем троим.

Инэс. Разве похоже, что я выпущу из рук добычу? Я знаю, что меня ждет. Я стору, я уже горю и знаю, что конца не будет; я знаю все – неужели вы думаете, что я сдамся без борьбы? Она будет моей, она увидит вас моими глазами, как Флоранс увидела того, другого... Что вы там говорите о несчастьях? Повторяю: я на все готова и даже себя самое мне не жалко. Ловушка! Конечно, я попала в ловушку. Ну и что из этого? Тем лучше для них.

Гарсэн *(взяв ее за плечо)*. Я могу вас пожалеть. Посмотрите на меня. Мы обнажены. Обнажены до костей, и я вижу вас насквозь, до самого сердца. Мы крепко связаны: неужели вы думаете, что я хочу причинить вам зло? Я ни о чем не жалею, не жалуюсь; я тоже высох. Но вас я могу пожалеть.

Инэс *(не мешавшая ему говорить, поднимает голову)*. Не прикасайтесь ко мне. Ненавижу, когда меня трогают. Оставьте свою жалость при себе. Гарсэн, в этой комнате есть много ловушек для вас. Для вас! Приготовленных именно для вас! Лучше вам подумать о себе. *(Пауза.)* Если вы оставите нас с девочкой в покое, я постараюсь вам не вредить.

Гарсэн *(смотрит на нее, потом пожимает плечами)*. Хорошо.

Эстель *(поднимая голову)*. Помогите мне, Гарсэн.

Гарсэн. Чего вы от меня хотите?

Эстель *(встает и подходит к нему)*. Вы можете мне помочь.

Гарсэн. Ее просите.

Инэс подошла ближе, встала за спиной Эстель, вплотную к ней, но не прикасаясь. Следующие реплики она произносит почти ей на ухо. Но Эстель, повернувшись к Гарсэну, который молча смотрит на нее, отвечает только ему, как если бы вопросы задавал он.

Эстель . Прошу вас, Гарсэн, ведь вы же обещали! Скорей, скорей, я не хочу оставаться одна. Ольга повела его на танцы.

Инэс . Кого?

Эстель . Пьера. Они танцуют вместе.

Инэс . Кто такой Пьер?

Эстель . Один дурачок. Он называл меня своей живой водой. Он любил меня. Она повела его танцевать.

Инэс . Ты его любишь?

Эстель . Они садятся. Она тяжело дышит. Зачем она танцует? Наверное, чтобы похудеть. Нет, конечно. Нет, я его не любила: ему восемнадцать, а я не людоедка.

Инэс . Тогда забудь о них. Какое тебе дело?

Эстель . Он был мой.

Инэс . Теперь тебе больше ничего не принадлежит на земле.

Эстель . Он был мой.

Инэс . Да, был... Попробуй его взять, попробуй потрогать. А вот Ольга может к нему прикоснуться. Правда? Правда? Она может взять его за руку, погладить по колену.

Эстель . Она наваливается на него своей огромной грудью, она дышит ему в лицо. Мальчик-с-пальчик, бедный Мальчик-с-пальчик, почему ты не смеешься? Ах, я бы только взглянула, и тогда бы она не посмела... Так как же это, я теперь ничто?

Инэс . Ничто. От тебя ничего не осталось на земле: все твое здесь. Хочешь нож для разрезания бумаги? Или бронзовую фигурку? Голубой диван тоже твой. И я, я тоже твоя навсегда, девочка.

Эстель . Да? Это все мое? А кто из вас двоих осмелится назвать меня своей живой водой? Вы оба не заблуждаетесь на мой счет, вы знаете, что я дрянь. Подумай обо мне, Пьер, думай только обо мне, защити меня: моя живая вода, моя дорогая живая вода, я здесь только наполовину, я только наполовину виновата, я живая вода там, внизу, рядом с тобой. Она красная, как помидор. Это же невозможно: мы с тобой сто раз над ней смеялись. Что это за музыка? Я ее так любила. А, Сан-Луи-блюз. Танцуйте, танцуйте. Гарсэн, вот бы вы повеселились, если бы могли их увидеть. Она никогда не узнает, что я ее вижу. Я вижу тебя, и твою растрепанную прическу, и твою кривую улыбку, вижу, как ты наступаешь ему на ноги. Просто умрешь со смеху! Давайте быстрее, еще быстрее! Он ее тянет, толкает. Это неприлично. Быстрее! Он мне говорил: «Вы такая легкая». Давайте, давайте. (*Танцует, продолжая говорить.*) Говорю тебе, что я тебя вижу. А ей все равно, она танцует и не замечает моего взгляда. Наша милая Эстель! Что – наша милая Эстель? Ах, замолчал. Ты даже не заплакала на похоронах. Она ему сказала «наша милая Эстель». У нее хватает наглости говорить с ним обо мне. Где же чувство меры: куда ей и говорить, и танцевать одновременно! Но что это?.. Нет, нет, не говори ему! Я уступаю его тебе, спрячь его, уведи, делай с ним что хочешь, только не говори ему. (*Больше не танцует.*) Все. Теперь ты сможешь его удержать. Она ему все сказала, Гарсэн: о Роже, о поездке в Швейцарию, о ребенке – она все ему рассказала. «Наша милая Эстель не была...» Да, действительно, я не была... Он с грустным видом качает головой, но нельзя сказать, чтобы новость его потрясла. Теперь можешь забрать его себе. У него длинные ресницы, и он так похож на девушку... Мы больше не соперницы... Он называл меня своей живой водой, своим хрусталем. Твой хрусталь разбился на мелкие осколки. «Наша милая Эстель». Ну и танцуйте на здоровье! Слушайте музыку. Раз-два. (*Танцует.*) Я бы все отдала, чтобы хоть на минутку

вернуться на землю, только на одну минутку – и потанцевать. (*Танцует; пауза.*) Сейчас я их слышу хуже. Они погасили свет, как для танго, – почему играют под сурдинку? Громче! Как далеко! Я... я ничего больше не слышу. (*Перестает танцевать.*) Никогда больше не услышу. Земля со мной рассталась. Гарсэн, посмотри на меня, обними меня.

Инэс за спиной Эстель делает Гарсэну знак отойти.

Инэс (*повелительно*). Гарсэн!

Гарсэн (*отступает на шаг и показывает Эстель на Инэс*). Просите ее.

Эстель (*цепляется за него*). Не уходите! Вы мужчина или нет? Посмотрите же на меня, не отводите глаз: разве это так тягостно? У меня золотые волосы, и, в конце концов, кто-то ведь из-за меня застрелился. Умоляю, вы же должны смотреть на что-нибудь. Если не на меня, так на статуэтку, стол или диван. На меня все-таки приятнее смотреть. Послушай, я выпала из их сердец, как птенец из гнезда. Подбери меня, прими меня в свое сердце – увидишь, я буду милой.

Гарсэн (*с силой ее отталкивает*). Говорю вам, ее просите.

Эстель. Ее? Она не в счет – это же женщина.

Инэс. Я не в счет? Но, птичка жаворонок, ты уже давно живешь в моем сердце. Не бойся, я не сведу с тебя глаз, я даже моргать не буду. Ты будешь жить в моем взгляде, как песчинка в солнечном луче.

Эстель. В солнечном луче? Ах, оставьте меня наконец в покое. Вы недавно уже сделали попытку, и она провалилась.

Инэс. Эстель! Моя живая вода, мой хрусталь!

Эстель. Ваш хрусталь? Это глупо. Кого вы хотите обмануть? Все знают, что я выбросила ребенка в окно. Хрустальные осколки валяются на земле, и мне на это плевать. От меня осталась одна оболочка – и эта оболочка не для вас.

Инэс. Иди ко мне! Ты будешь чем захочешь: живой водой или водой грязной; в глубине моих глаз ты увидишь себя какой захочешь.

Эстель. Оставьте меня! У вас глаз нет, что ли? Ну что мне сделать, чтобы ты отстала? Получай!

Плюет ей в лицо. Инэс сразу ее отпускает.

Инэс. Гарсэн! Вы мне за это заплатите!

Пауза. Гарсэн пожимает плечами и направляется к Эстель.

Гарсэн. Ну что? Хочешь мужчину?

Эстель. Нет, не мужчину. Тебя.

Гарсэн. Хватит болтать. Тут кто угодно справится. Я просто попался под руку. Ладно. (*Берет ее за плечи.*) Знаешь, мне трудно тебе понравиться – я не дурачок и не танцую танго.

Эстель. Я приму тебя таким, какой ты есть. Может, я сделаю тебя другим.

Гарсэн. Сомневаюсь. Я буду... невнимательным. Мои мысли заняты другими делами.

Эстель. Какими делами?

Гарсэн. Тебе неинтересно.

Эстель. Я сяду на твой диванчик и подожду, пока ты мной займешься.

Инэс (*хохочет*). Сука! Ложись! Он даже не красавец!

Эстель (*Гарсэну*). Не слушай ее. У нее больше нет ни глаз, ни ушей. Она не в счет.

Гарсэн. Я дам тебе все, что смогу. Это немного. Я не буду любить тебя: я слишком хорошо тебя знаю.

Эстель. Ты хочешь меня?

Гарсэн. Да.

Эстель. Мне больше ничего не нужно.

Гарсэн. Тогда... (*Склоняется к ней.*)

Инэс. Эстель! Гарсэн! Вы с ума сошли! Я же здесь!

Гарсэн. Вижу, ну и что?

Инэс. На моих глазах? Вы... вы не сможете!

Эстель. Почему? Я же раздевалась перед горничной.

Инэс (*цепляясь за Гарсэна*). Отпустите ее! Отпустите! Не касайтесь ее своими грязными мужскими руками!

Гарсэн (*грубо ее отталкивает*). Я не из благородных, я не побоюсь ударить женщину.

Инэс. Вы дали мне слово, Гарсэн, вы дали слово! Умоляю вас, вы обещали!

Гарсэн. Вы сами нарушили договор.

Инэс отпускает его и отступает в глубь комнаты.

Инэс. Делайте что хотите, ваша взяла. Но помните, я здесь и я на вас смотрю. Я не отведу взгляда, Гарсэн, вам придется обниматься у меня на глазах. Как я вас обоих ненавижу! Занимайтесь любовью, но не забывайте: мы в аду, и настанет мой черед.

В течение следующей сцены она смотрит на них, не говоря ни слова.

Гарсэн (*возвращается к Эстель и берет ее за плечи*). Поцелуй меня.

Пауза. Наклоняется к ней и вдруг резко выпрямляется.

Эстель (*с досадой*). Эй!.. (*Пауза.*) Я же тебе сказала, не обращай на нее внимания.

Гарсэн. Не в ней дело. (*Пауза.*) Гомес пришел в редакцию. Они закрыли окна: значит, уже зима. Шесть месяцев. Уже шесть месяцев, как меня... Я тебя предупредил, что бываю иногда рассеянным? Они дрожат от холода и пиджаки не сняли... Странно: им там так холодно, а мне жарко. На этот раз они говорят обо мне.

Эстель. Это теперь надолго. (*Пауза.*) Расскажи хотя бы, о чем они говорят.

Гарсэн. Ни о чем. Он ни о чем не говорит. Это просто-напросто подлец. (*Прислушивается.*) Каков подлец! (*Подходит к Эстель.*) Займемся нашими делами. Ты будешь меня любить?

Эстель (*улыбаясь*). Кто знает?

Гарсэн. Ты будешь мне доверять?

Эстель. Смешной вопрос: ты всегда будешь у меня на глазах и ведь с Инэс ты мне не изменишь.

Гарсэн. Верно. (*Пауза. Снимает руки с плеч Эстель.*) Я имел в виду другое доверие. (*Прислушивается.*) Валяй, говори все, что придет тебе в голову, я не буду защищаться. (*К Эстель.*) Эстель, ты должна мне доверять.

Эстель. Сколько сложностей! Я отдаю тебе свои губы, свои руки, все свое тело; все могло быть так просто!.. Доверие? Этого я обещать не могу; ты меня очень стесняешь. Наверное, ты сделал что-нибудь ужасное, если так просишь моего доверия.

Гарсэн. Меня расстреляли.

Эстель. Знаю – ты отказался уехать. А потом?

Гарсэ́н. Я... я не совсем отказался. (*Обращаясь к невидимым.*) Он хорошо выступает, поносит меня на чем свет стоит, но не говорит, что нужно было сделать. Неужели я должен был пойти к генералу и сказать: «Мой генерал, я не собираюсь уезжать»? Что за чушь! Они бы упекли меня за решетку. Я хотел быть свидетелем, понимаете? Я не хотел, чтобы мне затыкали рот. (*Эстель.*) Я... я сел в поезд. Меня взяли на границе.

Эсте́ль. Куда ты хотел уехать?

Гарсэ́н. В Мехико. Я рассчитывал издавать там пацифистский журнал. (*Молчание.*) Ну, скажи мне что-нибудь.

Эсте́ль. Что ты хочешь от меня услышать? Ты правильно поступил, потому что не хотел бороться.

Раздраженный жест Гарсэ́на.

Ах, дорогой, я никак не угадаю, что тебе отвечать.

Инэ́с. Сокровище мое, нужно ему сказать, что он удрал, как лев. Потому что твой любезный просто унес ноги. Именно поэтому он такой раздражительный.

Гарсэ́н. Удрал, уехал – называйте как хотите.

Эсте́ль. Конечно, тебе нужно было бежать, если бы ты остался, тебя бы схватили.

Гарсэ́н. Вот именно. (*Пауза.*) Эстель, как ты думаешь, я трус?

Эсте́ль. Не знаю, любовь моя, я ведь не была на твоём месте. Думай сам.

Гарсэ́н (*устало*). Я не в состоянии.

Эсте́ль. Тогда постарайся вспомнить; у тебя, наверное, были основания для таких действий.

Гарсэ́н. Да.

Эсте́ль. Какие?

Гарсэ́н. Разве это были веские основания?

Эсте́ль (*с досадой*). Как ты все усложняешь!

Гарсэ́н. Я хотел доказать... я долго думал... Были ли у меня веские основания?

Инэ́с. Ах вот в чем вопрос. Были эти основания вескими? Ты рассуждал, ты не хотел пускаться в авантюры. Но страх, ненависть и другие гнусности, которые обычно скрывают, – это тоже основания. Иди, спрашивай сам себя.

Гарсэ́н. Замолчи! Что ты думаешь – я буду слушать твои советы? Я шагал по моей камере дни и ночи, из конца в конец, от окна к двери, от двери к окну. Я сам к себе приглядывался. Я следил сам за собой. Мне кажется, я всю жизнь только и делал, что задавал сам себе вопросы, а потом пришло время действовать. Я... я сел в поезд, это я знаю. Но почему? Почему? В конце концов я подумал: моя смерть решит все проблемы; если я умру как надо, я докажу, что я не трус.

Инэ́с. А как ты принял смерть, Гарсэ́н?

Гарсэ́н. Плохо.

Инэ́с хохочет.

О, это была просто телесная слабость. Этого я не стыжусь. Только все осталось навсегда нерешенным. (*Эстель.*) Поди-ка сюда. Посмотри на меня. Мне нужно, чтобы кто-нибудь на меня смотрел, пока на земле говорят обо мне. Мне нравятся зеленые глаза.

Инэ́с. Зеленые глаза? Смотри-ка! А тебе, Эстель? Тебе нравятся трюсы?

Эсте́ль. Если бы ты знала, как мне это безразлично. Трус или нет, лишь бы целоваться умел.

Гарсэн . Они сонно качают головами, затягиваясь сигарами, – им скучно. Они думают: Гарсэн трус. Вяло и слабо. Но все-таки они хоть о чем-то думают. Гарсэн трус – вот что они решили, мои приятели. Через полгода они будут говорить: трусливый, как Гарсэн. Вам обеим повезло; о вас на земле больше никто не помнит. Моя участь тяжелее.

Инэс . А ваша жена, Гарсэн?

Гарсэн . Ну что жена... Она умерла.

Инэс . Умерла?

Гарсэн . Да, я забыл вам сказать. Она недавно скончалась. Примерно два месяца тому назад.

Инэс . От горя?

Гарсэн . Конечно, от горя. А от чего же еще? Все теперь в порядке: война закончилась, жена умерла, а я вошел в историю.

Рыдает без слез, закрывает лицо руками. Эстель цепляется за него.

Эстель . Дорогой, дорогой! Посмотри на меня, дорогой! Прикоснись ко мне. Положи руку мне на грудь.

Кладет его руку себе на грудь. Гарсэн делает движение, чтобы освободиться.

Оставь свою руку здесь, оставь ее, не двигайся. Они умрут один за другим: какая разница, что они думают. Забудь о них. Никого не осталось, кроме меня.

Гарсэн (*высвобождая руку*). Они-то обо мне не забывают. Они умрут, но придут другие и перехватят эстафету: моя жизнь осталась у них в руках.

Эстель . Ты слишком много разлагаешься!

Гарсэн . А что еще делать? Раньше я действовал... Ах, хоть бы на один день вернуться к ним... какое разоблачение! Но я вне игры: они подводят итог без меня, и они правы, поскольку я мертв. Мертв, как крыса. (*Смеется.*) Я стал общественным достоянием.

Пауза.

Эстель (*нежно*). Гарсэн!

Гарсэн . Ты здесь? Послушай, окажи мне услугу. Нет, не отказывайся. Я знаю, тебе кажется, что у тебя просят помощи, ты к этому не привыкла. Но может, если ты захочешь, если сделаешь усилие, мы и вправду сможем по-настоящему полюбить друг друга. Видишь ли, тьма народу утверждает, что я трус. Но какое мне до них дело? Если бы нашлась живая душа, которая изо всех сил повторила бы, что я не бежал, что я не мог бежать, что я храбрый, что я честный, я... я уверен, что я был бы спасен. Хочешь поверить в меня? Тогда ты мне будешь дороже всех на свете.

Эстель (*смеется*). Дурачок! Глупец! Неужели ты думаешь, что я могла бы полюбить труса?

Гарсэн . Но ты говорила...

Эстель . Я шутила. Я люблю мужчин, Гарсэн, настоящих мужчин, с грубой шкурой, с сильными руками. Не похоже, чтобы твой подбородок был подбородком труса, рот – ртом труса, голос, волосы – голосом и волосами труса. А я люблю тебя за твой рот, твой голос, твои волосы.

Гарсэн . Это правда? Чистая правда?

Эстель . Хочешь, я поклянусь?

Гарсэн . Тогда мне наплевать на всех, кто там и кто здесь. Эстель, мы выйдем из ада.

Инэс хохочет, Гарсэн перестает говорить и смотрит на нее.

В чем дело?

Инэс (*смеясь*). Да она сама не верит ни одному своему слову. Как можно быть таким наивным? «Эстель, разве я трус?» Знай, что ей на это наплевать!

Эстель . Инэс. (*Гарсэну.*) Не слушай ее. Если ты хочешь моего доверия, начни с того, чтобы верить мне.

Инэс . Вот-вот. Окажи ей доверие. Ей нужен мужчина, можешь ей поверить, мужская рука вокруг талии, запах мужчины, мужское желание в мужских глазах. Что до остального... Ха! Она скажет, что ты бог-отец, если тебе это доставит удовольствие.

Гарсэн . Эстель! Это правда? Отвечай: это правда?

Эстель . Что ты хочешь от меня услышать? Я ничего не понимаю в этих делах. (*Топает ногой.*) Как мне все это надоело! Если бы ты и был трусом, я бы все равно тебя любила, понятно тебе? Этого недостаточно?

Пауза.

Гарсэн (*обеим женщинам*). Как вы обе отвратительны! (*Идет к двери.*)

Эстель . Что ты делаешь?

Гарсэн . Ухожу.

Инэс (*быстро*). Далеко не уйдешь – дверь закрыта.

Гарсэн . Придется им открыть.

Нажимает на кнопку. Звонка нет.

Эстель . Гарсэн!

Инэс (*Эстель*). Успокойся, звонок сломан.

Гарсэн . Я сказал, они откроют. (*Колотит в дверь.*) Я не могу больше вас выносить, не могу.

Эстель подбегает к нему, он ее отталкивает.

Пошла вон! Ты еще отвратительнее, чем та, другая. Я не хочу завязнуть в твоих глазах. Ты липкая! Ты дряблая! Ты как спрут, как болото. (*Стучит в дверь.*) Откройте наконец!

Эстель . Гарсэн, умоляю тебя, не уходи, я не буду больше говорить с тобой, я оставлю тебя в покое, только не уходи. Инэс выпустила когти, я не хочу оставаться с ней наедине.

Гарсэн . Сами разбирайтесь. Я не звал тебя сюда.

Эстель . Трус! Трус! Ты настоящий трус!

Инэс (*подходит к Эстель*). Ты недовольна, жаворонок! Ты плюнула мне в лицо, чтобы ему понравиться, и мы поссорились по его вине. Но он уходит, помеха нашего счастья, и мы останемся в теплом женском обществе.

Эстель . Ты ничего от этого не выиграешь: если дверь откроется, я убегу.

Инэс . Куда?

Эстель . Не важно. Подальше от тебя.

Гарсэн все барабанит в дверь.

Гарсэн . Откройте! Откройте! Я согласен на все, на испанский сапог, клещи, расплавленный свинец, тиски, удавку – на все, что жжет и дерет, я хочу мучиться по-настоящему. Пусть лучше побои, кнут, оспа, чем эта умственная пытка, этот призрак страдания, который ласково касается тебя и никогда не делает по-настоящему больно. (*Трясет дверную ручку.*) Вы откроете или нет? (*Дверь внезапно распахивается, он чуть не падает.*) Вот те на!

Долгое молчание.

Инэс . За чем же дело стало, Гарсэн? Уходите.

Гарсэн (*медленно*). Интересно, почему дверь отворилась?

Инэс . Чего вы ждете? Уходите скорей.

Гарсэн . Не уйду.

Инэс . А ты, Эстель?

Эстель не двигается. Инэс смеется.

Ну! Кто же? Кто из троих? Путь свободен, что же нас держит? Помрешь со смеху! Мы неразлучны.

Эстель бросается на нее сзади.

Эстель . Неразлучны? Гарсэн! Помоги мне. Скорее помоги. Мы вытащим ее наружу и запремся: туда ей и дорога.

Инэс (*защищаясь*). Эстель! Эстель! Умоляю, оставь меня здесь. Только не в коридор, не выгоняй меня в коридор!

Гарсэн . Отпусти ее.

Эстель . Ты с ума сошел, она же тебя ненавидит.

Гарсэн . Это из-за нее я остался.

Эстель выпускает Инэс и с удивлением смотрит на Гарсэна.

Инэс . Из-за меня? (*Пауза.*) Да закройте вы ее! Здесь стало в десять раз жарче с тех пор, как дверь открыта.

Гарсэн закрывает дверь.

Из-за меня?

Гарсэн . Да. Ты знаешь, что такое трус.

Инэс . Знаю.

Гарсэн . Ты знаешь, что такое зло, стыд, страх. Бывали минуты, когда ты видела себя насквозь – и это не давало тебе покоя. А затем, на следующий день, ты не знала, что и подумать, как разобраться в этом откровении. Да, ты знаешь цену зла. И если ты говоришь, что я трус, то со знанием дела, верно?

Инэс . Да.

Гарсэн . Тебя-то я и должен убедить – ведь мы одной крови. Неужели ты думала, что я уйду? Я бы не оставил тебя здесь победившую и со всеми этими мыслями про меня в голове.

Инэс . Ты и вправду сможешь меня убедить?

Гарсэн . Я не могу иначе. Знаешь, я их больше не слышу. Они со мной покончили. Дело закрыто, больше я ничего собой не представляю на земле, я уже даже не трус. Инэс, мы теперь

одни: только вы обе еще можете думать обо мне. Она не в счет. Но ты ведь меня ненавидишь – если ты мневеришь, я спасен.

Инэс. Тебе будет нелегко, ведь я упрямая.

Гарсэн. Я потрачу на это сколько угодно времени.

Инэс. О! У тебя его действительно сколько угодно.

Гарсэн (*беря ее за плечи*). Послушай, у каждого своя цель, так ведь? Мне было наплевать на деньги и на любовь. Я хотел быть человеком. Суровым человеком. Я поставил все на одну карту. Разве трусы выбирают самые опасные пути? Можно ли судить о целой жизни по одному поступку?

Инэс. Почему бы и нет? В течение тридцати лет ты тешил себя надеждой, что у тебя есть сердце; ты закрывал глаза на множество своих маленьких слабостей, потому что герою все прощительно. Как удобно! А потом, когда пришла опасность, тебя поставили к стенке и... и ты уехал в Мехико.

Гарсэн. Я не придумал этот героизм. Я его выбрал. Мы такие, какими хотим себя видеть.

Инэс. Докажите это. Докажи, что это была не выдумка. Только поступки определяют цену наших желаний.

Гарсэн. Я слишком рано умер. У меня не хватило времени на поступки.

Инэс. Мы умираем всегда слишком рано или слишком поздно. Жизнь кончается – нужно подводить итоги. Ты – воплощение своей собственной жизни.

Гарсэн. Гади́на! У тебя на все есть ответ.

Инэс. Давай-давай! Смелее! Тебе должно быть просто меня убедить. Ищи аргументы, сделай усилие.

Гарсэн пожимает плечами.

Ну что? Я же говорила, что ты уязвимый. Ага, теперь ты за все заплатишь. Ты трус, Гарсэн, трус, потому что я этого хочу. Я хочу этого, слышишь? А ведь я слабая, Гарсэн, как втерок; я только взгляд – и я тебя вижу, я лишь бесцветная мысль – и я о тебе думаю.

Гарсэн надвигается на нее, расставив руки.

Что мне эти сильные мужские руки? На что ты надеешься? Мысль руками не схватить. Итак, у тебя нет выбора: нужно меня убедить. Ты в моих руках.

Эстель. Гарсэн!

Гарсэн. Чего тебе?

Эстель. Оплати ей.

Гарсэн. Как?

Эстель. Обними меня, услышишь, как она запоет.

Гарсэн. Вот это верно, Инэс. Я в твоих руках, но и ты в моих.

Склоняется к Эстель. Инэс вскрикивает.

Инэс. Трус! Трус! Ищи утешения у женщин!

Эстель. Пой, Инэс, пой!

Инэс. Классная парочка! Если бы ты видела его огромную лапу на своей спине, как она мнет платье и впивается в тело! У него мокрые руки, он весь потный. Он оставит пятно на твоём платье.

Эстель. Пой, птичка, пой! Обними меня крепче, Гарсэн, она подохнет со злости.

Инэс . Да-да, прижми ее покрепче! Жар ваших тел смешивается. Ну как, хорошая штука любовь, а, Гарсэн? Тебе мягко и тепло, как во сне, но я помешаю тебе уснуть.

Эстель . Не слушай. Поцелуй меня, я вся твоя.

Инэс . Чего же ты медлишь? Делай, что сказано: трус Гарсэн обнимает детоубийцу Эстель. Делайте ставки! Поцелует ли ее трус Гарсэн? Я на вас смотрю, я сама себе целая тьма народу. Гарсэн, ты слышишь глас народный? (*Шепчет.*) Трус! Трус! Трус! Трус! Сколько ни убегай, я тебя не оставлю в покое. Что ты надеешься от нее получить? Забвение? Но я-то тебя не забуду! Это меня тебе надо убедить. Меня. Давай-давай. Я тебя жду. Гляди, Эстель, он размыкает объятия, он покорный, как собака... Тебе его не видать!

Гарсэн . Так ночи никогда не будет?

Инэс . Никогда!

Гарсэн . Ты всегда будешь меня видеть?

Инэс . Всегда.

Гарсэн оставляет Эстель и делает несколько шагов по комнате. Подходит к камину.

Гарсэн . Статуэтка... (*Гладит ее.*) Эта минута пришла! Вот статуэтка, я смотрю на нее и понимаю, что я в аду. Говорю вам, все предусмотрено. Они знали, что я встану перед камином, дотронусь до статуэтки под вашими взглядами. Эти пожирающие взгляды... (*Внезапно оборачивается.*) А! Вас только двое? Я думал, гораздо больше. (*Смеется.*) Так вот он какой, ад! Никогда бы не подумал... Помните: сера, решетки, жаровня... Чепуха все это. На кой черт жаровня: ад – это Другие.

Эстель . Любовь моя!

Гарсэн (*отталкивая ее*). Отстань. Та, другая, стоит между нами. Я не могу любить тебя, пока она смотрит.

Эстель . Ах так! Тогда она больше не будет на нас смотреть.

Хватает со стола нож для разрезания бумаги, бросается на Инэс и несколько раз бьет ее ножом.

Инэс (*смеясь, отбивается*). Что ты, дурочка? Забыла, что я мертвая?

Эстель . Мертвая?

Бросает нож. Пауза. Инэс поднимает нож и яростно бьет себя им.

Инэс . Мертвая! Мертвая! Мертвая! Ни ножом, ни ядом, ни веревкой. Это уже сделано, понятно? И мы вместе навсегда. (*Смеется.*)

Эстель (*хохочет*). Навсегда, господа, вот смешно! Навсегда!

Гарсэн (*смеется, смотря на них*). Навсегда.

Смеясь, падают каждый на свой диван. Долгое молчание. Перестают смеяться и смотрят друг на друга. Гарсэн встает.

Гарсэн . Ну что ж, продолжим.

Занавес.

Почтительная потаскушка **Пьеса в одном акте, двух картинах**

Действующие лица

ЛИЗЗИ.
НЕГР.
ФРЕД.
ДЖОН.
ДЖЕЙМС.
СЕНАТОР КЛАРК.
ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ.
ВТОРОЙ ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ.
ТРЕТИЙ ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ.

Действие происходит в маленьком городке одного из южных штатов Америки.

Картина первая

Маленький городок в южных штатах Америки. Меблированная квартирка. Белые стены. Диван. Направо – окно; налево – дверь в ванную комнату. В глубине – небольшая приемная, дверь на улицу. Перед поднятием занавеса раздается оглушительный грохот.

Явление первое

Лиззи, затем Негр. Лиззи в рубашке. Засучив рукава, водит по комнате пылесосом. Раздается звонок. Лиззи выключает пылесос и приоткрывает дверь в ванную.

Лиззи *(вполголоса)*. Звонок. Не выходи. *(Открывает входную дверь.)*

На пороге коренастый Негр, волосы у него седые. Держится прямо.

Что такое? Вы, верно, ошиблись адресом? *(Пауза.)* Что вы хотите? Отвечайте.

Негр *(умоляюще)*. Прошу вас, мэм, прошу!

Лиззи. О чем? *(Разглядывая его пристальнее.)* Погоди. Ведь это ты был в поезде? Тебе удалось убежать от них? Как ты узнал мой адрес?

Негр. Я повсюду искал его, мэм... Повсюду. *(Хочет войти.)* Прошу вас!

Лиззи. Не входи. У меня гость. Что тебе нужно?

Негр. Прошу вас!

Лиззи. О чем? Чего ты хочешь? Денег?

Негр. Нет, мэм. *(Пауза.)* Пожалуйста, скажите ему, что я не виноват.

Лиззи. Кому сказать?

Негр. Судье. Скажите ему, мэм. Пожалуйста, прошу вас, скажите ему это.

Лиззи. Ничего я ему не скажу.

Негр. Прошу вас!

Лиззи. Ничего не скажу. У меня достаточно своих бед. Не стану я вступать в чужие дела. Ступай прочь.

Негр. Ведь вы знаете, что я ничего не сделал. Разве я виноват в чем-нибудь?

Лиззи. Ни в чем ты не виноват. Но к судье я не пойду. У судей повадки что у легавых, от одного их вида меня всю выворачивает.

Негр. Дома – жена, дети остались одни; всю ночь кружу по городу. У меня больше нет сил.

Лиззи. Удирай отсюда.

Негр. Они оцепили все вокзалы.

Лиззи. Кто оцепил?

Негр. Белые.

Лиззи. Какие белые?

Негр. Все белые, что живут в городе. Вы не выходили сегодня утром?

Лиззи. Нет.

Негр. На улицах толпы народу. Все собрались – и молодые и старые. Настоящая демонстрация.

Лиззи. Что это значит?

Негр. Это значит, я буду гонять по городу, куда меня не схватят. Когда белые, даже незнакомые, сговариваются между собой – значит, негру грозит смерть. *(Пауза.)* Скажите, что я ни в чем не виноват, мэм. Скажите судье, скажите людям из газеты.

Лиззи . Не кричи. Я сказала тебе, что не одна. *(Пауза.)* А с газетчиками на меня не рассчитывай. Сейчас мне нельзя напоминать о себе. *(Пауза.)* Но если меня вызовут в свидетели, обещаю тебе сказать правду.

Негр . Вы им скажете, что я ничего дурного не сделал?

Лиззи . Скажу.

Негр . Вы клянетесь, мэм?

Лиззи . Да, да.

Негр . Перед господом, который видит и слышит нас?

Лиззи . Ох, проваливай поживее отсюда. Я пообещала, и хватит. *(Пауза.)* Ну, ступай! Ступай прочь!

Негр *(внезапно)*. Пожалуйста, спрячьте меня.

Лиззи . Спрятать тебя?

Негр . Вы не хотите, мэм? Не хотите?

Лиззи . Спрятать тебя? Мне? Вот ты каков! *(Захлопывает дверь перед его носом.)* Этого еще мне не хватало! *(Подходит к ванной.)* Выходи.

Фред выходит из ванной, в верхней рубашке, без воротничка и галстука.

Явление второе

Лиззи, Фред.

Фред . Что произошло?

Лиззи . Ничего не произошло.

Фред . Я думал – полиция.

Лиззи . Полиция? Ты что, связан с полицией?

Фред . Я – нет. Я думал – они к тебе пришли.

Лиззи *(оскорбленно)*. Что выдумал! Я в жизни гроша чужого не брала.

Фред . И никогда не имела дела с полицией?

Лиззи . Во всяком случае, не из-за кражи. *(Снова включает пылесос.)*

Раздается невыносимый грохот.

Фред *(раздражен шумом)*. Прекрати!

Лиззи *(кричит, стараясь, чтоб он ее расслышал)*. В чем дело, милый?

Фред *(кричит)*. Ты мне раздраешь уши!

Лиззи *(кричит)*. Скоро кончу. *(Пауза.)* Ничего не поделаешь, я уж такая.

Фред *(кричит)*. Что?

Лиззи *(кричит)*. Говорю – такая уж есть.

Фред *(кричит)*. Какая – такая?

Лиззи *(кричит)*. Да, такая. На следующий день после всего я точно одержимая: мне непременно надо принять ванну и повозиться с пылесосом. *(Выключает пылесос.)*

Фред *(указывая на неприбранную кушетку)*. Если ты такая, то убери постель.

Лиззи . Что?

Фред . Убери постель. Приведи в порядок кушетку. Прикрой грех.

Лиззи . Грех? Откуда ты это взял? Ты – пастор?

Фред . Нет. При чем здесь пастор?

Лиззи. Говоришь, как по Библии. *(Глядит на него.)* Нет, ты не пастор. Уж больно ты вылощенный. Покажи-ка кольца. *(С восхищением.)* Подумать только! Подумать только! Ты небось богатый?

Фред. Да.

Лиззи. Очень богатый?

Фред. Очень.

Лиззи. Тем лучше. *(Обнимает его за шею и протягивает губы для поцелуя.)* Мужчине идет, когда он богатый. Сразу внушает доверие.

Фред *(поначалу колеблется, затем отворачивается)*. Убери постель!

Лиззи. Хорошо, хорошо. Уберу! *(Убирает, смеясь про себя.)* «Прикрой грех»! Я бы такое не придумала. А скажи-ка, голубчик, ведь как-никак – это твой грех.

Протестующий жест Фреда.

Ладно, ладно, и мой также. Но у меня столько грехов на совести... *(Садится на кушетку и почти насильно усаживает рядом с собой Фреда.)* Присядь-ка сюда, на греховное наше ложе. Грех-то из приятных, да? Хорошенький грешок, голубчик. *(Смеется.)* Да не опускай глаз! Ты что, боишься меня?

Фред грубо прижимает ее к себе.

Мне больно... ты делаешь мне больно, отпусти!

Он отпускает ее.

Ну и чудак! И вид какой недобрый! *(Пауза.)* Как зовут тебя? Не хочешь говорить? Как-то неприятно не знать имени. Со мной это впервые. Фамилию редко говорят, это понятно, что они скрывают, но имя... Как мне различать вас друг от друга, если я не буду знать ваших имен? Ну скажи, скажи, милый!

Фред. Нет.

Лиззи. Буду тебя называть «господин без имени». *(Поднимаясь.)* Ладно. Закончу уборку. *(Переставляет разные предметы.)* Вот это сюда, а это туда. Теперь все в порядке. Стулья пусть стоят вокруг стола: так приличней. Ты не знаешь, кто здесь занимается продажей гравюр? Мне бы хотелось повесить картинку на стенке. У меня в чемодане есть одна красивая. «Разбитый кувшин» называется. На ней девушка, бедняжка разбила кувшин. Французская картина.

Фред. Какой кувшин?

Лиззи. Не знаю. Вероятно, разбила свой кувшин. Хорошо бы повесить рядом с ней на пару старенькую бабушку. Пусть она вяжет или рассказывает детям сказки. Да что это я, шторы давно пора раздвинуть и распахнуть окно. *(У окна.)* Отлично себя чувствую! Что за день! Приняла ванну, провела чудесную ночь. До чего же мне легко и приятно. Подойди-ка сюда! Полюбуйся, какой вид из окна! Ну иди же. Прямо-таки изумительный вид! Одни деревья кругом. Вот здорово. Подумать только, как мне повезло, сразу найти комнату в роскошном квартале. Не хочешь посмотреть? Не любишь своего города?

Фред. Я предпочитаю любоваться им из своего окна.

Лиззи *(внезапно)*. Послушай, а это правда дурная примета: увидеть негра рано утром?

Фред. Почему?

Лиззи. Я... Да вот один прошел случайно по тротуару...

Фред. Увидеть негра всегда к несчастью. Негр – это сущий дьявол. *(Пауза.)* Закрой окно.

Лиззи. Дай проветрить комнату.

Фред. Я сказал – закрой окно. Так. И задвинь штору. И зажги свет.

Лиззи. Зачем? Это все из-за негра?

Фред. Дура!

Лиззи. Такое чудесное солнце!

Фред. Обойдемся пока без солнца. Я хочу, чтобы твоя комната была такой, как ночью. Закрой окно, я сказал. Солнца хватит в другом месте. *(Подходит к Лиззи, пристально глядя на нее.)*

Лиззи *(встревоженно)*. Что случилось?

Фред. Ничего. Дай мне галстук.

Лиззи. Он в ванной. *(Выходит.)*

Фред быстро открывает ящики стола и роется в них.

(Входит с галстуком в руке). Вот он! *(Начинает завязывать ему галстук.)* Знаешь, я избегаю принимать случайных гостей, не люблю, когда мелькает множество новых лиц. Моя мечта – завести трех-четыре постоянных друзей пожилого возраста. И чтобы у них вошло в привычку навещать меня. Один, скажем, приходил бы во вторник, другой – по четвергам, третий – с субботы на воскресенье. Разумеется, такая привычка не из дешевых, что и говорить. Ты хоть и молод, но вид у тебя солидный. Стало быть, когда почувствуешь искушение... ладно, ладно, молчу. Сам решал. Ты прекрасен, как солнце. Поцелуй меня, красавчик, поцелуй за труды. Не хочешь меня поцеловать?

Фред *(резко и грубо целует ее и тут же отталкивает)*. Ты – дьявол.

Лиззи. Что?

Фред. Дьявол.

Лиззи. Снова Библия? Что это с тобой?

Фред. Ничего. Забавляюсь – и все.

Лиззи. Странная манера забавляться. *(Пауза.)* Ты доволен?

Фред. Чем доволен?

Лиззи *(улыбаясь, подражает ему)*. «Чем доволен?» До чего же ты еще у меня глупенький!

Фред. А, да, да, понимаю... Очень доволен. Очень. Сколько я тебе должен?

Лиззи. Кто говорит об этом? Я тебя спросила – доволен ли ты. Мог бы ответить полюбезнее. Да что с тобой? В самом деле, ты недоволен? Ну, ты и впрямь меня удивил, просто удивил.

Фред. Замолчи.

Лиззи. Так крепко меня обнимал всю ночь. Так крепко. А потом совсем тихо сказал, что любишь меня.

Фред. Ты была просто пьяна.

Лиззи. Нет, я не была пьяна.

Фред. Абсолютно пьяна.

Лиззи. Совсем нет.

Фред. Значит, я был пьян. Я ничего не помню.

Лиззи. Обидно. Я разделась в ванной, и, когда вышла, ты остолбенел. Не помнишь? А я тебе даже сказала: «Это мой прием». Ты забыл, что захотел потушить свет и любил меня в темноте? Я нашла, что это очень мило с твоей стороны. Не помнишь?

Фред. Нет.

Лиззи. А потом мы играли в двух новорожденных, как они лежат в одной колыбели. Хоть это ты не забыл?

Фред. Я тебе говорю – придержи язык. То, что делают ночью, принадлежит ночи. Днем об этом не говорят.

Лиззи (*с вызовом*). А если мне приятно говорить об этом? Я, знаешь, здорово смеялась.

Фред. А, ты смеялась! (*Подходит к ней, ласково гладит ее плечи, потом внезапно хватает за шею.*) Вы всегда смеетесь, когда думаете, что вам удалось опутать мужчину. (*Пауза.*) Я ее позабыл, твою ночь. Начисто позабыл. Я помню только дансинг – и все. Все остальное помнишь только ты, ты одна. (*Сдавливает ей шею.*)

Лиззи. Что ты делаешь?

Фред. Хочу тебя задушить.

Лиззи. Мне больно.

Фред. Придави я чуть-чуть сильнее, и больше некому будет вспоминать, что было этой ночью. (*Отпускает ее.*) Сколько ты хочешь?

Лиззи. Если ты обо всем позабыл, значит, я плохо работала. Зачем платить за плохую работу?

Фред. Без глупостей. Сколько?

Лиззи. Послушай, я приехала сюда позавчера. Ты мой первый гость. Первому я отдаюсь без денег: это принесет мне счастье.

Фред. Мне не нужны твои подарки. (*Кладет десятидолларовую бумажку на стол.*)

Лиззи. И мне не надо твоих бумажек. Все-таки любопытно, во сколько ты меня оценил. Постой, я угадаю! (*Берет бумажку, закрывает глаза.*) Сорок долларов? Нет, это слишком много, и потом, было бы две бумажки. Двадцать долларов? Тоже нет. Значит, больше сорока долларов? Пятьдесят? Сто?

Все это время Фред смотрит на нее, тихонько посмеиваясь.

Ну ладно, открою глаза. (*Разглядывая бумажку.*) Ты не ошибся?

Фред. Не думаю.

Лиззи. Ты знаешь, сколько ты дал?

Фред. Знаю.

Лиззи. Возьми ее себе. Бери!

Фред протестует.

Десять долларов! Десять! Да таким девушкам, как я, плевать на твои десять долларов! Ты видел мои ноги? (*Показывает ноги.*) А мою грудь ты видел? Где ты видел такую грудь за десять долларов? Забирай свою бумажку и катись отсюда, пока я окончательно не взбесилась. Десять долларов! «Господин без имени» меня всю зацеловал. Господину все было мало. Господин просил, чтобы я ему рассказала про свое детство. А утром «господин без имени», видите ли, проснулся в дурном настроении. Еще дерзит мне, словно заплатил за месяц вперед. А все это за сколько? Не за сорок, не за тридцать, не за двадцать долларов! А за десять!

Фред. Еще много за такое свинство.

Лиззи. Сам ты свинья! Откуда ты явился, мужлан? Твоя мамаша наверняка была изрядной шлепохвосткой, если не научила тебя уважать женщин.

Фред. Ты замолчишь?

Лиззи. Отъявленной шлепохвосткой!

Фред (*сквозь зубы*). Вот тебе совет, крошка: в нашем краю не говорят с парнем о его матери, если не хотят, чтобы их придушили.

Лиззи (*наступая на него*). А ну попробуй, задуши меня! Попробуй!

Фред (*отступая*). Успокойся!

Лиззи хватает со стола вазу, явно намереваясь запустить ею во Фреда.

Вот тебе еще десять долларов, и заткнись. Не то окажешься за решеткой.

Лиззи. Уж не ты ли посадишь меня за решетку?

Фред. Я.

Лиззи. Ты?

Фред. Именно я.

Лиззи. Любопытно.

Фред. Я – сын Кларка.

Лиззи. Какого такого Кларка?

Фред. Сенатора.

Лиззи. Правда? А я – дочь президента.

Фред. Ты видела портрет Кларка в газетах?

Лиззи. Видела... Ну и что?

Фред. Вот он. (*Показывает фотографию.*) Я – рядом с ним, он положил мне руку на плечо.

Лиззи (*внезапно успокаиваясь*). Подумать только! Какой же у тебя красивый отец! Дай-ка еще погляжу!

Фред (*вырывает из ее рук фотографию*). Хватит с тебя.

Лиззи. До чего ж хорош! И лицо какое благородное, строгое! А речи его, говорят, как мед. Это правда?

Фред не отвечает.

А это ваш сад?

Фред. Да.

Лиззи. Огромный! А девочки в креслах – твои сестры?

Он не отвечает.

Твой дом стоит на холме?

Фред. Да.

Лиззи. Значит, по утрам, когда вам подают завтрак, тебе из окна виден весь город?

Фред. Да.

Лиззи. И звонят в колокол, когда зовут к завтраку или к обеду? Да? Ты мог бы мне ответить.

Фред. Бьют в гонг.

Лиззи (*восхищенно*). В гонг! Не понимаю я тебя. Будь у меня такая семья, такой дом – стала бы я ночевать где попало. Ни за что, хоть бы меня озолотили. (*После паузы.*) А за мамашу прошу прощения. Погорячилась. Она тоже на фотографии?

Фред. Я тебе запретил говорить о ней.

Лиззи. Хорошо, хорошо! (*Пауза.*) Можно задать тебе вопрос?

Фред молчит.

(*Вздыхает.*) Ну что ж, раз я приехала сюда, придется привыкать к вашим манерам.

Пауза.

Фред (*причесывается перед зеркалом*). Ты жила на Севере?

Лиззи. Да.

Фред. В Нью-Йорке?

Лиззи. Тебя это не касается.

Фред. Ты только что говорила о Нью-Йорке.

Лиззи. Каждый может говорить о Нью-Йорке. Это ничего не доказывает.

Фред. Почему ты уехала оттуда?

Лиззи. Надоел он мне до черта.

Фред. Неприятности?

Лиззи. Разумеется. Они ко мне так и прилипают. Бывают такие натуры. Видишь эту змею? (*Указывает на браслет.*) Змея приносит несчастье.

Фред. Зачем же ты ее нацепила?

Лиззи. Теперь, когда она уже у меня, приходится носить. Говорят, что змеи ужасно мстительны.

Фред. Это тебя хотел изнасиловать негр?

Лиззи. Что?

Фред. Ты приехала позавчера курьерским, шестичасовым?

Лиззи. Да.

Фред. Значит, это была ты.

Лиззи. Никто не собирался меня насиловать. (*Смеется с оттенком горечи.*) Ты сообщаешь, что говоришь? Меня насиловать?

Фред. Именно тебя. Вебстер рассказал мне вчера в дансинге всю историю.

Лиззи. Вебстер? (*Пауза.*) Теперь понятно...

Фред. Что понятно?

Лиззи. Почему у тебя блестели глаза. Разошелся после его рассказа, да? Ну и дрянь же ты... Такой порядочный отец, а ты...

Фред. Дура! (*Пауза.*) Если бы я думал, что ты спала с черномазым...

Лиззи. Что бы было?

Фред. У меня пятеро слуг, все черные. Когда меня просят к телефону и один из них снимает трубку, он вытирает ее, прежде чем осмеливается передать ее мне.

Лиззи (*свистит*). Понимаю.

Фред (*вкрадчиво*). У нас здесь не очень-то любят негров, а также белых женщин, которые с ними путаются.

Лиззи. Ну хватит. Я не против негров, но у меня нет охоты водиться с ними.

Фред. Кто тебя знает. Ты – дьявол. И негр тоже дьявол. (*Грубо.*) Ну говори: он хотел тебя изнасиловать?

Лиззи. Да тебе-то что?

Фред. Они оба вошли в твоё купе и набросились на тебя. Ты стала звать на помощь. Прибежали белые. Один из негров выхватил бритву. Тогда белый ухлопал его одним выстрелом. Второй негр сбежал!

Лиззи. Это все тебе Вебстер сообщил?

Фред. Да.

Лиззи. А он откуда знает?

Фред. Весь город об этом твердит.

Лиззи. Весь город. Уж такое мое счастье. Видать, у вас других забот нет.

Фред. Но все произошло именно так, как мне сообщили?

Лиззи. Ничего подобного. Негры очень спокойно беседовали между собой. Никто из них и не взглянул на меня. Потом вошли четверо белых. Двое из них начали приставать ко

мне. Они выиграли матч в регби и были вдребезину пьяны, стали говорить, что здесь пахнет неграми, и пытались выбросить черных за окно. Негры защищались как могли. Под конец одному из белых подбили синяк, тогда белый выхватил револьвер и застрелил негра. Другой негр успел выпрыгнуть, когда поезд подходил к перрону. Вот и все.

Фред. Его здесь знают. Ему ждать недолго. Он получит по заслугам... *(Пауза.)* Когда тебя вызовут к судье, ты расскажешь ему всю историю, как мне сейчас рассказывала?

Лиззи. Да тебе-то что?

Фред. Отвечай.

Лиззи. Я не пойду к судье. Пуше смерти боюсь всяких судебных дел.

Фред. И все же тебе придется пойти.

Лиззи. Не пойду. Не желаю связываться с полицией.

Фред. Они придут за тобой.

Лиззи. Тогда расскажу то, что видела.

Пауза.

Фред. Ты отдаешь себе отчет в том, что собираешься сделать, красотка?

Лиззи. А что я собираюсь делать?

Фред. Давать показания против белого в пользу черномазого.

Лиззи. Но виновен белый.

Фред. Он невиновен.

Лиззи. Раз убил, значит, виновен.

Фред. В чем виновен?

Лиззи. В том, что совершил убийство.

Фред. Но убил-то он негра.

Лиззи. Да, негра.

Фред. Если каждый раз будут обвинять в убийстве того, кто убил негра...

Лиззи. Он не имел права.

Фред. Какого права?

Лиззи. Права убивать.

Фред. Это у вас на Севере завели такие законы. *(Пауза.)* Виновен он или невиновен, но ты не должна подводить под суд человека твоей расы.

Лиззи. Я вовсе не настаиваю, чтобы кого-то осудили. Меня спросят, что я видела, я расскажу.

Пауза.

Фред *(подходит к ней, с угрозой)*. Так ты за черных? Что у тебя было с этим негром? Почему ты его защищаешь?

Лиззи. Я его даже не знаю.

Фред. В чем же тогда дело?

Лиззи. Я должна буду сказать правду.

Фред. Правду?! Уличная девка, которой цена десять долларов, будет говорить правду! Какая тут может быть правда? Есть только белые и черные. Другой правды нет. Семнадцать тысяч белых и двадцать тысяч черных. Мы не в Нью-Йорке. Мы здесь не привыкли развлекаться. *(Пауза.)* Томас – мой двоюродный брат.

Лиззи. Какой Томас?

Фред. Томас. Человек, который убил негра, – мой двоюродный брат.

Лиззи *(ошеломлена)*. Вот оно что...

Фред. Он порядочный человек. Ты в этом ничего не смыслишь, но он порядочный человек.

Лиззи. Порядочный человек, который все время приставал и задирает мне юбку. Ничего себе порядочный! Я нисколько не изумлена, что вы из одной семейки.

Фред (*замахиваясь*). Грязная тварь! (*Сдерживается*.) Ты – дьявол, и все зло от дьявола. Подумаешь, задирает юбку, застрелил негра – экое преступление! Кто на это обращает внимание? Такие поступки совершают по легкомыслию. Томас – настоящий лидер, вот что надо ценить.

Лиззи. Возможно. Но негр ни в чем не виноват.

Фред. Негр всегда виноват.

Лиззи. Никогда я не предаю человека легавым.

Фред. Если будешь защищать негра – предашь Томаса. Одного из двух все равно предашь. Выбирай.

Лиззи. Ну и влипла же я! По уши. (*Обращаясь к змее на браслете*.) Это все ты, мерзкая дрянь! Кроме беды, мне ничего не принесла! (*Кидает браслет на пол*.)

Фред. Сколько ты хочешь?

Лиззи. Ничего не хочу.

Фред. Пятьсот долларов?

Лиззи. Ни цента.

Фред. Тебе за эти пятьсот долларов надо порядком потрудиться.

Лиззи. Конечно, если иметь дело с таким сквалыгой, как ты. (*Пауза*.) Так вот зачем тебе понадобилось заводить со мной любовную интригу!

Фред. Ну разумеется.

Лиззи. Только для этого. Ты сказал себе: «Так это та самая девка. Что ж, провожу ее домой, и мы с ней сторгуемся!» Вот для чего ты пришел! Поглаживал мне руки, мерзкая ледышка, а сам все время обдумывал, как меня провести. (*Пауза*.) Ну, признавайся, паренек!.. И если ты поднялся сюда, чтобы обделывать свои делишки, зачем остался со мной до утра? А? Зачем провел со мной ночь? Зачем?

Фред. Черт его знает зачем...

Лиззи (*заливаясь слезами, садится на стул*). Негодяй! Негодяй! Негодяй!

Фред. Пятьсот долларов! И не реви ты, ради бога. Пятьсот долларов! Лиззи, Лиззи! Будь благоразумной! Пятьсот долларов!

Лиззи (*захлебываясь от слез*). Я неразумная! И доллары твои мне не нужны! И не стану я лгать! Лучше вернись в Нью-Йорк! Уеду, уеду отсюда!

Звонок. Она сразу затихает. Звонок повторяется.

(*Тихо*.) Кто это? Молчи!

Продолжительный звонок.

Я не открою. Не шевелись.

Стук в дверь. Голос за дверью: «Откройте! Полиция!»

(*Полушепотом*.) Легавые. Я чувствовала, что этим кончится. (*Указывая на браслет, брошенный на пол*.) Это все ты наделал. (*Наклоняется, поднимает с полу браслет, надевает на руку*.) Лучше надену, чтобы хуже не было. (*Фреду*.) Спрячься!

Стук в дверь. Голос за дверью: «Полиция».

Лиззи. Чего ты стоишь? Ступай в ванную.

Фред не двигается.

(Толкает его изо всех сил.) Иди, иди!

Голос за дверью: «Фред, ты здесь? Ты здесь, Фред?»

Фред (отталкивает Лиззи). Я здесь.

Лиззи (оцепенев, смотрит на него). Вот оно что. Фред идет к двери. Входят Джеймс и Джон.

Явление третье

Те же, Джон, Джеймс. Входная дверь остается незапертой.

Джон. Полиция. Лиззи Мак-Кей – это ты?

Лиззи (как бы не слыша его, не отрываясь смотрит на Фреда). Вот зачем ты здесь!

Джон (трясет ее за плечо). Отвечай, когда тебя спрашивают.

Лиззи. Что? Да, это я.

Джон. Документы?

Лиззи (взяв себя в руки, жестко). По какому праву вы меня допрашиваете? Зачем пришли ко мне?

Джон указывает на свой значок.

Этакую штуку всякий может нацепить. Вы дружки этого господина и сговорились шантажировать меня.

Джон (сует ей под нос полицейскую книжку). С этим ты знакома?

Лиззи (указывая на Джеймса). А этот кто?

Джон (Джеймсу). Покажи ей свою книжку.

Джеймс протягивает Лиззи удостоверение. Поглядев на него, Лиззи подходит к столу, достает документы и молча отдает их Джону.

(Указывая в сторону Фреда.) Ты привела его вчера вечером к себе? Известно ли тебе, что проституция запрещена законом?

Лиззи. А вам известно, что вы не имеете права вот так вторгаться в дом без ордера? Вы не боитесь, что я стану протестовать и доставлю вам неприятности?

Джон. Не порть себе кровь из-за нас. (Пауза.) Тебя спрашивают: ты привела его к себе?

Лиззи (после прихода полицейских заметно изменилась – стала ожесточенней и более вульгарной). Бросьте морочить людям голову. Ясно, что я его привела к себе. Только я занимаюсь любовью бескорыстно. Ну что, поперхнулись?

Фред. На столе лежат две купюры по десять долларов. Это мои.

Лиззи. Докажи.

Фред (не поглядев в ее сторону, полицейским). Вчера утром я взял их в банке вместе с остальными двадцатью восемью купюрами из той же серии. Остается только сверить номера.

Лиззи (*с жаром*). Я отказалась от них. Отказалась от его грязных бумажек. Швырнула их ему в харю.

Джон. Каким образом они очутились на столе, если ты отказалась?

Лиззи (*после паузы*). Ну, вы меня сцапали. (*Растерянно смотрит на Фреда, почти ласковым голосом.*) Так вот в чем дело. (*Полицейским.*) Чего вы от меня хотите?

Джон. Садись. (*Фреду.*) Ты поставил ее в известность?

Фред кивает.

Тебе сказано – садись. (*Толкает ее в кресло.*) Судья дал согласие выпустить Томаса, если ты подпишешь это показание. Его уже составили, тебе остается только подписать. Завтра тебя допросят как полагается, по всем правилам. Ты умеешь читать?

В ответ Лиззи только пожимает плечами.

(*Протягивает бумагу.*) Прочти и подпиши.

Лиззи (*посмотрев, что там написано*). Все ложь от начала до конца.

Джон. Возможно. Ну!

Лиззи. Не подпишу.

Фред. Погрузи ее в машину. (*Лиззи.*) Восемнадцать месяцев. Ясно тебе?

Лиззи. Да, восемнадцать. Но когда я выйду, я с тебя с живого шкуру сдеру.

Фред. Вряд ли тебе это удастся.

Смотрят друг на друга.

Вам следовало бы позвонить в Нью-Йорк, у нее там были какие-то осложнения с полицией.

Лиззи (*восхищенно*). Какая же ты паскуда, совсем как баба. Никогда бы не поверила, что мужчина способен на этакое паскудство.

Джон. Решай. Подпиши, или я отвезу тебя в публичный дом.

Лиззи. Я предпочитаю публичный дом. Не хочу лгать.

Фред. Не хочет лгать, шлюха! А чем другим ты еще занимаешься целыми ночами? Ты называла меня дорогим, любимым малышом; ты что, не лгала? Вздыхала от страсти и любовного пыла, чтобы убедить меня, как я тебе приятен. Ты что, не лгала?

Лиззи (*вызывающе*). Тебя это устраивало? Да? Нет, не лгала.

Глядят в упор друг на друга. Фред отводит глаза.

Джон. Пора кончать. Вот тебе мое перо. Подписывай.

Лиззи. Оставь его себе.

Молчание. Все трое явно растеряны.

Фред. Вот до чего мы докатились! От каприза обыкновенной девки зависит судьба лучшего человека в городе. (*Ходит по комнате, затем внезапно останавливается перед Лиззи.*) Погляди на него. (*Показывает ей фотографию.*) За всю твою собачью жизнь случалось ли тебе встречать людей, подобных ему? Взгляни на этот лоб, на этот подбородок. Погляди на его мундир, на медали. Нет, нет, не отводи глаз. Всмотрись как следует: ведь это твоя жертва. Гляди на нее в упор. Ты видишь, как он молод, сколько гордости в его взгляде, как он кра-

сив! Спустя десять лет он выйдет из тюрьмы облысевшим, беззубым, изможденным старцем. Будь довольна, ты честно потрудилась. По сию пору ты занималась тем, что обирала людей, опустошала их карманы, сейчас ты нашла более подходящее занятие – похищать жизни. Это один из лучших парней нашего города. Молчишь! Ты растленна до мозга костей. *(Бросает ее на колени.)* На колени, потаскушка! На колени перед портретом человека, которого ты решила обесчестить!

В дверях появляется сенатор Кларк.

Явление четвертое

Те же и сенатор Кларк.

Сенатор . Отпусти ее. *(Лиззи.)* Встаньте.

Фред . Хелло!

Джон . Хелло!

Сенатор . Хелло! Хелло!

Джон *(Лиззи)* . Это сенатор Кларк.

Сенатор *(Лиззи)* . Хелло!

Лиззи . Хелло!

Сенатор . Итак, нас представили друг другу. *(Смотрит на Лиззи.)* Значит, это та самая девушка. Она весьма симпатична.

Фред . Она отказывается подписать.

Сенатор . Она абсолютно права. Вы вторглись к ней, не имея на это никакого права. *(На протестующий жест Фреда настойчиво повторяет.)* Без малейшего права вы терроризируете ее и вынуждаете действовать против ее совести, что чуждо американским понятиям о правах человека. Негр покушался на вашу честь, дитя мое?

Лиззи . Нет.

Сенатор . Отлично. И совершенно ясно. Поглядите мне в глаза. *(Смотрит на нее.)* Я убежден, что она не лжет. Бедная Мэри! *(Полицейским.)* Идите, мальчики! Вам здесь нечего больше делать. Остается только извиниться перед барышней.

Полицейские уходят.

Лиззи . Кто это – Мэри?

Сенатор . Мэри? Моя сестра, мать несчастного Томаса. Бедная, милая старушка, она умрет с горя. До свидания, дитя мое.

Лиззи . Сенатор!

Сенатор . Да, дитя мое.

Лиззи . Мне очень жаль...

Сенатор . О чем же жалеть, раз вы сказали правду?

Лиззи . Мне жаль, что это... что такова правда.

Сенатор . Мы ничего не можем сделать, никто из нас не имеет права просить вас о ложных показаниях. *(Пауза.)* Никто. Не думайте больше о ней.

Лиззи . О ком?

Сенатор . О моей сестре. Ведь вы думали сейчас о моей сестре?

Лиззи . Да.

Сенатор . Я ясно читаю ваши мысли, дитя мое. Хотите, я вам сейчас расскажу, что происходит в вашей голове? *(Будто читает мысли Лиззи.)* «Если я подпишу, сенатор пойдет

к ней и скажет: «Лиззи Мак-Кей честная девушка, она возвращает тебе сына». А она, улыбувшись сквозь слезы, ответит: «Лиззи Мак-Кей? Я никогда не забуду ее имени». И я – одинокое существо, выброшенное судьбой за борт общества, буду знать, что на свете есть добрая старушка, которая будет думать обо мне в своем большом доме. Одна американская мать удочерит меня в своем сердце». Бедняжка Лиззи, не думайте больше об этом.

Лиззи . У нее седые волосы?

Сенатор . Совсем седые. А если бы вы могли видеть ее улыбку... Она... Если бы вы только видели ее улыбку... но она уже никогда не улыбнется больше. До свидания. Завтра вы расскажете всю правду судье.

Лиззи . Вы уходите?

Сенатор . Я иду к Мэри. Надо передать ей о нашем разговоре.

Лиззи . Она знает, что вы у меня?

Сенатор . По ее просьбе я пришел к вам.

Лиззи . Ох, господи! Она ждет? А вы придете и скажете, что я отказалась подписать. Как она будет меня ненавидеть!

Сенатор (*положив руки на плечи Лиззи*). Бедное мое дитя, не хотел бы я очутиться на вашем месте.

Лиззи . Какая драма! (*Поглядев на браслет.*) Это ты, тварь, виновата во всем.

Сенатор . Что?

Лиззи . Ничего, это я так. (*Пауза.*) Столько несчастий вокруг... Остается только пожалеть, что негр и в самом деле не изнасиловал меня.

Сенатор (*растроганно*). Дитя мое...

Лиззи (*печально*). Вы были бы счастливы, а я не слишком бы сильно убивалась.

Сенатор . Благодарю вас. (*Пауза.*) Как бы мне хотелось помочь вам. (*Пауза.*) Но, увы, истина остается истиной.

Лиззи (*печально*). Да, конечно.

Сенатор . Истинные факты говорят о том, что негр на вас не покушался.

Лиззи (*печально*). Да, конечно.

Сенатор . Да. (*Пауза.*) Но если поразмыслить, то станет ясно, что мы представили истину в ее одностороннем виде.

Лиззи (*не понимая*). Одностороннем виде...

Сенатор . Я хочу сказать, что до сих пор речь шла лишь об элементарной истине.

Лиззи . Элементарной? Значит, это уже не истина?

Сенатор . Нет, нет, разумеется, истина. Но только к истине... подходят по-разному, смотря по обстоятельствам.

Лиззи . Вы все-таки думаете, что негр меня изнасиловал?

Сенатор . Нет, нет, он вас не изнасиловал. С определенной точки зрения – совсем нет. Но, видите ли, я старый человек, прожил долгую жизнь, много раз ошибался, и только последние годы ошибаюсь немного реже. По поводу этого дела у меня сложилось мнение, несколько отличное от вашего.

Лиззи . Какое же мнение?

Сенатор . Как объяснить вам? Попробуем так: вообразите, что вся американская нация внезапно предстала перед вами... Что бы она сказала вам?

Лиззи (*испуганно*). Я полагаю, что она не стала бы со мной разговаривать.

Сенатор . Вы коммунистка?

Лиззи . Ох, что вы! Конечно, нет!

Сенатор . Тогда она сказала бы вам многое. Она сказала бы вам: «Лиззи, так случилось, что тебе надлежит сделать выбор между двумя моими сыновьями. Один из них должен

погибнуть. Как поступают в подобных случаях? Сохраняют достойнейшего. Итак, решим, кто из них достойнее. Ты не возражаешь?»

Лиззи. Конечно, нет. Прошу прощения! Я подумала, что это вы говорите.

Сенатор. Я говорю от имени моей страны. «Лиззи, что собой представляет этот негр, которому ты покровительствуешь? Он родился случайно, бог весть где и от кого. Я вскормила его, а он... что дал он мне взамен? Ровным счетом ничего. Он бездельничает, ворует, распевает песни и покупает розовые и зеленые костюмы. Это мой сын, и я люблю его наравне с остальными моими сыновьями, но я тебя спрашиваю: разве он ведет жизнь достойного человека? Его смерть не будет для меня большой потерей».

Лиззи. Как вы красиво говорите!

Сенатор (*собираясь с мыслями*). «Другой – Томас – полная ему противоположность. Да, он убил негра, что очень дурно. Но он мне необходим. Он стопроцентный американец. Потомок благороднейшей семьи – одной из старейших в нашей стране. Он окончил Гарвардский университет. Он офицер – а мне нужны офицеры, – у него на заводе две тысячи рабочих: две тысячи станут безработными, если он умрет. Он – лидер, надежный оплот против коммунизма, профсоюзов и евреев. Он обязан жить, и твой долг – сохранить ему жизнь. Вот и все. А теперь – выбирай».

Лиззи. Как вы хорошо говорите.

Сенатор. Выбирай!

Лиззи (*привскочив*). Что? Ах да... (*Пауза.*) Вы меня запутали, я даже забыла, где я и что со мной.

Сенатор. Поглядите на меня, Лиззи. Вы мне верите?

Лиззи. Да, господин сенатор.

Сенатор. Допускаете ли вы, что я могу толкнуть вас на дурной поступок?

Лиззи. Нет, господин сенатор.

Сенатор. Тогда вам следует подписать. Вот мое перо.

Лиззи. Вы думаете – она будет довольна мной?

Сенатор. Кто?

Лиззи. Ваша сестра.

Сенатор. Она издалека будет любить вас, как родную дочь.

Лиззи. Быть может, она пришлет мне цветы?

Сенатор. Возможно.

Лиззи. Или свою фотографию с надписью.

Сенатор. Вполне возможно.

Лиззи. Я повешу ее на стенку (*Пауза. Волнуясь, ходит по комнате.*) Что за история! (*Сенатору.*) А что вы сделаете с негром, если я подпишу?

Сенатор. С негром? Ба! (*Положив руки на ее плечи.*) Если ты подпишешь, весь город единодушно признает тебя своей дочерью. Весь город. Все матери нашего города.

Лиззи. Но...

Сенатор. Неужели ты считаешь, что весь город может ошибаться? Целый город, где обитают пасторы и священники, врачи, адвокаты, артисты; где живет мэр и его заместители, а также члены благотворительных обществ. Они могут ошибаться, по-твоему?

Лиззи. Нет, нет, нет.

Сенатор. Дай руку! (*Заставляет ее подписать бумагу.*) Так. Благодарю тебя от имени сестры и племянника, от имени семнадцати тысяч белых нашего города, от имени американской нации, которую я здесь представляю. Дай мне твой лоб. (*Целует ее в лоб.*) Я еще вернусь вечером: нам есть о чем побеседовать с тобой. (*Уходит.*)

Фред (*у выхода*). Прощай, Лиззи.

Лиззи. Прощай.

Сенатор и Фред уходят.

(Подавлена, внезапно бросается к входной двери.) Сенатор! Сенатор! Я не могу! Разорвите бумагу! Сенатор! *(Возвращается в комнату, машинально берется за пылесос.)* Кажется, они меня здорово окрутили! *(Яростно водит пылесосом.)*

Занавес.

Картина вторая

Та же декорация. Между первым и вторым действиями прошло двенадцать часов. Комната ярко освещена. Сквозь раскрытое окно видно ночное небо. С улицы доносится нарастающий шум. В окне появляется лицо Негра; ухватившись за раму, он прыгает в пустую комнату. Останавливается посередине. Раздается звонок. Негр прячется за портьерой. Лиззи выходит из ванной, подходит к входной двери и открывает ее.

Явление первое

Лиззи, Сенатор, Негр за портьерой.

Лиззи. Входите!

Входит Сенатор.

Ну что?

Сенатор. Томас в объятиях своей матери. Я пришел поблагодарить вас от их имени.

Лиззи. Она счастлива?

Сенатор. Очень счастлива.

Лиззи. Она плакала?

Сенатор. Плакала? Почему? Она мужественная женщина.

Лиззи. Вы мне сказали, что она будет плакать.

Сенатор. Я говорил иносказательно.

Лиззи. Она, видно, не ожидала такого? Считала, что я дурная женщина и буду защищать негра?

Сенатор. Моя сестра полагалась на волю господню.

Лиззи. Что она думает обо мне?

Сенатор. Благодарит вас.

Лиззи. Она не спрашивала, как я на это решилась?

Сенатор. Нет.

Лиззи. Она считает меня честной девушкой?

Сенатор. Моя сестра полагает, что вы исполнили ваш долг.

Лиззи. Ах, да?..

Сенатор. Моя сестра надеется также, что вы исполните ваш долг до конца.

Лиззи. Да, да...

Сенатор. Поглядите мне в глаза, Лиззи. *(Обнимает ее за плечи.)* Вы исполните ваш долг до конца? Вы не захотите разочаровать ее?

Лиззи. Не волнуйтесь. Я не могу вернуть того, что сделала, – они отправят меня в публичный дом. *(Пауза.)* Что это за крики на улице?

Сенатор. Ерунда.

Лиззи. Просто невозможно выносить этот рев. *(Закрывает окно.)* Господин сенатор...

Сенатор. Да, дитя мое?

Лиззи. Вы уверены, господин сенатор, что мы не ошиблись и я поступила честно?

Сенатор. Абсолютно уверен.

Лиззи. Я себя не узнаю: я точно в тумане, вы слишком быстро все решаете, мне трудно понять. Который час?

Сенатор. Одиннадцать.

Лиззи. Еще восемь часов до рассвета. Я чувствую, что не смогу сомкнуть глаз. *(Пауза.)* По ночам здесь так же душно, как днем. *(Пауза.)* А что с негром?

Сенатор. С каким негром? А, с тем... Его ищут.

Лиззи. Что его ждет?

Сенатор пожимает плечами. Рев на улице усиливается.

(Подходит к окну.) Что означают эти вопли? Люди идут, идут с фонарями, с собаками. Что это – факельное шествие? Или... скажите, сенатор! Скажите, почему они так вопят?

Сенатор *(вынимая из кармана письмо)*. Моя сестра поручила мне передать вам это.

Лиззи *(оживляясь)*. Она написала мне? *(Вскрывает конверт, вынимает стодолларовую бумажку, ищет письмо, не найдя его, комкает конверт и швыряет на пол; изменившимся голосом.)* Сто долларов. Можете быть довольны: ваш сын предлагал мне пятьсот, вы недурно сэкономили.

Сенатор. Дитя мое.

Лиззи. Поблагодарите вашу сестру. Передайте ей, что я предпочла бы японскую вазочку или нейлоновые чулки, что-нибудь такое, что она сама потрудилась бы выбрать по своему вкусу для меня. Ведь тут главное – внимание, не правда ли, господин сенатор? *(Пауза.)* Здорово вы меня охмурили.

Молча глядят друг другу в глаза.

Сенатор *(приближаясь к ней)*. Я отблагодарю вас, дитя мое. А теперь наедине поговорим откровенно. Я понимаю, вы переживаете душевный кризис и нуждаетесь в моей поддержке.

Лиззи. Больше всего я нуждаюсь в монетах. И тут, я думаю, мы с вами поладим. *(Пауза.)* До сих пор я предпочитала стариков, за их почтенный вид. А теперь вижу, что они к тому же отъявленные ловкачи.

Сенатор *(повеселев)*. Ловкачи! Ах, если бы кто из моих коллег услышал это! Какая прелестная непосредственность! В вас есть еще нечто такое, что даже ваш непутевый образ жизни не смог загасить. *(Ласкает ее.)* Да, да... что-то в вас есть...

Лиззи пассивна, но на лице у нее презрение.

Я вернусь еще. Не провожайте меня. *(Уходит.)*

Лиззи стоит неподвижно, потом, схватив со стола стодолларовую бумажку, швыряет ее на пол, падает на стул и разражается рыданиями. Рев, вопли на улице становятся все ближе. Издали раздаются выстрелы. Негр выходит из-за портьеры. Останавливается возле Лиззи. Она поднимает голову и вскрикивает.

Явление второе

Лиззи, Негр.

Лиззи. Ах! *(Пауза. Встает.)* Я так и думала, что ты придешь!.. Так и думала, что придешь! Как ты вошел?

Негр. Через окно.

Лиззи. Чего ты хочешь?

Негр. Спрячьте меня.

Лиззи. Я ведь уже сказала, что не спрячу.

Негр. Вы слышите, мэм?

Лиззи. Да. Слышу.

Негр. Это началась охота.

Лиззи. Какая охота?

Негр. Охота за неграми.

Лиззи. А... *(Долгая пауза.)* Ты уверен, что они не видели, как ты вошел?

Негр. Уверен.

Лиззи. Что будет с тобой, если тебя схватят?

Негр. Бензин.

Лиззи. Что?

Негр. Бензин. *(Поясняет жестами, что его ждет сожжение на костре.)* Оболят меня бензином и сожгут.

Лиззи. Понятно. *(Идет к окну, задергивает шторы.)* Садись.

Негр тяжело опускается на стул.

Надо же было, чтобы ты пришел ко мне. Когда все это кончится? *(Почти угрожающе наступая на него.)* Больше смерти боюсь всяких осложнений, понимаешь?

Негр отступает.

(Топает ногой.) Боюсь! Боюсь! Боюсь!

Негр. Они думают, что я покушался на вас.

Лиззи. Ну и что?

Негр. Они не станут меня искать здесь.

Лиззи. Ты знаешь, почему они охотятся за тобой?

Негр. Они думают, что я покушался на вас.

Лиззи. А ты знаешь, кто им это сказал?

Негр. Нет.

Лиззи. Я.

Долгое молчание. Негр пристально глядит на Лиззи.

Что ты думаешь обо мне?

Негр. Зачем вы это сделали, мэм? Ох, зачем вы это сделали?

Лиззи. Сама себя спрашиваю – зачем?

Негр. У них нет жалости. Они будут стегать меня по глазам. Оболят бензином. Ох, зачем вы так поступили? Ведь я ничего дурного не сделал вам.

Лиззи. Нет, сделал! Ты даже не представляешь, сколько зла ты мне причинил. *(Пауза.)* У тебя нет желания ударить меня?

Негр. Белые часто заставляют людей поступать против совести.

Лиззи. Да, часто. Когда им не удается добиться этого силой, они затуманивают мозги красивыми речами. *(Пауза.)* Значит, нет? Ты не задушишь меня? Ты – добрый человек. *(Пауза.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.